

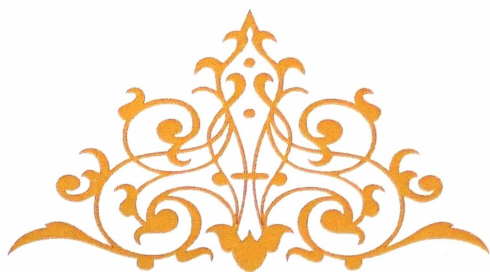
Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Книга первая

ТУРУНЖ

Игорь БАБАЕВ

НАСЛЕДИЕ

Роман в четырех книгах

Книга первая

ТУРУНЖ

Москва

2014

Сердце матери — это
бездна, в глубине которой
всегда найдется прощение.

Оноре де Бальзак

ПРЕДИСЛОВИЕ

Память...

Величайшее богатство и самое большое наследие, которое есть у человека. Она способна воскресить и навсегда предать забвению. Память бессмертна. Пока нас помнят, мы живы в сердцах и мыслях дорогих нам людей.

Эту книгу я посвящаю моей маме со всей душевной теплотой и сыновней любовью, не отданной когда-то. Ее трагическая судьба оставила кровоточащую рану в моем сердце, которая не дает покоя и по сей день. Мамы уже нет на этом свете, и единственное, что я смог сделать, — это по крупицам, в деталях восстановить в нашей памяти все пережитое ею.

Переходя от факта к факту, от события к событию, все глубже погружаясь в дела давно

минувших лет, я в какой-то момент почувствовал, что события прошлого подхватили и понесли от жизни моей матери в глубь времен — к истории ее рода, истории рода моего отца. Так я лицом к лицу столкнулся с судьбами моих предков. То, что волновало их, передалось мне. Открылись взлеты и падения, рождения и смерти, странные пересечения и загадочные совпадения. Хранить в себе это было невозможно. Так родилось желание перенести на бумагу, запечатлеть все произошедшее с теми людьми, которым я обязан своим появлением на свет.

Некоторых из родственников, рассказавших мне о событиях тех лет, уже нет в живых. И я благодарен судьбе и времени за то, что оно не было так беспощадно и позволило увековечить ту истину, что могла исчезнуть бесследно...

Я хочу, чтобы мои дети, внуки и все последующие поколения знали свои корни. Помнили и никогда не совершали тех ошибок, которые запечатлены в истории нашего рода.

I

Моего прапрадеда звали Юсуфом. Так утверждает семейное предание. Он был шойхетом — резником. Это не профессия — это философия, образ жизни. Ни у одного народа понятие «резник» не стоит так высоко и не значит так много, как у евреев. Шойхет не только режет птицу и скот, он делает младенцам миле — обрезание, — исполняет функции раввина, совершает молитвы. Наконец, он прокладывает путь бессмертным душам в долине боли и отчаяния, куда Господь приводит свои создания.

Родители моего прапрадеда исчезли — уехали паломниками в Палестину и не вернулись. Тогда, в середине XIX века, это стало чуть ли не нравственным долгом большинства евреев, рассеянных на бескрайних просторах России. Их сын остался один. Были ли у него братья и сестры, неизвестно. У евреев нет сиротских приютов, потому что детей не выкидывают на улицу, если они остаются

без родителей. Общинный совет аула, где жил Юсуф, постановил направить юношу в учение к раввину в Дербент.

Для горского еврея это место было тем же самым, чем для русского крестьянина — Париж. В Дербенте все шло шиворот-навыворот. В горах строения лепились по склонам гор без видимого порядка, как ласточкины гнезда, — здесь, на узких улочках, они стояли в ряд, как солдаты на параде. В аулах не знали, что такое стекла в окнах, — здесь поражали взгляд широкие витрины.

И самое главное, в домах имелись кровати. Горцы удивлялись: как на таких умудрялись спать? В селениях на ночь принято было устраиваться всей семьей на полу: почти во всю ширину комнаты расстилали циновки, носившие гордое название «матрацев», и на них укладывали рядами детей. На головы натягивали специальные вязаные шапочки. Укрывались такими же циновками, на которых лежали, в холодное время года сверху накидывали еще бурки.

По чести сказать, и в Дербенте из всей еврейской общины кровати имели только несколько человек, числом не более, чем пальцев на одной руке: торговец мареной, городской аптекарь, раввин и Гершон, владелец табачных лавок. Говорили, что табак, который он продавал, посылали самой английской королеве.

Гершон раз в году посещал Нижегородскую ярмарку и однажды, когда увидел там паровоз, чуть с ума не сошел. Машина гудела, выпускала клубы пара, и те люди, которым предлагали прокатиться, направлялись к ней с остановившимися взглядами и глуповатыми улыбками, не веря, что им удастся выбраться из этой переделки живыми. Гершон говорил, что он был в числе сорока счастливцев, отважившихся сесть на первый поезд. Вообще, он слыл большим выдумщиком. Однажды рассказал, что где-то в Европе — он не помнил точно где — научились

ловить теплый воздух от костра в огромный мешок, и мешок этот сам мог подниматься в воздух, да еще тянуть к небу корзину, в которой сидел живой человек. Кто такому поверит?

В общем, четверо человек, у которых имелись кровати, в Дербенте были основными поставщиками сказок (при других обстоятельствах называемых новостями) в еврейские поселения Дагестана. Едва ли кто-то из их обитателей слышал слово «Европа», но все точно знали, что там — на севере и западе, — за высокими горами, запирающими аулы, происходило много интересного.

В нашем селе ничего такого не случилось. Там даже не было резника. Именно по этой причине прапрадеда решили отправить учиться в большой город.

Всем дербентским раввинам молва приписывала необыкновенные мудрость и ученость. Слава их была такой же величественной и непоколебимой, как скала в море. Раввин, к которому направился мой прапрадед, считался самым ученым, и все оттого, что его сын знал два слова по-русски.

Жене того раввина Юсуф привез в подарок от общины две пары чулок и отрез ситца на платье. Женщина подношением осталась довольна и изредка давала Юсуфу горсть проса — в качестве лакомства.

Тот ребе оказался хорошим учителем. В синагоге, в которой даже в полдень не доставало света, он усаживал перед собой мальчишек, отданных ему в обучение. Партами им служили собственные колени, роль школьной доски исполнял плоский камень, на котором раввин углем выводил буквы. Учитель произносил звук, который обозначала буква. Ребята в ответ усердно открывали рты. Раввин зачитывал фрагмент священного текста и переходил к следующей букве. Для него всегда оставалось загадкой, действительно ли мальчишки освоили азбуку или

просто срабатывала цепкая детская память. Занятие продолжалось, и ученики клали перед собой камни и начинали на них писать... Затем раввин снова читал — по целой главе, — и каждый школяр должен был за ним повторять слово в слово.

Очень скоро Юсуф прочитал все Пятикнижие. Учение давалось ему легко. Мальчики постарше все топтались на «сотворил Бог небо и землю», а Юсуф уже переходил к подвигам Моисея в пустыне. В положенный срок, может быть, за год, он прочитал весь Шулхан-Арух — свод еврейских правил — и выучил все, что полагалось знать будущему резнику: о связи небесных планет и органов, как надо искать яремную вену на шее бедной скотины, что будет, если вовремя не удалить сухожилия у бычка, — в общем, постиг так необходимую ученую заумь.

За время чтения Шулхан-Аруха Юсуф возмужал, у него стали пробиваться усы, и, в довершение всего, он вырос на целую голову. Так что, когда обучение закончилось, будущий резник превратился в настоящего джигита.

Прошло еще полгода, и юноша в присутствии старейшин сдал экзамен на знание священных книг: Торы и Талмуда. Продемонстрировал, как правильно затачивать ножи. Потом его отвели в хлев. Там он взял в руки большой острый нож и молниеносно зарезал курицу. Старики удивились легкости движений Юсуфа. Предложили испробовать свое умение на баране. Юноша мастерски справился и с этим заданием, сопровождая действия произнесением соответствующих молитв. Дошло дело до коровы, как и полагалось на ответственном экзамене на звание резника.

И в этом испытании Юсуф оказался на высоте. Старики, наблюдавшие за происходившим, одобрительно закивали. Движения парня были уверенными, удары —

точными. К тому же вел он себя хладнокровно и выдержанно, — что еще желать для человека этой профессии. Раввин постановил, что парень овладел всеми знаниями. Напрасно Юсуф просил его оставить, научить еще чему-нибудь. Раввин оставался непреклонным. Юноше пора было возвращаться в аул.

К этому времени не раз и не два деревенская община присылала к раввину шаманата — гонца — справиться об обучении Юсуфа. Старый резник умер, резать скотину по правилам никто не умел, да и постоянно ходить в соседнюю деревню было тяжело и накладно.

В точном соответствии с правилами раввин выписал в синагоге свидетельство, что Юсуф мог осуществлять резницкую деятельность.

Шаманат скрепил документ рюмкой водки, крикнул и забрал юношу с собой.

В селе молодого резника встретили с радостью. Жители повыскакивали из своих саклей посмотреть, что грамота сотворила с их односельчанином. Женщины постарше считали своим долгом сказать ученому юноше ласковое слово. Мужчины одобрительно кивали, замечая, что парень хорошо держится в седле. Матери желали своим дочерям, чтобы Бог осчастливил их такими же сыновьями. А старики крутили бороды и думали, что их внушки будут рады иметь такого жениха.

Аул горских евреев почти ничем не отличался от мусульманского селения: такие же прилепленные друг к другу домишки: улицы как таковые отсутствовали. Жилые строения в горах возводили самые простецкие. Чаще всего они представляли собой двухэтажные сооружения из камня и глины, замешенной с сечкой из соломы, без каких бы то ни было архитектурных излишеств. Крыши делали плоскими: клали балки и поперек набрасывали прочные сучья или гибкий камыш, которые также скрепляли глиной.

В каждой сакле прорубали одну или две двери и одно-два маленьких окна. В пургу, дождь или метель эти оконные отверстия закрывали ставнями из досок. Как и другие горцы, евреи, строя дом, преследовали своей целью не столько создать комфорт, сколько обеспечить защиту от нападений неприятеля. В случае опасности сакли, прилепленные к склону горы, словно ласточкины гнезда или соты в улье, превращались в неприступные крепости. Тогда окна служили бойницами, а мирные обитатели мгновенно превращались в грозных воинов. Женщины и дети укрывались в комнатах.

Впрочем, назвать помещения внутри домов комнатами можно было с большой натяжкой. Скорее, они напоминали глиняные коробочки без дверей. Это обстоятельство не раз вызывало изумление у тех европейцев, кто оказывался на Кавказе. Все стены были завешаны коврами или циновками, для надежности прикрытых стегаными одеялами. Под одним из покрывал — попробуй найти, под которым, — имелся маленький лаз, пробраться через который можно было лишь согнувшись в три погибели.

Как бы ни были бедны обитатели домов, содержались помещения в большой чистоте. Стены и полы смазывали перед каждой субботой белой известкой. По периметру чуть выше уровня пола была проведена красная или серая полоса — из глины, добываемой повсеместно в горах Дагестана.

В то же время горские евреи не чужды были форса и тяги к комфорту, который понимался очень своеобразно. В стенах устраивали ниши, которые использовались как витрины для домашней утвари. Под нишами, на полу, ставили глиняные кувшины для вина и медные сосуды старой персидской работы для воды, масла и круп.

В кунацкой, или мужской, комнате главным украшением стен являлось оружие: шашки, кинжалы, пистолеты и ружья — сокровище горца.

На женской половине одну из стен обязательно украшали зеркалами, между которыми вешали шали: шелковые или шерстяные. На противоположную стену было принято помещать большие круглые подносы из красной меди и треснувшие от времени тарелки с причудливыми изображениями цветов и фигурок животных. Использовали их только на самые крупные праздники, свадьбы или похороны. На полу ставили деревянные кованые сундуки, один на другой: внизу — самый большой, наверху — самый маленький. В них рачительные хозяйки держали свадебные наряды и другие редко используемые вещи, как правило, времен цветущей юности.

Горские мужчины в женские сундуки никогда не заглядывали, потому что такое поведение считалось недостойным. Жены этим пользовались и хранили в них свои маленькие секреты.

По крайней мере, именно так повествуют о наших краях путешественники, проезжавшие через горные аулы (и немало при этом приукрашавшие реальность, как, например, Иегуда Черный в своем объемном труде).

Время от времени между домами, попыхивая трубкой, неторопливо прохаживался праздного вида мужчина. Через одну в саклях обустраивали лавки, у дверей которых сидели их хозяева и мечтали о чем-то своем или беседовали с соседями.

Большинство мужчин собиралось на площадке перед синагогой или резницкой. Они пространно рассуждали, как созреет урожай и что раньше все было не в пример лучше, потому что люди Бога боялись.

Как правило, юноши в беседе взрослых, женатых мужчин не участвовали, стояли у фонтана, если он имелся в ауле, подначивали друг друга, подталкивали локтями, шутили и бросали быстрые взгляды на девушек и женщин, которые приходили за водой.

Самым главным развлечением горских евреев, как и всех жителей Дагестана, были гости. Не дай бог через селение доводилось проезжать чужеземцу: еврею или мусульманину, — его обязательно останавливали, и за считанные минуты вокруг собиралась толпа. Люди по очереди спрашивали у странника, откуда он, что заставило приступить в путь, через какие аулы и города проехал и что там видел. Если узнавали, что путник побывал в селениях, где жил кто-нибудь из родственников или знакомых, то тут же следовали вопросы, не видел ли он такого-то и такого-то.

Если гость соглашался остаться и отдохнуть до следующего дня, его обязательно отводили на ночлег к самому уважаемому человеку в ауле, и там, посадив на почетную подушку во главе так называемого стола — попросту у стены на ковре, путника заставляли заново рассказывать о том, что он видел и где побывал.

Если гость оказывался ученым человеком, что было не такой уж редкостью: заглядывали в наши края и знаменитые раввины в сопровождении толмачей, — то вокруг собирались все уважаемые мужчины аула, и путешественник начинал рассказывать побасенки, например, о Моисее с алмазным венцом и мире, горним и дольным, об аде с его бесчисленными помещениями, где каждому дню соответствует своя комната.

В ответ жители нашего аула всегда рассказывали каждому заезжему гостю историю об ауле Кусары. Иногда место действия менялось и переносилось в Маджалис или Кубу, только не ту, которую открыл Колумб, а нашу, что располагалась в самом сердце Азербайджана неподалеку от Баку. В доказательство, что все рассказанное — правда, указывали и точный год происшествия — 5496-й от сотворения мира. Тогда на территорию современного Дагестана вторгся персидский Надир-шах.

— Это какой? — тут же переспрашивали старики. — У которого было восемнадцать жен?

— Нет, у которого было восемнадцать дворцов. В каждой завоеванной им стране.

— Значит, шах был не совсем страшным правителем, если в каждой завоеванной стране строил дворцы?

— Это вопрос, — отвечал самый уважаемый человек в ауле. — Прежде чем построить дворец, он камня на камне не оставлял от еврейского аула, который стоял на том месте. Однако в Дагестане он не смог построить своего дворца.

— Почему? Места не нашел?

— Нет. Места у него было предостаточно. Присмотрел он одну деревню, — какую именно, об этом разное толкуют. Говорят, что ту, в которой учил самый знаменитый в наших краях цаддик — благочестивый человек, — реб Реувен бен-Самуил. Бывало, где-то далеко младенец родится, так реб на следующее утро об этом уже знает... Словно птицы ему напевали. Про Реувена бен-Самуила говорили: «С какой стороны ни подойди, везде на святость наткнешься». Но тут к нему подвинулись прямо с пиками и саблями. Реб Реувен сидел во дворе синагоги после утренней молитвы со своими учениками и объяснял им сложное место из Талмуда. В руках он держал книгу... Но не ее касался предмет разговора — говорил реб о другом. Он рассуждал о том, что означает «вначале сотворил Бог небо и землю». Реб Реувен объяснял ученикам, что слово «вначале» — это как нерасторжимая единица, которая содержит в себе все, и начало мира есть распадение абсолютного целого на части, которые и привели в конце концов к рождению человека...

Пока реб Реувен бен-Самуил объяснял столь мудреные вещи, у ограды синагоги появились восемнадцать конных воинов. Во главе отряда на гнедом красивом скакуне сидел визирь в шлеме, украшенном цветастой чалмой.

Всадники въехали на священную землю и остановились неподалеку от Реувена... — Рассказчик делал паузу. Лица слушателей бледнели и вытягивались. — Главный визирь спешил и медленно подошел к евреям, которые сидели, окружив реба. Ученый муж слышал конское ржание, бряцание сабель, но ни на секунду не прервал свою речь и не обернулся, чтобы посмотреть, кто стоит у него за спиной.

Визирь был заинтригован такой выдержкой еврейского раввина. Он подошел к ребу Реувену бен-Самуилу еще ближе и что-то пролаял на своем языке. Раввин не оглянулся. Тогда визирь вынул свою саблю и занес над головой старика — реб Реуен не прервал свою речь. Ученики замерли от ужаса. Визирь хладнокровно рубанул саблей. Но пока клинок летел вниз, руки реб Реувена взлетели сами собой от испуга. И как держал он свою загадочную книгу в руках, так и поднял ее против сабли, прикрывая голову. Сабля наткнулась на препятствие и разрубила книгу пополам. Только последний лист, скрепляющий левые и правые части, остался невредим.

Увидев, что раввин остался цел, знатный воин сказал ему:

— Я вижу, что книга поспорила с саблей и ее победила. Что за премудрость, изложенная в ней, спасла тебя?

Реб Реуен бен-Самуил ответил:

— Это непростая книга. В ней заключена тайна веры моего народа, но тебе не прочесть ее, потому что ты не поймешь наш язык.

Визирь помолчал.

— Что же, если ваша главная книга сильнее моего клинка, выкованного в Дамаске, значит, нам здесь делать нечего.

С этими словами перс вскочил на коня и кликнул своих всадников обратно.

Через день войска Надир-шаха покинули эту деревню, где, по милости Бога Авраама, Исаака и Иакова, была явлена сила книги.

— А что стало с книгой? — раздались вопросы.

— Она хранится как доказательство правдивости этой истории, — отвечал уважаемый рассказчик, — в тайном месте, в Дербенте, у одного из раввинов. Те, кому ее показывали, могли убедиться, что она была искусно разрублена пополам, кроме последней страницы. Сотворить такое специально не представляется никакой возможности.

— А что же в ней было-таки напечатано? — спросил вдруг кто-то из наивной молодежи.

Старики зашикали:

— О чем спрашиваешь? Подумай сам!..

Но рассказчик их остановил движением руки.

— Нет, — ответил он. — Это была не Тора. В этой книге вообще не было ничего особенного. Издана в Венеции в 1587 году. Об Иерусалиме рассказывала, какие храмы там построены были... Напечатана нашими квадратными древнееврейскими буквами. Вот и вся история про могущество печатного слова и той силе, которой нет, если мы в нее не верим.

Подобными небылицами горские евреи в изобилии потчевали друг друга. И Юсуфу, который на правах самого ученого человека в ауле должен был знать больше всех историй, предстояло присоединиться к почетному ряду рассказчиков.

О том, что односельчане воспринимали его как очень образованного человека, Юсуф убедился на следующий день после прибытия из Дербента. Утром к юноше в саклю пришли посланцы от самых уважаемых и зажиточных односельчан. Приглашали в гости с почетом и уважением. До того факта, что молодой резник ничего не знал,

кроме своей профессии, его односельчанам не было никакого дела — они гордились юношей.

(Хотя однажды, когда в село пожаловал раввин из Харькова и получил приглашение отобедать в доме у Юсуф-резника, хозяин не смог толком с гостем объясниться. Но на это небольшое недоразумение внимания никто не обратил.)

Родительский дом, в который вернулся Юсуф, был типичным горским жилищем. За время отсутствия хозяина он пришел в запустение. Резнику как неженатому за небольшую плату вызвалась помогать по хозяйству старуха-соседка.

Работы у молодого человека хватало. Если кому-то требовалось написать жалобу или просьбу, бежали к Юсуфу. Если хотели выучить младшего сына грамоте, обращались к Юсуфу.

Но главным источником доходов оставалось его резницкое искусство. В те годы евреи не так часто могли себе позволить есть мясо. Резали скотину обычно в преддверии больших праздников или в начале зимы. И все шли к шойхету, чтобы получить настоящий кошер. Главы семейств обычно пригоняли к Юсуфу нескольких баранов или приводили корову или телка и мясо потом делили на четыре двора.

В эти дни ели вдоволь свежую баранину или говядину, остальное запасали на зиму. Осенью все вместе готовили сугум — мясо про запас, — поэтому работы было особенно много. Юсуф принимал в заготовке мяса непосредственное участие: помогал правильно вялить, коптить, топить курдючный жир.

Как правило, женщины — молодые или пожилые хозяйки — приходили к резнику с птицей. Юсуф, сосредоточенный на своей работе, на посетительниц особого внимания не обращал. Должность резника запрещала чувственные мысли во время совершения кошера.

II

Может быть, в череде дней, похожих друг на друга, образовалась какая-то прореха, но однажды мирный ход жизни нашего аула был нарушен. Наступила среда. Этот день недели у всех горцев — что евреев, что мусульман — считался благословенным, за исключением святой субботы, конечно. Но суббота — день отдыха, а среда — день удачного начала всякого дела, которое требует своего завершения.

Юсуф был хорошим резником. Давал стечь крови, вместе с помощником подвешивал тушу за задние ноги, подтягивал на веревке, перекинутой через высокую балку, и свеживал. Занятие это требовало от молодого человека выдержки и мастерства, и слова молитвы сами слетали с губ благочестивого шойхета.

Иногда до его ушей долетал женский гомон, доносившийся из-за калитки. Женщины во все времена одинаковы: ссорятся, ругаются. Пусть она сама царица Савская,

а без злословия день прожить не может. Но на этот раз в привычном шуме Юсуф уловил нечто особенное. Чей-то взгляд буквально сверлил затылок, пек уши, продирался до самого мозга. Резник оглянулся, не отдавая себе отчета, зачем это сделал.

На Юсуфа пристально смотрела девушка, закутанная в аракетинскую шаль. Из-под нее выбивалась прядь густых рыжих волос и сверкали выразительные глаза. На обеих щеках незнакомки красовались нарисованные черные точки, похожие на высохшие слезы. У горских франтих существовали свои представления о земной красоте. Еврейские женщины разрисовывали лица затейливыми узорами, наподобие современных татуировок. В дело шла хна и марена, которую растирали в ступках и заваривали. Полученной кашцей модницы рисовали с помощью деревянных палочек линии, точки и окружности на лбу, щеках и подбородке.

То, что сегодня воспринимается как нечто экстравагантное, в те давние дни было более чем привычно.

Девушка сидела на арбе рядом с парнем чуть младше ее. Они были чем-то неуловимо похожи друг на друга. Наверное, брат и сестра, решил про себя Юсуф. По тому, как парнишка хмурился и сплевывал себе под ноги, было заметно, что он разыгрывал из себя грозного джигита (хотя только сбрил первый пушок — кожа его щек еще лоснилась от курдючного жира, которым еврейские женщины смазывали своим сыновьям и мужьям небольшие ранки, порезы и ссадины).

Арба остановилась прямо напротив входа во двор резника. Повозка мешала пройти остальным женщинам, и они принялись ссориться, забавляя себя визгливой руганью и напускными проклятиями.

Девушка не обращала никакого внимания на шумных товарок. Она внимательно наблюдала за резником, боясь

пропустить знак, что их очередь подошла. Юсуф уже три четверти часа возился с баранами одной назойливой тетки, которая готовилась к свадьбе сына.

Наконец Юсуф исполнил положенный обряд и передал тушу помощнику, который завершал все дело.

Резник подал знак парню с девушкой. Заметив взмах руки, незнакомка легко соскочила с арбы и, прихватив пустую корзину, направилась к шойхету. Ее спутник тащил за спиной мешок, в котором, судя по трепыханию, билось несколько несчастных птиц.

Вот посетители подошли к Юсуфу. Тот приосанился. В отличие от большинства резников, он еще не успел располнеть. Поджарая фигура его излучала энергию, лишь пронзительный взгляд черных глаз говорил о боли и застенчивой тоске, что его глодала.

Незнакомка остановилась в трех шагах от Юсуфа — ближе женщина не должна подходить к резнику, когда он выполняет свои обязанности, — жестом указала сопровождающему опустить на землю мешок с птицей. Спутник ее так же молча исполнил приказание и с интересом принялся следить за действиями резника.

Девушка, закутавшись в шаль, тоже не отрывала глаз от ножа Юсуфа, изредка бросая взгляды на хозяина. Смотреть на незнакомых мужчин аульским женщинам не возбранялось.

Вот если бы она была сосватана, то обязана была бы при посторонних смотреть только на землю у себя под ногами.

Юсуф молчал. Незнакомка хихикнула.

— Что у тебя там? — спросил Юсуф, указав на трепыхавшийся мешок.

— Петух и две курицы.

Юсуф развязал веревку. Из него тут же вынырнула голова огромного петуха. Резник ухватил его за ноги, под-

нял в воздух. Резким движением он задрал перья на горле птицы и стал читать молитву.

Девушка отвернулась. Юсуф прижал птицу к колоде. Взмахнул ножом. Одно молниеносное движение... и все было закончено.

— Подавай другого, — хмуро бросил он. — Чего ждешь?

Юноша послушно бросился выполнять указание.

Все дело заняло не более десяти минут. Помощник Юсуфа аккуратно ощипал тушки птиц, опалил на разведенном костре, разделал и передал их парню, тот — се-стре, которая проворно укладывала их в корзину.

Вдруг на небе что-то гроыхнуло. Юсуф поднял взгляд. Ни облака. Резник посмотрел на смелую горянку.

— Это ты с какой такой стати на меня смотрела? — спросил он.

Девушка сделала вид, что не слышала вопроса.

— Отнеси птицу в повозку, — попросила она брата. — И принеси соль. Она там... в соломе.

Соль была непременным атрибутом вознаграждения резнику, но оставлять ее в арбе было опрометчиво.

— Украсть же могут, — рассердился брат и бросился к повозке.

Дождавшись, пока он отбежит, девушка искоса взглянула на странного резника.

— Кто на тебя смотрел?

— Да ты. Со своей арбы.

Незнакомка рассердилась:

— Нельзя?

— Дырку чуть в затылке не просверлила, — рассмеялся Юсуф.

— У тебя голова, как тыква? — съязвила девушка.

— А у тебя язык, как бритва, — парировал Юсуф. — Ты всегда такая задира?

— Не нападай, тогда защищаться не придется, — ответила горянка.

Юсуф раздраженно на нее посмотрел. Как эта девчонка смела с ним так разговаривать?! Солнце равнодушно смотрело на землю своим желтым кошачьим зрачком.

— Тебя как звать?

— Ава, дочь Ибрагима. — Девушка назвала уважаемую в ауле фамилию. — Отец просил, чтобы вы сделали все как полагается. Это... — она кивнула в сторону птицы, — для особого случая предназначено.

— У меня все случаи особые. У всех людей суббота.

— А у нас свадьба.

— Твоя, что ли?

— Племянника моего.

— Не слышал.

— Он в другом ауле живет. Отсюда не видать.

— Понятно. Передай отцу, чтобы не волновался. Сделал, как надо.

— Отец особенно просил, чтобы вы еще «Шма, Исраэль» прочитали.

Требовать читать над птицей «Шма, Исраэль» было неслыханным. Резники делали такое только накануне Судного дня — Иом-Киппура.

— Это лишнее. — И резник сплюнул.

Всем горцам была присуща эта неистребимая черта, которая подчеркивала эмоциональный оттенок сказанного. Если плевок летел прямо под ноги собеседнику, это означало, что он шайтан и мерзавец. Если плевок шел мягко, словно себе под ноги, то к собеседнику относились уважительно.

— Передай твоему баба, то есть отцу, чтобы он не беспокоился. С птицей сделано все, что требуется. Пусть не волнуется.

— Нож острый?

— Хочешь, сама попробуй. — Резник протянул девушке лезвие. — Если не доверяет, пусть в следующий раз сам приезжает и смотрит.

— Ну что вы, реб Юсуф, — смутилась девушка. Она наконец-то взяла уважительный тон. — Мой отец доверяет вам.

— Ну и всего доброго. Пусть будет здоров тысячу лет. — И Юсуф протянул руку за платой.

Ава полезла развязывать узел на шали, где хранила копеечку. Брат все еще возился у арбы, выкрикивая проклятия в адрес женщин, которые утащили соль. Те отвечали ему такой же руганью. Только теперь девушка заметила перебранку и не смогла сдержать смех.

— Ты чего смеешься? — спросил Юсуф.

— Соль у меня.

— У тебя? Зачем ты его обманула?

— Так надо было.

— Брат узнает, побьет.

— Не побьет. Меня отец защитит. Он меня любит. Эй, Камал, — позвала девушка брата, — мешочек у меня.

И она потрясла в воздухе кисетом. Затем торопливо протянула резнику деньги, соль и пошла прочь со двора, еще раз кивнув Юсуфу. Тот вдогонку выкрикнул пожелания долгих лет жизни ее отцу.

По дороге домой Ава пришла к выводу, что Юсуф насмеялся над ней. С досады она хлестнула быков. Выместив гнев на бедных животных, девушка тут же успокоилась, а потом и вовсе забыла о резнике.

Вернувшись домой, сразу отправилась помогать матери и не слышала, что именно ее брат рассказывал отцу об их поездке.

В ту ночь она долго ворочалась без сна, а когда задремала, то опять увидела Юсуфа. Он стоял во сне перед ней

огромный, почти до неба, и смеялся так громко, как будто гром гремел.

Когда Ава проснулась, за окном шел дождь и бушевал ветер.

После того случая она еще раз ездила к Юсуфу, но уже со своим отцом. А дальше начались странности. Когда в доме было вдоволь мяса, Ибрагим вдруг задумал резать кур. Напрасно мать Авы кричала ему, что нет в этом никакой нужды. Тогда отец сказал, что ему надо отправиться к Юсуфу просто поговорить. Ава случайно услышала разговор родителей и покраснела. Одно только упоминание имени резника ее взволновало.

Резник Юсуф как будто не удивился приезду отца Авы. Встреча двух мужчин была церемонной. Старуха, которая присматривала за хозяйством, поставила на стол кувшин с бузой — разновидностью хмельного напитка, который готовили из пшена, — кувшин с вином и лакомство — курдючный жир с медом. Ибрагим поблагодарил за угощение. Завязался разговор о том о сем. Ибрагим интересовался, не осталось ли у Юсуфа после отъезда родителей кого-нибудь из родственников. Тот ответил, что таковые имеются, но проживают они в дальних аулах и связь между ними практически прервана.

— Из какого рода была твоя мать?

Юсуф назвал род.

— Почему ты не женишься? — вдруг изменил тему разговора отец Авы.

На такой прямой вопрос Юсуфу оставалось только достаточно жестко ответить, что та, кому суждено стать его женой, еще не родилась. И вообще, ему о семейной жизни рано было думать. Сначала нужно встать на ноги.

— Да, — согласился Юсуф. — Стоять на ногах всегда следует твердо. В городе этого трудно добиться, там сотни соблазнов человека окружают, так и наровят сбить с пути

истинного. В горах все намного проще: черное — это черное, белое — это белое.

— И не говорите, — поддакнул Юсуф.

— В Дербенте я видел у одного уважаемого человека кунацкую, так там стояли матрацы, к которым были приделаны ножки. Совсем люди испортились, — закончил Ибрагим свою мысль.

— Да, — согласился Юсуф. — Видел я... Говорят, что русские все на таких спят. Как можно? — размышлял вслух резник. — Я понимаю, взрослый, а если ребенок ворочаться начнет и упадет с высоты? Руки-ноги переломает.

— Люди ничего не боятся. Все новое хотят увидеть. А зачем? Только соблазны лишние.

Так за разговором время и пролетело. Вскоре Ибрагим попрощался и покинул дом Юсуфа. Тем же вечером отец Авы о чем-то долго говорил с матерью девушки. Та молча слушала и качала головой, всплескивая руками.

Через день Ибрагим снова засобиравшись к резнику. Он отсутствовал довольно долго. Вернулся затемно и сильно навеселе. На следующее утро Ава узнала от младшего брата, что отец сосватал ее за резника.

Прошло много лет, и однажды глубокой ночью, когда обоим не спалось, Юсуф спросил Аву о том давнем дне, когда они впервые друг друга увидели.

— А ты сразу поняла, что мы будем вместе?

— Много же ты о себе возомнил. Я о тебе и думать забыла, как только мы расстались.

— Странно. Мне казалось, что мы встретимся. — Он помолчал, потом спросил: — Значит, если бы твой отец тогда не приехал тебя сватать, ты за меня не вышла бы?

— Больно надо. Ты мне грубым показался.

— Нет, — усмехнулся Юсуф. — Если люди суждены друг другу, их притягивает, как камень к земле. Даже если не хочет, все равно упадет.

— Ну да! — согласилась Ава. — На тебя тогда многие глаз положили. Любую мог выбрать. А ты меня дожидался.

— Мир — такая сложная штука. Кто кому предназначен, и предназначен ли вообще, никогда не понять. Может, иным людям лучше вообще никогда не встречаться, а они вот женятся и даже детей рожают...

Супруги замолчали.

— А помнишь ту женщину, которая передо мной за двух человек пришла к тебе гуся резать? — спросила вдруг Ава.

— Нет. Ко мне тогда много женщин ходили.

— А я помню. Говорят, она на тебя глаз положила, а я вроде ей дорогу перебежала.

— Бабские глупости. Спи давай.

— Говорят, что она слово нехорошее про наших детей сказала.

Юсуф расхохотался:

— Что за вздор!

III

У Юсуфа и Авы родился единственный ребенок, мальчик, которого нарекли Иллазаром.

Он появился на свет в самое холодное время — в декабре 1868 года. Младенец смотрел на окружающих таким же серьезным взглядом, как и его отец.

На восьмой день по закону Моисея провели обряд миле. Обрезание можно было совершить и дома, но Юсуф настоял, чтобы все происходило в синагоге.

На церемонию собрался почти весь аул. Не каждый день у шойхета рождается первенец! Мальчика положили на деревянный стол, Юсуф прочитал молитву... и правых евреев в числе прибавилось.

В этот момент пошел снег. Словно даря благословение младенцу, он падал большими крупными хлопьями прямо с седьмого неба — евреи верят, что над головой каждого простираются семь небес.

— Добрый знак, добрый знак, — зашушукались старухи.

Когда Иллазару исполнилось восемь, отец стал брать его с собой в синагогу — учить грамоте.

Как правило, здание синагоги стояло где-нибудь на возвышенности. Община делала все возможное, чтобы там имелось все, что необходимо: стол, книжные полки и саманная печь. Днем в синагоге было пустынно, поскольку молитвы читались только утром и вечером. Зато на площади перед входом праздные мужчины стояли или сидели группками, посасывая чубуки, в ожидании молитвы.

Не все мальчики посещали синагогу. На это требовалось соизволение родителей, и только некоторые хотели отрывать из семейного бюджета пять или десять копеек, чтобы платить цаддику или ребе. Зато те мальчишки, которые становились учениками при синагоге, получали от общины каждый день по горсти проса или пару запеченных кусков пресного теста — чуреков. Видно, во все времена путь к учености пролегает через желудок.

В те далекие времена в понятие «образованный еврейский ребенок» входило только искусство счета, письма и заучивания наизусть обширных мест из священного писания евреев.

Простые люди в аулах тогда были набожнее городских. В день, предшествовавший новолунию, все читали молитвы малого Дня Искупления. Некоторые постились по понедельникам и четвергам. Вставали на заре и молились, плача по разрушенному храму.

Иногда проносилась весть, что в том или другом ауле или городе мужчины перестали поститься и читать по субботам Гемару и Галаху, а также аллегорические притчи и легенды. Подобные известия воспринимали как верх вольнодумства. В такие моменты в селении, где жил Ил-

лазар, в синагоге собирався миньен — десять набожных человек, — и все шли молиться, чтобы уберечь единоверцев от потери вечной души.

В остальном жизнь в ауле была однообразной. Понедельники ничем не отличались от четвергов, и рождение ягненка в отаре соседа воспринималось как новость космического масштаба. Вообще, как в горных селениях распространялась информация, по сей день не понимаю. Никаких телеграфов-телефонов не существовало. Даже дорог в горной части Дагестана до начала 1930-х годов не было. Как рассказывали наши предки, если вдруг грянет новость и русское начальство прикажет собрать джамаат мусульман или евреев из всех ближних обществ, то джамаат соберется и общины придут: кто пеший, кто конный, — все явятся по призыву, преодолевая, без сомнения, значительные трудности в пути. Это исторический факт...

Юсуф часто говорил, что из Иллазара получился бы отличный воин. Реб Юсуф старался привить сыну трудолюбие, усердие, умение находить выход из любой ситуации, уважение к старшим, внимание к гостю, надежность в партнерстве.

Все горские народы знали, что помогать ближнему деньгами или делами считается у евреев священным долгом. Не случайно кумыки любили говорить: «Эрмени булан аша, джувут булан яша». («С армянином дели трапезу, с евреем живи по соседству».)

С раннего детства Иллазар наблюдал, как отец забивал животных. Юсуф, заметив интерес мальчика, объяснял ему все тонкости профессии. Особой гордостью резника был его нож с огромным отполированным лезвием, в котором отражалось лицо Иллазара и весь мир. Самый ответственный момент для резника — это заточка. Юсуф часто показывал мальчику, как следовало водить нож по

точильному камню, чтобы лезвие стало тоньше бумаги. Отец осторожно проводил острием по нежному ноготку большого пальца сына, объясняя, как он должен был определять готовность инструмента.

Ножи и камни, которыми пользовались резники, стоили немалых денег, но Юсуф никогда на них не скупился: нож чуть-чуть затупится, и все, душа резника окажется в аду. Когда Иллазар спрашивал, почему так, Юсуф пускался в пространные объяснения.

По его словам выходило, что работа резника чуть ли не самая опасная в мире, даже более опасная, чем солдатское дело.

Души животных, которых резник освободил от груза тела, могут преследовать его всю жизнь. Чтобы этого избежать, следует читать специальные молитвы. Резник в ответе за любую, даже самую ничтожную царапину, потому что лишняя рана означала дополнительное страдание, боль. А лишняя боль — грех. И вся загвоздка заключалась в том, что сначала этот грех ложился на того человека, который съел некошерное мясо, и уже потом возвращался вдвойне отягощенным к резчику. И, как сказано в умных книгах, тому, кто введет другого в грех, суждено попасть в ад и спать там на постелях, утыканных тысячью игл.

Подобные рассказы действовали на воображение впечатлительного Иллазара. Во сне, в кошмарах, на него набрасывались чудовища из ада. Но наставления отца не пропали даром. С раннего детства мальчик так хорошо выучил анатомию животных, что мог с закрытыми глазами определить, какой кусок мяса, с лопатки или бедра, держал в руке.

Когда Иллазар подросток, Юсуф отдал сына на год на учение раввина в Дербент. Забирая мальчика из города, резник выслушал слова раввина, что в Иллазаре скрыт большой талант и ему было бы полезно продолжить обучение.

Но старый резник только пожал плечами, вспомнив в тот момент, когда он в юности просил оставить его на время в Дербенте, чтобы научиться еще чему-нибудь, и как непонимающе смотрел на него человек, который увозил его обратно в аул.

Надо сказать, что в конце XIX века на горских евреях неожиданно-негаданно свалилась беда. Химики изобрели искусственный ализарин и красную краску стали получать из него, а не из марены, которую выращивали горские евреи. Пуд этого растения, который стоил 15 рублей, продавался теперь за 30 копеек.

Именно в этот, и без того сложный, период виноградники и табачные плантации пострадали от трехлетней засухи, сменившейся затяжными дождями. Многие горские евреи тогда переселились из сельской местности в города.

Между тем дела резника шли все лучше, слава его в окрестных селениях росла. И в соседнем Темир-Хан-Шуре Юсуфа считали уважаемым человеком. Там он держал мясную лавку...

Очень долго резник разрывался между городом и родным аулом, не решаясь окончательно оторваться от земли. Но предприятие разрасталось, и в какой-то момент уже невозможно стало без ощутимого убытка оставлять лавку на два-три дня на попечение помощников.

И тогда Юсуф принял твердое решение купить дом в Темир-Хан-Шуре.

В день отъезда еще до рассвета он запряг в арбу двух быков. Править повозкой должен был сын. Глава семейства решил ехать верхом на лошади. Нацепил кинжал — главное украшение мужского костюма, символ чести и престижа. В обычной повседневной жизни его не носили. Надевали, если уезжали из дома, будь то поездка по торговым делам или поход в лес за дровами. (Но запрещалось входить с кинжалом в синагогу.) Газыри с порохом

в кармашках на груди тоже были обязательной принадлежностью наряда горского еврея, как и казака, и мусульманина.

Как и планировали Юсуф с Иллазаром, к вечеру следующего дня показались городские башни Темир-Хан-Шуры. Отец, завидев их, пришпорил коня, оставив на дороге повозку с неторопливо передвигавшимися быками. Иллазар хорошо видел, как он подскочил к заставе, махнул рукой караульному и легко проехал в город, торопясь проверить, все ли было в порядке с новым домом.

Но вот и нагруженная арба подъехала к воротам. «Стой!» — скомандовал караульный. За год обучения в Дербенте Иллазар выучил немного русский, да и с отцом не раз ездил в лавку в Темир-Хан-Шуру. Но одно дело приезжать налегке и совсем другое — со всем домашним скарбом.

Караульный сразу смекнул, что тут удастся неплохо пожить. Иллазар, как ему казалось, мог объяснить по-русски все, что ему требовалось. Солдат слушал кивая, а потом неожиданно спросил: «Так с какой целью едете в город?!» Иллазар от досады чуть не сбросил папаху на землю. И начал объяснять сначала. В итоге ему пришлось отдать трепыхавшуюся курицу кровопийце-караульному, и арба оказалась в городе.

Он хорошо помнил, как приехал в Темир-Хан-Шуру в первый раз и какое сильное впечатление на него произвел город. Это был не Дербент. Темир-Хан-Шура представлял собой крепость, которая постепенно обросла жителями и превратилась в крупное поселение. Русские в нем составляли большинство. Попадались даже старообрядцы, а также субботники, которых с 1840-х годов власти ссылали на Кавказ. Субботники были уникальным явлением — русские крестьяне, принявшие иудаизм. Мои предки встречали их радушно. Между субботниками

и горскими евреями заключались браки. В конце концов сложилась смешанная община, которая занимала особое место в Темир-Хан-Шуре.

Иллазар заметил, как на перекрестке мальчишки продавали газеты — большие листы бумаги, все исписанные чернилами. Сколько раз он их видел, но никак не мог уразуметь предназначение. Книга, которую можно было сложить пополам и спрятать в сапог, казалась ему дьявольским искушением. Такой книгой саблю шаха над головой не остановишь...

Иллазар постарался припомнить, в каком месте следовало повернуть в лабиринте улочек, чтобы выехать к их новому дому. Он внимательно посмотрел на мать, которая сидела, вся сжавшись, рядом с ним. Чувствовалось, что ей стало не по себе от царившей вокруг сутолоки.

Через полчаса арба въехала в квартал, как две капли воды похожий на их родной аул. Тот же холм, те же сакли, стоявшие тесно, как соты в огромном улье. Одна из них была с этой поры их домом.

Наконец арба въехала во двор и замерла. Нанятые работники кинулись помогать носить вещи в дом. Иллазар ступил на землю и помог матери спуститься с арбы. Вдохнул полной грудью. Все, конец долгой дороге! Окинул взглядом просторный двор с садом. В одном углу отец устроил огороженный плетнем крытый загон для скота, стойло для лошадей, в другом — доделывал саманный сарай для хозяйственных нужд. В остальном все было точно так же, как у них в старом доме.

На следующий день Юсуф устроил праздник освящения дома. Это был целый ритуал. С утра во двор явились женщины и девушки. Многие держали подносы с глиной, группками они поднимались на плоскую крышу сакли, обмазывали ее принесенным комом и уходили, уступая место другим. Внизу стояли помощники, которые угощали

всех гостей водкой и вином. Во дворе раздирали уши зурначи, бил барабан. Женщины и девушки задавали ритм, хлопая в ладоши, напевая длинные заунывные песни.

Вечером гостеприимный Юсуф пригласил всех, кто помогал ему в обустройстве, на ужин. Так закончилось переселение семьи в Темир-Хан-Шуру.

Торговля у реб Юсуфа развернулась широко. Чтобы успевать все делать, пришлось нанять несколько новых работников. Людям нравилось покупать мясо у реб Юсуфа, тот умел привлечь внимание клиентов.

Городской рынок был не просто местом обмена денег на товары и продукты. Здесь встречались с многочисленными родственниками и знакомыми, обсуждали последние новости. На базаре договаривались о встречах, заключали выгодные сделки, обсуждали жизнь общины.

Распространился слух, что войска русского царя пойдут войной на Персию — тут же по торговым рядам шепот волной: «Караул! Спасайся!» И все бросались скупать соль, спички, керосин, цены на молоко взлетали под небеса. День прошел, новый слух появлялся: Персия попросила у России вечного мира. И незадачливые покупатели приносили керосин обратно, пробовали вернуть.

Вдруг, как бомба разорвалась, — сообщение, что сам великий князь из Санкт-Петербурга пожелует в Махачкалу. И тут же начались пересуды о том, что следовало ждать от этого визита.

Кстати, горские евреи с радостью приняли переход в российское подданство, надеясь, что закончились времена страданий. Уповав на защиту русской армии, многие перебирались под покров возводимых крепостей: Темир-Хан-Шуры (современного Буйнакса), Петровск-Порта, иначе Анжи (Махачкалы), Хасавюрта, Моздока, Нальчика, Грозного. Постепенно эти крепости превращались в горо-

да, где евреи чувствовали себя безопаснее, чем в горных селах, остававшихся ареной войны еще долгие годы.

Русские власти ценили верность новых подданных. Евреи становились проводниками, переводчиками, посредниками на переговорах. Благожелательность русских властей к горским евреям оказалась настолько сильной, что на наших предков распространялась только часть законов, изданных против европейских (польских) евреев после раздела Польши и присоединения ее земель к Российской империи. В чем же дело? Польские евреи тоже не были врагами России, и они служили новым властям, поддерживали русскую армию во время нашествия Наполеона. Думаю, ответ таился в «восточном мифе», романтической сказке о том, что на Востоке все другое, даже евреи.

Только с 1886 года моих предков обязали служить в русской армии. Мы привыкли носить оружие и воинской службы не боялись, но и в этом вопросе столкнулись с ущемлением прав: мусульмане, наши соседи и бывшие властители, могли откупиться от службы за 250 рублей, сумму огромную по тем временам. Нам даже это не позволялось. Да еще «процентную норму» обрушили на наши головы: с 1887 года мы не могли свободно поступать в высшие учебные заведения.

Тем не менее многие горские евреи сами нанимались на службу в русскую армию, понимая, что другого союзника в кавказской войне не было. Вместе с русскими они выдерживали длительные осады в крепостях, голодали и проявляли чудеса храбрости, отражая атаки войск грозного Шамиля.

С пленением Шамиля горские евреи получили свободу от унижительных мусульманских податей, от правил поведения, установленных для «неверных», от шариатского суда. Им даже разрешили прибегать к своему суду,

когда речь шла о семейных и религиозных делах. Но как же быть с чертой оседлости? В Российской империи ее никто не отменял, пока сама империя не рухнула. А Кавказ в черту оседлости не входил. Как могли здесь жить евреи, по какому праву? И надо ли их благодарить за помощь в Кавказской войне?

Для русского бюрократа это была проблема, предмет путаницы: относиться к нам как к евреям или как к горцам. И на первых порах нас решили не трогать. Тем более что в России правил либеральный царь Александр II. При нем было принято решение оставить горских евреев в покое, поскольку «этот народ уже многие века проживает в своих аулах в горах Кавказа и пользуется теми же правами, что и другие горские народности. Евреи занимаются обработкой земли и скотоводством, ввиду этого невозможно переселить их в районы, определенные для их жительства (черту оседлости)». Так писали чиновники. И поэтому нам разрешили жить не только на Кавказе, но и в Кубанской и Терской областях (только не за их пределами).

Александра II в 1881 году убили народовольцы, его сменил ненавистник евреев Александр III. Вслед за погромами в черту оседлости пришли новые ущемления и ограничения прав.

Опасность надвигалась и на моих предков. Предвидя ее, главный раввин Дербента Яков бен Ицхак Ицхаки написал в 1889 году «Краткую историю горских евреев» для передачи ее в Министерство внутренних дел. Он доказывал, что между горскими евреями и ашкеназскими — огромная разница. Предки наши покинули свою родину еще до рождения Христа, а значит, не могут быть повинны в Его распятии! За что же лишать их прав в христианской империи?

Увы, реб Яков не смог спасти свой народ от утеснений и унижений.

В 1892 году был издан указ, повелевавший выслать из Кубанской и Терской областей всех евреев, не имевших высшего образования, не располагавших здесь недвижимым имуществом и не зарегистрированных как постоянные жители. Многие селились, не озаботившись официальной регистрацией. Даже имея на Кубани и Тереке имущество, они оставались на бумаге жителями других частей Российской империи.

Хотя в разъяснениях к указу и было сказано, что под его действие коренные жители Кавказа не попадают, власти Терской области поспешили начать выселение горских евреев. Лишь в 1894 году появилось распоряжение, позволявшее нам свободно торговать в казачьих станицах.

Подобные новости всегда живо обсуждались на скамейке у лавки реб Юсуфа. Практически все торговцы знали, что он — основатель крупного семейного дела. У него все отдельно: чистое с чистым, а трешное, то есть некое, — с трешным.

Люди все чаще шли за советом к мудрому резнику Юсуфу. Он мог подсказать, как поступить, если одного из сыновей грозили забрать в солдаты, или стоило ли покупать виноградник. Ко всем всегда он относился, как к родным, принимал, внимательно выслушивал. Может быть, люди ему и завидовали, но Создатель... Как говорил реб Юсуф, все, что надо, у него имелось: крепкая сакля, умелая хозяйка, умный сын, добрые соседи.

Хлопот на новом месте прибавилось. Это только на первый взгляд казалось, что все дела сами собой совершались. Расширилась торговля — тут как тут чиновники из казенной управы, которые требовали вести дело на русском языке. Их следовало подмазывать, угощать, дарить подарки. Иногда казалось, что весь доход уходил только на это.

Как только дело стало прибыльным, Юсуф отвел под резницкие нужды часть сарая. Скотину он теперь резал редко. Исполнять эту обязанность взялся Иллазар. К двадцати годам он познал все тонкости работы шойхета. Только одно тревожило реб Юсуфа — сына уже пора было женить.

В те времена судьбы неженатых парней решали родители. У кого были средства, обращались к свахам. Там, где круг молодых невест был невелик или у кого не водилось денег в кармане, присматривали невесту сами, затем шли договариваться к ее родственникам.

Юношам с пятнадцати лет подбирали жен. Девочек отдавали замуж, как только им исполнялось четырнадцать.

Фундаментальный еврейский принцип гласит, что брак не является следствием любви. Наоборот, подлинная любовь рождается в браке. В свою очередь, это означало, что будущим супругам не обязательно быть сколько-нибудь долго знакомыми до свадьбы. Главное, так подобрать пару, чтобы юноша и девушка как можно лучше подходили друг другу.

Многие рассказывают о пресловутом пристрастии евреев к деньгам. Но если посмотреть на суть еврейского института брака, то следует отметить, что богатство жениха или невесты значилось под десятым номером в списке предъявляемых к ним требованиям.

Для жениха самым главным была добропорядочность невесты и ее семьи, для невесты и ее родителей — глубина познаний жениха в Торе. Часто еврейские богачи посылали сватов за тридевять земель, чтобы те нашли в ешивах — религиозных университетах — пусть совершенно нищего, но преуспевающего в учебе ешиботника — студента. А потом играли роскошную свадьбу, не скрывая гордости за то, что достали дочери «престижного» жениха.

Разумеется, девушек всячески ограждали от встреч с мужчинами, так как и религиозные законы, и общественные понятия требовали, чтобы ее первым (в идеале — последним) мужчиной был ее муж. При этом предполагалось, что и у мужчины его первой и последней женщиной будет именно его жена.

Подобрать пару при таких условиях, да так, чтобы они жили душа в душу, кажется невозможным. Именно поэтому профессия свахи являлась у евреев такой же древней, как занятие ремеслом или торговлей, и была необычайно распространенной и прибыльной. Сваха рассматривалась как проводник Небесной мудрости, ибо лишь она одна способна содействовать возникновению богатого на детей брачного союза. В задачу свахи входило не просто познакомить двух молодых людей, а понять и исполнить Его волю — соединить юношу и девушку или мужчину и женщину так, чтобы они составили идеальную пару.

Подобный взгляд на суть сватовства берет свое начало из Торы. Он оставался неизменным на протяжении тысяч лет и, наверное, столько же продержится. О том, что обычным путем, без поддержки Всевышнего, брачный союз не создать, написано во многих древнееврейских трактатах.

Евреи писали их, не скупясь на слова. Чего стоит одна только история про римскую матрону Клавдию, отправившуюся в путешествие в Александрию и встретившую по пути ученого реб Йосе бен Халафта. Слава реб Йосе бен Халафта была столь велика, что римская матрона, почитавшая себя умной женщиной, решила испытать веру праведника. Она пригласила его к себе в гости и спросила:

— За сколько дней Господь создал мир?

Он ответил:

— За шесть, ибо так написано в книге «Шмот».

— А чем Он занимается с тех пор?

— Он заключает браки. Такой-то будет мужем такой-то и так далее.

— Но это и я умею делать, — сказала матрона. — У меня много рабов и рабынь. Я могу легко составить из них пары.

Реб Йосе помолчал, а потом сказал:

— Тебе кажется, что устраивать браки очень просто? Но для Бога это так же трудно, как заставить расступиться Красное море.

После того как реб Йосе ушел, матрона выстроила тысячу рабов в один ряд и поставила напротив тысячу рабынь. Потом она приказала: «Такой-то станет мужем такой-то...» и так далее. Браки были заключены в тот же вечер.

Наутро новобрачные пришли к матроне кто с разбитой головой, кто с заплывшим глазом, кто со сломанной ногой. И две тысячи человек принялась кричать: «Я не хочу эту женщину!», «Я не могу жить с этим мужчиной!».

Римская матрона послала за реб Йосе и сказала ему:

— Твоя Тора права, и то, что ты мне сказал, — истина.

Реб Йосе ответил:

— Вот видишь! Ты думала, что устраивать браки — легкая работа. Оказалось, что легче заставить расступиться Красное море...

Реб Юсуф всегда рассказывал эту историю в назидание своим соседям, которые вмешивались не в свое дело, спрашивая, почему Иллазар не женится.

Иллазара общение со свахами забавляло. Каждая из них заводила разговор с витиеватых пожеланий долгих лет жизни, а потом, как опытный психоаналитик грядущего века, о чем, конечно, наивные деревенские сваты и не догадывались, начинала выяснять психологический портрет одинокого клиента и интересоваться его вкусами: что красивее, закат или рассвет; смотрит чаще на солнце или луну;

какая девушка ему в этот момент мерещится; какие женские привычки по нраву, какие не понутру; любит красноволосых или чтобы волосы были, как смола с нефтью.

Иллазар каждый раз со смаком описывал свои предпочтения среди женского пола, придумывая все менее выполнимые пожелания.

Иногда он сразу ставил свах в тупик:

— Хочу такую, чтобы было видно, что отец ее с достатком!

— Найдем.

— Хочу, чтобы недостаток этот был виден невооруженным глазом!

— Это как же? — озадачивалась сваха.

— Была бы такой толстой, чтобы не могла пролезть в двери нашего дома.

— Как же она войдет в дом твоей матери, если она не пролезет.

— Пусть ее отец проем в нашей стене рубит.

— Так твой отец не позволит.

— Как же я смогу взять в жены дочь того, кому мой отец что-то не позволит! Я послушный сын своего отца. Тот, кому мой отец не позволил, и я не позволю, чтобы его дочь заняла место в моем сердце.

Сваха только за голову хваталась и убиралась восвояси от такого умника.

Невозможность подыскать сыну невесту Юсуф воспринимал болезненно. У многих ровесников Иллазара смеялись в домах собственные дети, а в их доме царила тишина.

После таких размышлений Юсуф подзывал сына к себе, грозно хмурил брови, требовал исполнения «права отца», согласно которому мнение сына в вопросах собственной женитьбы не учитывается, и добивался от Иллазара ответа на вопрос: когда?

— Не знаю, — разводил руками Иллазар.

— Почему?

— Я еще нетвердо стою на ногах. Сильный ветер и молодой дуб гнет, если под корнями нет земли. А где моя земля, кто знает?

— Ты хочешь получить свою часть дела? Я поделюсь с тобой, только женись наконец.

— Хорошо, — соглашался Иллазар. — Но как же слова о том, что «сын Давида должен подняться выше Давида». Я хочу расширить свое дело и только тогда жениться.

От способностей своего сына уйти от ответа реб Юсуф сходил с ума. В то же время он не мог не отметить, логика в речах Иллазара присутствовала. Может быть, ему действительно надо сначала обзавестись своим делом...

Иллазар и сам не знал, кого он искал. Каждый раз, вглядываясь в лица девушек на базаре, у речки или на чужих свадьбах, он надеялся увидеть ту, которая станет его второй половиной, и всегда смотрел, как будто в пустую тарелку.

Как сказано в Торе: «И прилепится мужчина к женщине, и не отлепятся они вовек». Но Тора Торой, а жизнь жизнью. В ней часто все идет иначе, чем задумано. И Иллазар каждый день в этом убеждался.

Когда родители ему предлагали в невесты девчонку, которая не вызывала в нем чувства симпатии сразу, он прикрывался тем, что работы слишком много. Когда девушка ему нравилась внешне, но сердце молчало, он цеплялся за худое положение ее семьи, за недостаточность усердия в вере ее многочисленных братьев или отца. И Юсуф, повздыхав, умолкал до следующих смотрин.

Иногда на неделе выдавалось по три-четыре похода в гости. И каждый раз Иллазар должен был надевать парадную черкеску с газырями, принимать бравый вид. Подобная игра утомляла его. Ему казалось, что выбор де-

вушки, с которой ты потом проживешь всю оставшуюся жизнь, должен быть проще, естественнее и интимнее.

И вот их приглашали на очередную свадьбу Иллазара ровесника. Сразу после завершения торжества отец звал сына в кунацкую.

— Иллазар, видел хорошую девочку, которая разносила плов? Мне кажется, она могла бы продлить твою жизнь до седых волос.

«Продлить жизнь до седых волос» означало увидеть старость своего мужа, поэтический оборот, который прославил дагестанского поэта Сулеймана Стальского.

— А какой тяжелый кувшин с вином она тащила? Литров двадцать, не меньше! У такой всегда огонь в очаге гореть будет.

В списке добродетелей на одном из первых мест стояла работоспособность, поскольку в горских аулах мужчины редко работали по дому. На женщине лежали забота о сакле, обязанность принести тяжелейшие кувшины с водой от источника, который мог находиться за несколько верст от дома.

— Ну, так как? — напирал реб Юсуф. — Если хочешь, я договорюсь с ее родителями, и она станет твоей женой.

— Баба, отец, — обычно отвечал в таких случаях Иллазар, — я хочу, чтобы наши лавки появились в Маджалисе. Придется часто туда ездить, нанимать продавцов, искать подводы, которые будут возить мясо. Нужно за всем следить. Сейчас жениться не время. Когда все устроится, тогда и поговорим о свадьбе.

— Но ведь тебе уже двадцать пять, пора! — поддерживала Юсуфа мать. — У мальчишек младше тебя дети подрастают... Мы с отцом можем так и не увидеть внуков.

— Отец, ты с детства мне говорил, что главное — это дело, которое дает нам кров и еду! Я всегда поступаю так, как ты говоришь. Когда я улажу все дела вдали от дома

и мы еще увереннее будем стоять на ногах, тогда я смогу жениться на самой достойной невесте.

Иллазар был хитер. Он никогда не говорил родителям, что очередная девушка ему не понравилась. Они бы его не поняли. Но проверенный не одну тысячу лет принцип: «Сначала стерпится, потом слюбится», — был не для него. Иногда мать советовала сыну, чтобы тот пошел к фонтану. В Темир-Хан-Шуре имелся такой. Ближе к вечеру, когда за водой начинали ходить женщины и девушки, там собиралась вся местная молодежь. Парни располагались на больших плоских камнях, выложенных неподалеку от источника, и заводили долгие беседы, прерываемые взрывами хохота и шутками.

К слову сказать, фонтан был самой лучшей сводней, к тому же бесплатной. Молодые девушки украдкой бросали быстрые взгляды на джигитов. Те платили им той же монетой. К фонтану девушки ходили, прихорашиваясь самым причудливым образом. Дочери Евы во все времена остаются верными дочерьми своей праматери — соблазнительными и соблазняющими.

Если девушка не могла смущенно улыбнуться, значит, сидеть ей в девках долго. Впрочем, профессиональные свахи могли пристроить и робких. Но родителям таких невест за это приходилось расплачиваться звонкой монетой.

Ава часто говорила Иллазару:

— Ты пойми, отец не может выйти на улицу, чтобы его тут же не остановили. Начинаются расспросы, что да как. И первый вопрос: «Твой сын еще не женился?» Знаешь, как отец нервничает.

— Мама, брак — это не торговля на рынке. Там ты купил лопатку, мясо оказалось жестким — беда не велика. Другое дело жена. Как сказано в Гемаре, если одна душа колет другую, то как они могут стать половинками друг друга?

Перед подобными аргументами Иллазара Ава всегда пасовала. Куда женщинам тягаться с мужчинами? Их горские евреи, в отличие от ашкеназов (у которых был специальный балкон для женщин), даже в синагогу не пускали. Самые набожные ходили, слушали, стоя под окнами, ненабожные вовсе не ходили. А зачем, если не пускают? Мать часто дивилась учености сына: «Откуда он взял, что души нелюбящих людей колются?» Ава вышла за Юсуфа по любви. Это правда. Но такое происходило очень редко. Это как найти сокровище. Мать горестно вздыхала и отходила от сына.

Иллазар знал слабое место отца и безошибочно этим пользовался. Помимо женитьбы, самое главное для мужчины — его положение в обществе. В еврейском мире оно без труда не завоевывается. Это наследные князья могут ничего не делать, маленькие люди должны все время трудиться. И когда его сын отказывался от женитьбы только потому, что семейное предприятие обязывало его ездить по всему Дагестану, находить новые пастбища, покупать скот, следить, чтобы не нарушались правила кошера, то это было очень серьезным аргументом. Сын жертвовал личным счастьем ради спокойствия отца и матери. На это сердце Юсуфа не могло не откликнуться. Он хватался за трубку и начинал дымить, вступая в безмолвный спор сам с собой. В общем, пока родители вздыхали, Иллазар мог быть спокоен. Свадебная хупа ему не грозила.

IV

Однажды Иллазара с родителями пригласили на свадьбу дальние родственники его матери, которые отдавали свою дочь замуж за городского. Собралось человек шестьсот.

Иллазара с отцом посадили за главный стол. Молодой мужчина огляделся. За столом он видел одни незнакомые лица: с бородами белыми, как лист бумаги, с бородами красными, как огонь, от хины, с бородами черными, как уголь. Иллазар подумал: «Три цвета времени несет на себе любой дагестанский мужчина». Куда эти цвета его заведут? Он прислушался к тому, о чем говорили гости.

Люди за столом обсуждали те же проблемы, что и тысячи лет назад: почему евреев не любят, что требовалось для того, чтобы люди образумились, и почему русские военные лучше персидских разбойников.

Почтенный хозяин дома поднял рюмку, встал, и веселье началось. Хозяин произносил тосты, гости ему вто-

рили. Иллазар сидел и слушал, о чем говорили эти люди. Их речам нельзя было отказать в искусности, но все слова казались ему неискренними. Гости рассуждали красочно, витиевато, много, шумно, а хотелось только одного: чтобы кто-нибудь сказал о том, что за окном жара, а в комнате царила прохлада, и значит, строители не обманули хозяина дома, когда назначили цену за работу и обещали, что дом получится на славу. Строители не обманули хозяина — хозяин не обманул строителей. Вот она, гармония. Как мало надо в этом мире для счастья.

Столы ломились от кушаний. Музыканты играли без усталости. Люди плясали. Каждый казался лучше, чем он был, милым, добрым, приветливым.

Вдруг абрус — устроитель праздника — громко закричал: «Гой шабаш!», и тут же заиграли зурны и забили барабаны. Во двор вышли девушки и начали двигаться в такт мелодии. Все мужчины перестали есть и принялись рассматривать танцующих.

Казалось, на свадьбу собрались все самые красивые девушки Кавказа. Кто-то был в расшитом серебром поясе, передававшемся от матери к дочери, кто-то с бусами, сделанными из полудрагоценных камней, янтаря, кораллов или монет. Одни модницы вдели в уши большие кольца, выкованные из серебра или золота, другие на ладони нанесли затейливый узор из хны и нанизали на каждый пальчик, кроме большого, по несколько золотых и серебряных колечек.

Иллазар сразу же заметил одну — простенькую девочку, которую вывел танцевать парень с крючковатым носом. Им начали хлопать. Девушка взмахнула руками, и для Иллазара что-то в мире изменилось. Его как будто обухом по голове ударило.

Мужчины всегда замечают что-то одно. Одни видят стройный стан, другие — гибкое, послушное желанием тело, третьи — толстую косу, спрятанную в шелковый че-

хол. Иллазар видел все одновременно и ничего в отдельности.

Он не мог оторвать взгляда от этой девочки, как будто давно ее знал. Чувства, дотоле неизведанные, всколыхнули его душу. Уже давно гости перестали танцевать, старики стали расходиться, а Иллазар все сидел, словно не мог опомниться.

Когда уже ехали домой, Иллазар тронул реб Юсуфа за рукав.

— Отец, видел девушку в красном шелковом платке? Танцевала лучше всех.

— Нет, не помню. А что такое? Она тебе понравилась?

— Не знаю. Я думал, ты знаешь, кто она.

— Надо спросить у твоей матери. Женщины всегда друг друга знают.

Мать Иллазара, которая сидела рядом, выслушала сына, удивленно на него взглянула и пообещала разузнать. На следующий день, когда женщины и девушки приходили в дом жениха помочь убрать после свадьбы, Ава улучила момент, подошла к хозяйке дома и вполголоса сказала:

— Оснат, такая пышная свадьба у твоего сына! И невестка достойная. Поздравляю!

— Спасибо, сестра! Спасибо, что пришли. Спасибо за подарки. Невеста — золотце. Теперь будем ждать. Все-вышний все видел. Если ни в чем не слукавили, Господь даст скоро нам подарок.

— Хвала Создателю, Оснат. Ты же знаешь, от дурного глаза нигде не убережешься. Заприте свою молодую. Через полгода Создатель все покажет. — По существовавшей у евреев традиции, первые полгода молодая женщина, став женой, не могла даже выходить на улицу. И только за тем, чтобы оградить будущее дитя от недобрых взглядов. — Оснат, ты не знаешь девушку в красном шелковом

платке, что вчера так хорошо танцевала? Я раньше никогда не видела ее. Кто она? Как зовут? Из чьей фамилии?

— В красном? — Оснат задумалась, вспоминая. — Да это же Духай, ей пятнадцатый год пошел, уже невеста. Да вон ее мать хлопочет. Могу познакомить, для них это будет большая честь.

Был вечер накануне субботы. Вся семья собралась за большим столом. Иллазар суетился, зажигая шабатные свечи. Они загорались и тут же гасли, задуваемые порывами ветра.

В комнату вошел реб Юсуф, посмотрел на сына, мягко улыбнулся.

— Наш народ в точности, как эти свечи. Их гасят, а они снова зажигаются.

— Да, — ответил Иллазар. — И мы с тобой такие же.

— Это точно, — ответил отец. — Я вижу, ты все время о чем-то думаешь, — сказал реб Юсуф, — и пытливо посмотрел на сына.

— Сам не знаю. Правильно ли я понял знаки, которые мне послал Всевышний.

— Что ты имеешь в виду?

— Свое сердце.

Отец пытливо посмотрел на сына.

— Ты хочешь, чтобы мы пошли к родителям той девушки, что ты видел на свадьбе?

— Я не знаю.

— Нет, ты скажи прямо.

— Она мне понравилась.

— Понравилась — это уже очень много. Ты можешь сломать дом, но построить храм сам, без Божьей воли, не сможешь. Те, кто полагает, что все зависит только от них, просто глупцы. Пойду завтра, познакомлюсь с ее родителями.

— Я боюсь ошибиться.

— Так рассуждают люди, когда влюблены. Есть такое выражение: «слепая любовь». Она приходит сама, и мужчины против нее бессилены.

— Слепая любовь? Я в нее не верю.

— Веришь ты или нет, никакой разницы. В этом мире все предопределено. Когда меня посватали за твою мать, я не знал, люблю я ее или нет. Но я поверил выбору ее отца. Потом родился ты. Теперь я знаю, что Ава была мне суждена. Но как мне это было знать заранее?

— Вот именно, отец. Как отличить то, что предопределено, от того, что дается как искушение?

— Если ты веришь своему сердцу, тогда все ясно. Для чего-то мы потащили тебя на эту свадьбу и для чего-то ты увидел именно ту девушку. Может быть, небеса опять знают больше, чем ты и я. Я тебя благословляю. Женись на ней.

Иллазар с благодарностью посмотрел на отца.

Прежде чем сыграть свадьбу, следовало засватать невесту.

И в этом вопросе горские евреи, следуя Галахе, блюли и традиции Востока, и нравы Кавказа. Все знали, что молодая кровь горяча, совершить ошибку легко, а платить придется всем родным. Поэтому в выборе невесты помогали старшие, опыт которых подсказывал правильное решение, должное удовлетворить не только молодых, но и оба рода. Если юноше нравилась девушка, то он через доверенного товарища извещал об этом своего отца. Обсуждать главе семейства со своим сыном такие вопросы напрямую, без посредников, считалось постыдным. Отец посылал сватов к родителям невесты.

Девушку тоже могли спросить о ее согласии. Например, через одну из подруг. Благовоспитанной девице следовало ответить, что она согласна с любым выбором ро-

дителей. Если она достигла возраста двадцати лет, то ее согласие было необходимо.

Переговоры о свадьбе велись только между главами семейств. Ни мать, ни другие женщины не могли повлиять на решение, которое принимал старший в роду. После обильной трапезы мужчины ударяли по рукам, сходились в размере калына — выкупа за невесту, клялись в вечной верности и при свидетелях заявляли о решении соединить своих детей. После этого жених и невеста могли жить в разных аулах или городах, не видя друг друга до самой свадьбы.

За месяц до торжества отец жениха передавал отцу невесты часть выкупа. Ее семья могла и от себя добавить необходимое, чтобы приготовить для любимой дочери украшения и свадебное платье. В каждом городе и ауле размер калына был свой. Кроме денег, давали вещи и продукты. Например, выкуп мог состоять из коровы, восемнадцати пудов пшеницы, трех пудов риса, двадцати куриц, трех аршинов шелка и одной белоснежной простыни. Мать жениха дарила что-нибудь из своих драгоценностей, чтобы заслужить от невестки любовь и послушание.

Калын отцу Духай был заплачен, приданое невесте собрано. Осталось только встать под хупу!

Иллазар и Духай поженились летом. На их свадьбе гуляла половина Темир-Хан-Шуры. Город на время превратился в одно большое застолье. Деревья ломились от плодов, реки выходили из берегов, заливая свадебные наряды жениха и невесты; вино в бокалах, сколько его ни осушали, не убывало.

Сразу после свадьбы старый еврей погадал супружеской паре на счастье. Духай он предсказал, что она переживет царя, а Иллазару — потерю богатства и сильную любовь. Молодые были счастливы и не обратили внимания на слова, которые сказал им мудрый старик.

Как полагается, невеста перешагнула через порог дома Иллазара, на который положили кусок железа, — в знак счастья, и они зажили как муж и жена.

В первый месяц совместной жизни их почти никто не трогал. Духай почти не привлекали к работам по дому, а реб Юсуф занимался делами за сына и за себя, чтобы Иллазар проводил как можно больше времени со своей молодой супругой. Духай, как и мечтали ее родители, была счастлива.

Мать Иллазара относилась к невестке с нежной трепетностью. Выделила молодым две комнаты в большом доме. Понимая, как тяжело Духай привыкать к новой семье, жить вдали от родителей, Ава не мешала ей и не мучила своими наставлениями, надеясь, что вскоре у сына и невестки появятся дети.

Постепенно, когда страсти улеглись и жизнь потекла, как прежде, Иллазар вернулся к своим торговым делам, Духай принялась помогать управляться Аве по дому. С самого раннего утра ее можно было видеть во дворе, где она раздавала задания работникам. Среди евреев было не принято, чтобы молодая жена брала на себя управление по дому в противовес главной хозяйке, но Ава невестке не препятствовала. Она относилась к молоденькой девочке, как к собственному ребенку, и радовалась тому, что Духай старалась, чтобы их дом процветал.

Всегда в очаге что-нибудь варилось, в саманной печи пеклась маца, прозываемая на мусульманский лад чуреками.

Иллазар, следуя совету отца, относился без всякого доверия к бумажным деньгам и капитал обращал в золото. Он обнаружил у себя неожиданный талант: пробуя на зуб, мог определить, подделана ли монета. Как дегустатор, которому достаточно глоточка вина, чтобы определить богатство букета, Иллазар легонько прикусивал золотой

диск. Если металл податливо мялся, золото признавалось чистым. По цвету он определял его качество. Пройдохи и жулики, у которых приходилось покупать драгоценный металл, боялись Иллазара, в совершенстве овладевшего элементарной, но надежной методикой определения качества золота. Соседи, прослышав о чудесном таланте, все чаще обращались к нему за помощью. У него появились постоянные клиенты, которые тоже занимались перепродажей драгоценного металла и щедро платили Иллазару за советы, полагая, что его знания и опыт стоят дороже той платы, которую он назначал.

V

Если раньше люди, чуть возникала какая проблема, приходили к реб Юсуфу, то теперь они шли с теми же вопросами к его сыну реб Иллазару. С ним советовались, его уважали. Про него говорили, что на его слове мир держится. Так оно и было. Единственное, от какого богатства Иллазару хотелось избавиться, так это от тишины в доме. У него никто не плакал и не смеялся высокими детскими голосами.

В отличие от других еврейских семей, которые имели по пять-десять душ отпрысков, у Иллазара и Духай детей не было. Ни успех семейного дела, ни восемь ханукальных подсвечников из чистого золота, подаренных на свадьбу, ни богато расписанные свитки со священными текстами, положенные в изголовье, не могли сделать так, чтобы Духай забеременела.

Когда через положенные полгода домашнего затворничества невестка Юсуфа вышла в люди — это произо-

шло на свадьбе их соседа, — квартальные сплетницы, кто со злорадством, кто с грустью, подметили, что молодая женщина ничуть не располнела.

Из года в год Иллазар и Духай ждали и надеялись, что Бог окажет им милость и подарит первенца. Однажды в синагоге к реб Юсуфу подошли старики и спросили: если по Иллазару некому будет прочитать каддиш, куда он денет свое золото? Реб Юсуф вспыхнул. Если бы не его обеты, он бы укоротил языки болтунам. Вечером он позвал Иллазара к себе.

— Для нашего народа дети — это главное богатство и счастье.

— О чем ты говоришь, отец?! — вспыхнул Иллазар. — Не от нас все зависит.

— В том-то и дело. Я все гадаю, в чем мы провинились перед Создателем, что Он плохо посмотрел на нас. Ты думаешь, я просто так подаю нищим на Иом-Киппур золотые монеты, когда другие и медную считают большой милостыней?! Я все время думаю о том, Кто на нас смотрит сверху и за какие дела наказывает, а за какие благодарит. Ты помнишь цветок, который я тебе однажды показал в горах? — после недолгого раздумья спросил реб Юсуф. — Старики зовут его плодным. Поезжай в горы, собери этот цветок и приготовь отвар. Твоя мудрая мать знает, как это делается. стакан красного вина и цветы... Дай его выпить Духай. В ауле, где мы раньше жили, это средство помогало многим бездетным. Сделай, что я тебе говорю. Если Создателю будет угодно, Он хорошо посмотрит на твою жену. Понимаешь?

Иллазар ничего не ответил. Потом спросил:

— Почему это случилось со мной, отец?

— Слушай, чем больше ты будешь себя казнить, тем больше Бог будет тебе слать испытаний. Сделай так, как я велю, потом будешь спрашивать.

На следующее утро Иллазар запряг коня и поехал в горы. Вернулся только под вечер и сразу отдал матери собранные травы. Она тут же бросилась готовить отвар. На следующее утро призвала Духай к себе, поставив перед ней глиняный чайник.

— Пей.

Духай сделала глоток, поморщилась.

— Пей, кому говорю, — вспыхнула Ава. — Мне внуки нужны. Испытанное средство. — Духай покраснела.

В соседней комнате сидел реб Юсуф и молился. Так прошел один месяц, потом следующий. В фигуре Духай ничего не изменилось.

Вскоре уже и родственники Иллазара стали говорить с ним о проблеме, которая волновала весь род.

— Что ты ждешь? Кто прочитает по тебе каддиш? У твоего отца есть ты. А у тебя? Если кобыла плохо ходит, всадник пересаживается на другую.

— Я не понимаю, что вы от меня хотите? — сердился Иллазар.

— Счастья. Закон говорит: если первая жена неплодная, заведи вторую. Пусть она родит! Вспомни, что сделала Сарра для своего Авраама! Обратилась к рабыне Агарь, и та зачала.

У горских евреев не было запрета на многоженство. Чаще всего в доме было две жены, иногда три. При мужьях жены старались вести себя мирно, но когда супруг отлучался по делам, между ними нередко вспыхивали ссоры. Начинались с мелочной перебранки, перераставшей в крупный скандал. Дело доходило и до драк, в которых принимали участие женщины из соседних домов (более того, считали это своей приятной обязанностью). Мужчинам с большим трудом удавалось разнять разгоряченных схваткой жен. Забегая вперед, скажу: когда мои предки познакомились с ашкеназами и стали учиться в Вильно, положение начало

меняться. Строгий запрет, введенный реб Яковом Ицхаки в 1860 году, заставил евреев Дербента и некоторые другие общины отказаться от многоженства. Но полностью этот обычай исчез лишь при советской власти.

Иллазар сначала пропускал слова о второй жене мимо ушей, молча уходя или заявляя, что он будет молить Бога о наследнике. Но с годами его мнение изменилось. Он с плохо скрываемым презрением отвечал:

— Мне не нужен ребенок от другой женщины. Я буду молить Бога. Он должен услышать просьбу и пошлет милость.

— Послушай, сын, даже у мудрого царя Соломона было сто жен.

— Я не царь Соломон.

— Именно поэтому тебе хватит второй. Я уже присмотрел. Не нарушай установление предков.

— Отец, я сам выбрал Духай. Если я в чем-то провинился, то пусть Бог меня и накажет. Я не прогоню ее.

— Как знаешь.

После таких разговоров Иллазар шел на рынок, записываясь в лавке и молча сидел там часами, ни с кем не разговаривая. Что он мог поделать? Как сказано мудрыми, во власти человека только стать сильным, слабым его делают обстоятельства.

Ава переживала, глядя на сына. Сильно постаревшая мать Иллазара не раз советовала ему обратиться к знахарям. Обращались они и к персидским целителям — все было напрасно.

Как-то Иллазар пошел на обряд обрезания к одному из своих родственников. Он с легкой завистью в голосе поздравил двоюродного брата с наследником и подсел к столу, облюбованному стариками.

Вдруг к нему подошла старушка. Судя по ее возрасту, она должна была хорошо помнить исход евреев из Египта.

Почтенная женщина удивилась тому, что молодой мужчи-
на сел за стол к старикам.

— А ты что тут делаешь? Тебе веселиться надо. Не
пришло еще время с нами сидеть!

— Нет у меня, бабушка, желания. Да и возраст мой
уже не таков. Лучше стариков послушать.

— Ты прав, старики многое знают.

— Многое-то многое, а вот сколько они по моему ин-
тересу не сказывали, все неправдой оказалось.

— Что за худо у тебя такое, что никто не может по-
мочь?

— Я живу с женой, давно живу, а детей до сих пор нет.
Кто надо мной каддиш прочитает?

— Каддиш? Ты, что ли, сын реб Юсуфа?

— Откуда меня знаешь? — удивился Иллазар.

— Мы, старики, больше слухами живем. Сил работать
нет, а говорить и слушать — на это здоровья хватает.

— Только толку от этого мало.

— Молись, тогда и толк будет. Несчастья оттого случа-
ются, что у людей веры нет. Ты послушай, что люди гово-
рят. В далеком ауле за Дербентом проживает одна женщи-
на, которая от всякой хвори средство знает. Если хочешь,
чтобы в вашей семье были дети, к ней поезжай. Зовут ее
Идой. Запомнить несложно. Но учти, первый раз появишь-
ся, копейки ей предлагать не должен. Правило у нее такое.
Ни золота, ни денег с собой не бери. Божию милость за
них не купишь, а к дьяволу попадешь. Приходят к Иде, как
и рождаются, только с надеждой. Понял? Если что полу-
чится, потом отблаговаришь. А не получится, значит, не
судьба. Только ты ее не обидь, она слепая, но видит в самое
сердце. Путь у тебя один: или с горы, или к ней.

Праздник заканчивался. Молодежь веселилась, пела,
плясала. Падающие звезды рвали ночь на части. Каждый
загадывал себе на счастье.

Прошло несколько дней. Что бы Иллазар ни делал: резал ли коров, занимался ли счетами в лавке, он вспоминал, как старуха ему советовала поехать к Иде. Иллазар даже спросил у знакомых мужчин, слышали ли они про такую женщину. К его удивлению, многие ее знали, но немногие к ней ездили.

— Как же так? — думал Иллазар. — Столько лет здесь живу, о таких важных людях никогда не слышал. Может быть, я недостаточно чист, если не знаю такую женщину.

Мысль ехать к Иде стала неотвязной, как слепень. Иллазар не хотел только говорить об этом жене, чтобы не дать ей повод думать, что он ею недоволен. С нее бы пылинки сдувать, она вон сколько на себя взвалила. А если все, что говорила старая, не сбудется?... Но если люди не врут и слова про Иду правдой окажутся? Тогда он никогда не простит себе, что не поехал. Нет, надо попробовать. Только какой повод найти, чтобы жена не догадалась? Духай на такое чуткая, сразу распознает обман. Надо что-то придумать. Только что? Дорога не близкая. Два дня пути туда, два дня обратно.

Как-то Иллазар сказал жене:

— Слышал я от одного клиента в Дербенте, будто у самой границы с Азербайджаном есть тучные горные пастбища. Принадлежат одному богатому старику... У него в Дербенте живет сын, и я с ним договорился, что поеду посмотреть эти земли. Вдруг удастся их купить?

Духай подумала, помолчала и сказала:

— Ну, если ты так уверен, то поезжай. Так в какой это стороне? Кажется, отец мне говорил о таком. Но, Иллазар, люди говорят, на дорогах сейчас неспокойно. Лихоимцы везде, а ты один. Может быть, лучше поедешь с моими братьями?

— Э-э, жена. Люди много чего говорят. Мой лучший брат — вот! — И Иллазар показал ей ружье. Деревянные его части были облицованы серебряными пластинами. Иллазар купил его когда-то на рынке у одного старика.

Духай испуганно отшатнулась. Иллазар любил ее в шутку попугать.

— Женщинам нельзя смотреть на оружие, а то оно стрелять не будет. Так меня мать учила, — приговаривала она.

— Ну и не смотри. Да ты не волнуйся за меня. Лошади у меня отменные.

Два раза в год в городе на крупные праздники устраивались скачки. Жеребец Иллазара неизменно выигрывал бега.

Духай принялась возиться с котлом.

— Ну как знаешь.

Пока Иллазар седлал скакуна, прилаживал ружье, набивал газыри порохом, он непрерывно думал об Иде. Собирается, как дурак, в дальний путь, а поможет она или нет, неизвестно! Намедни пришли соседи, рассказали, как неподалеку трое разбойников напали на одинокого всадника и перерезали ему глотку.

Утром Иллазар встал ни свет ни заря. В дорогу Духай приготовила свежих лепешек. Положила два кувшинчика: один с бузой, другой с кислым черным вином, которое вместе с отцом по осени заготавливали в огромных количествах.

В Маджалис, где, по слухам, жила Ида, Иллазар приехал во второй половине дня. Старуха точно описала дорогу. Жителей в ауле было немного. Мужчины ходили все в папахах, бурках и черкесках, украшенных газырями. Собственно, местоимение «все» тоже было не вполне уместно, так как обозначало ровно двух человек, встреченных Иллазаром. Один, кривой старик, остановился, разглядывая гнедого незнакомого всадника.

— Где знахарка живет? — крикнул ему Иллазар. — Да будет ваш дом благословенен!

— И твоему дому счастье, — ответил старик. — Ты, что ли, Иду ищешь?

Иллазар кивнул.

— Поезжай прямо, а там направо. За большой поляной будет ее дом.

Иллазар пришпорил коня. Издали увидел саклю, приютившуюся на склоне холма. Спешился, вошел в не запертую, как у всех горцев, дверь.

— Мир этому дому, — громко произнес Иллазар.

Никто не откликнулся.

— Есть хозяева? — спросил Иллазар.

И опять тишина.

Иллазар уже собирался покинуть дом, как в спину ему раздалось:

— Куда уходишь?

Иллазар оглянулся. Голос доносился из-за шелковой занавески, что скрывала лаз в соседнюю комнату.

Иллазар согнулся в три погибели, с трудом пролез через проем и оказался в помещении, стены которого были сплошь увешаны связками горных трав. В противоположной стороне от входа стоял старый сундук — единственная вещь, которая имела хоть какую-то ценность.

— Ты кто?

— Иллазар, сын Юсуфа.

— Деньги с собой имеешь?

— Нет.

— Тогда говори, зачем пришел. По голосу слышу, что здоров, молод. Что еще нужно?

— Жена... Мы мы давно вместе, а она неплодная.

— Жену кто нашел? Отец?

— Нет, я сам. Долго искал, пока нашел!

Иллазар рассказал Иде свою историю встречи с Духай, о том, как впервые ее увидел на свадьбе, как волновался в ожидании свидания с ней и каким несчастьем стало то, что у них не рождались дети.

Ида слушала не прерывая. Потом взяла его руку в свою и сказала:

— Вижу, живешь ты в большом каменном доме. Вижу сад, кухню и саманный сарай...

Иллазар вздрогнул. Ида описывала все точно. Но как? Она же слепая и никогда у них не бывала.

Ида усмехнулась, будто услышала все, о чем подумал Иллазар.

— Не удивляйся. Я беру слова не отсюда, — Ида указала на голову, — а отсюда. — И она перенесла руку к сердцу. — Есть хворь, и есть лечение. Я скажу тебе, что делать. Сломай свой старый сарай, он тебе не нужен. Развей его стены в пыль. Найди в стене гвозди. Собери все до одного и выброси их в море. Тогда избавишься от своей печали. Никому ничего не говори, даже жене. Это твоя ноша. Понял?

Иллазар слушал, не зная, что сказать. Только кивал.

— Если все сделаешь точно, появится у тебя ребенок. А теперь ступай! Нечего тебе здесь больше делать.

— Назови причину! Кто это сделал?

— Посмотрел на вас кто-то плохо. Вот и причина...

— Сколько я тебе должен?

— Не думай ни о чем! Когда все сделаешь, у тебя появится ребенок. Вот тогда и расплатишься.

Иллазар вышел, даже забыл попрощаться. Вскочил в седло и поскакал обратно.

Как она могла все знать? А смотрела как странно: чуть выше и левее его головы. Ему приходилось видеть ясно-видящих и предсказательниц, но таких еще никогда не встречал.

До дома он добрался на вторые сутки, было совсем темно. Духай узнала о его возвращении, будто Ида ей шепнула. Встретила его у порога, повела к очагу.

— Как доехал? Купил, что хотел?

— Нет, в цене не сторговались. Но не жалею... Пастбище плохим оказалось. Травы нет. Одни слухи... Как всегда...

Быстро покушав, Иллазар поднялся на крышу, завернулся в бурку и забылся глубоким сном.

На следующее утро, пока другие спали, встал и пошел к сараю. «И откуда она могла знать про сарай?» — опять подумал он. Постояв, он вышел на улицу и направился на базар. Там он договорился с батраками, что те снесут ему сарай. Зашел в свою лавку, проверил, нет ли затруднений в торговле.

Вернулся Иллазар домой, и на него налетела с вопросами Духай:

— Ты зачем людей к нам привел?

— Хочу снести сарай, тот, что во дворе. Он нам не нужен!

— Как не нужен?

Вышла Ава.

— Что за шум?

Духай обернулась к ней:

— Иллазар задумал сарай ломать.

— Господь Создатель! Чем тебе сарай не угодил?

Невестка ее поддержала:

— Он сегодня с утра сам не свой! Да и вчера, как вернулся, был не лучше.

Иллазар только рукой махнул и пошел к сараю.

— Все здесь в пыль разотрите, слышите? — приказал он работникам. — Сломайте его до последнего камня. Всю глину в порошок растолките, только не выбрасывайте мусор.

Батраки покивали, поплевали на руки и принялись за дело. Стены тут же затрещали под ударами молотков. Тут в дверях дома показался Юсуф.

— Что ты делаешь? — спросил он сына. — Это же был хороший сарай!

— Я знаю, что делаю!

Юсуф оторопел. Таким он сына еще не видел.

— Я его строил, чем он тебе не угодил.

Подошла Ава и тоже стала причитать:

— Создатель, храни нас.

Иллазар вспыхнул:

— Я знаю, что я делаю! Отстаньте все от меня. Сам разберусь. Идите! Прости, отец... И ты, мама. Я-а... — слова застряли у него в горле. — Это очень важно. Не могу объяснить.

— Да уймись вы, — взревел Юсуф, обращаясь к охающим женщинам.

Те моментально умолкли.

— Зайди в дом, — приказал старый резник.

Иллазар послушно пошел за отцом.

— Женщины ничего не понимают, дур-ры, — начал Юсуф, когда они вошли в кунацкую. — Так зачем ты ломаешь сарай? Мне-то ты можешь сказать?

— Хочу построить другой. Больше.

Юсуф замолчал. Потом кивнул:

— Ну что же, делай как знаешь.

Иллазар вышел в сад. Пыль туманом накрыла двор. Фигуры батраков казались призрачными. Суета, грохот, перебранка продолжались до позднего вечера.

Иллазар велел работникам ложиться на крыше, рано утром разбудил их, и работа возобновилась. К полудню от сарая остался только глиняный фундамент.

Батраки, мерно замахиваясь молотами, перемалывали глину в пыль.

Что, если Ида не слукавила, и все окажется именно так, как она сказала? Груда желтовато-коричневатой пыли росла у ног работников. И в ней он разглядел ржавые гвозди. Они были повсюду — выглядывали, как колючки ежа. Иллазар велел работникам собрать все до

единого гвоздя в мешок, который он предусмотрительно приготовил.

Иллазар вспомнил Иду. Значит, она была права. Как она могла узнать про гвозди и как это связано с рождением их ребенка? И вообще, откуда железяки взялись в стенах саманного строения, в котором должны быть только глина да песок вперемешку с мелко нарубленной соломой.

— Кто это все сотворил? — громко спросил он.

— Кто бы ни сотворил, а я строил его, — раздался голос сверху.

Иллазар упал на колени... И услышал смех отца. Реб Юсуф стоял за его спиной, прячась в листве карликовой груши.

— Поговорить с умным человеком всегда приятно. Жаль только, что единственный умный, которого нашел в моем доме, это ты сам. Я слышал, что ты тут бормотал. Не знаю, что страшного нашел в гвоздях...

Отец потянулся, чтобы взять один из них, но Иллазар отстранил его руку:

— Отец, не надо!

— Да что с тобой?

— Ты можешь сказать, откуда здесь гвозди?

— Не знаю! Работники строили. Они возили и мешали глину. Могут успокоить, ты не имеешь к этому никакого отношения. Эти гвозди не твой грех.

— А чей? Я каждый день молился в синагоге, а в моем сарае все равно нашлись гвозди! Тогда зачем я молился, если мои слова ни на что не повлияли?

— Зато у тебя есть надежда, что хотя бы одно твое слово из тысячи дошло до Него.

Отец указал на небо.

— Отец, я ишу простое человеческое счастье. Я хочу приносить пользу здесь, а не там. — Иллазар ткнул пальцем вверх. — И я ничего не понимаю.

— Зато я теперь понимаю, в чем причина твоего сумасшествия, — буркнул реб Юсуф. — Подумаешь, гвозди. Весь мир держится на гвоздях. Если бы не они, здания развалились. А ты боишься их, будто это волки.

С этими словами реб Юсуф пошел в дом.

Солнце клонилось к закату. Иллазар остался один. Работники, закончив дело и пересчитав заработанные деньги, покинули двор. Женщины тоже ушли в дом, перестав интересоваться тем, что осталось от сарая. Иллазар взял мешок и принялся еще раз просеивать груды глиняной пыли.

Ржавых гвоздей набралось очень много. Как только Иллазар убедился, что все собрал, отнес мешок в сарай, где стояла арба, и спрятал его под сено.

Потом пошел по делам в лавку. После плотного ужина сразу завалился спать, словно желал добыть из своего сна новую правду.

Как будильник, которого мои предки не знали, заголосил муэдзин, созывая на молитву правоверных. Иллазар вскочил как ужаленный. В кухне Духай уже гремела посудой, выгребала золу из печи. Убирать ее вечером считалось дурной приметой. Иллазар накинута на нее:

— Ты чего меня не разбудила?

— Зачем тебя будить?

— Э-э, жена! Знала бы ты...

— Знала бы, ответила. Но ты же ничего не говоришь.

Иллазар махнул рукой. Надо было торопиться.

— Ты куда? — удивилась Духай.

— Надо купить новые камни для резника.

— Он что, безрукий? Сам не может?

— Наверное, не может, раз я еду. А то ты не знаешь?!

За всеми надо проверять. А если не проверишь, что наделают? Буду через день, — буркнул Иллазар и выскочил из кухни.

Во дворе еще никого не было. Гнедой жеребец по кличке Гяур тревожно ржал, словно ему передалось волнение хозяина. Иллазар потрепал его по морде. Конь — душа горца. Оседлал его, приторочил к седлу мешок с гвоздями и выскочил за ворота.

В те годы на Каспии основным доходом местных жителей было рыболовство. Море дарило осетрину и шамайку. Улов солили, вялили и отправляли на продажу в дальние аулы и города.

От моря получали и другие, запретные, дары — контрабанду. Глухие темные ночи делали свое спасительное дело, скрывая фелюги и парусники контрабандистов. Десятки людей сбегались к причалившей лодке, и начиналась разгрузка. Слышалась тарабарская речь, крики и какое-то улюлюканье, которое должно было отпугивать непрошенных гостей. Джигиты, променявшие конный воровской бизнес на опасную долю контрабандиста, переносили на берег заморские товары. Уже на следующее утро на базарах Порт-Петровска, Маджалиса или Дербента появлялись не прошедшие таможеню товары, в основном экзотическое спиртное, редкие ткани или дорогие украшения.

Иллазар часто покупал контрабанду у рыбаков и знал многих из тех, кто промышлял этим делом. Однажды он познакомился с одним из них по имени Гасан. Он занимался продажей диковинных заморских шалей и португальских вин.

День угасал, когда Иллазар появился на берегу. Еще издали он приметил коренастую фигуру Гасана. Тот тоже увидел Иллазара. Сверкая в лучах заходящего солнца бритой головой, контрабандист развел руки, будто хотел заключить знакомого в дружеские объятия.

— Кого я вижу, Иллазар, да будет твоя семья здорова тысячу лет! Что тебя привело к нам? Ночь скоро — время молиться: и мусульманам, и евреям.

— Сами-то не больно молитесь!

— У нас работа. Знаешь, какой вечерний улов? — Гасан показал на бутылку рома, лежавшую на берегу. — Если нужна рыба, надо было сказать моему сыну, я бы тебе с ним передал.

— Я приехал не за рыбой. Мне нужна лодка! Хочу выйти в море.

— На ночь глядя?! Не получится. Мы только пришли. Надо сушить сети. Завтра можем взять тебя с собой.

— Нет, мне нужно сейчас! — сказал Иллазар нетерпеливо. В голосе его слышались мольба и отчаяние. — Не сможешь, найду к кому обратиться.

— Я понял! — Контрабандист обреченно посмотрел на лодку, которую уже успел вытащить на берег. — Хорошо. Я отправлю тебя в море. Подожди, позову сына, ты пойдешь с ним.

— Нет, только один. Даже парус не нужен! Только весла. — Иллазар посмотрел на воду. — Я выйду в море и быстро вернусь. И больше ни о чем меня не спрашивай.

— Если контрабанду какую задумал, твое дело. Но тут ты ничего не найдешь. Все корабли уплыли.

— Делай, что прошу, — перебил его Иллазар.

Заинтригованный Гасан почесал бритую голову.

— Как знаешь.

Он бросил на ходу пару фраз своим товарищам и направился к лодке, которую, пока они разговаривали, успели стащить в воду. Ее деревянные борта, как сомкнутые ладони, протянулись к Иллазару, готовые его подхватить. Гасан отвязал канат. Иллазар с разбегу прыгнул в лодку. Он крепко держал мешок с гвоздями.

Иллазар схватился за весла и начал грести. Делал он это неумело. Прилачился только со второй или третьей попытки. Мерный плеск воды отвлекал. Гасан проводил лодку подозрительным взглядом, молча сплюнул и пошел прочь.

Когда берег исчез из виду, Иллазар бросил весла и огляделся. Насколько хватало глаз, вокруг пенилась вода, черная в лучах заходящего солнца.

Иллазар неуверенно поднялся, боясь упасть за борт. Плавал он плохо. Взял мешок и кинул его в море, нараспев читая молитву. Резник зачарованно смотрел, как по воде расходились круги, потом взялся за весла и забрал ими к берегу. Скорее, прочь от проклятого места, вперед к надежде, к будущему ребенку. И в это время на него сплошной стеной обрушился ливень.

Домой Иллазар вернулся только под утро, промокший и озябший. Еще издали заметил у ворот фигуру Духай. Она стояла на дороге и смотрела, точно знала, что муж вот-вот вернется. И кто ей говорил об этом, в который раз подивился Иллазар.

— Уже вернулся? — спросила она как ни в чем не бывало. — Я принесу сухую одежду. Не простудился бы... Тебе полить воды?

— Не стоит, я сам.

Иллазар мучился желанием все рассказать Духай, но он хорошо помнил слова Иды: «Никому ничего не смей рассказывать. Иначе все пойдет насмарку».

Сомнения раздирали душу Иллазара. Он молча поел, кинул взгляд на пустую площадку, где недавно стоял сарай. Ему стало не по себе. Сославшись на усталость, так и не объяснив ничего домашним, завалялся спать.

Во сне к нему явилась Ида, напомнила:

«Главное, никому ничего не говори».

На следующее утро неожиданно занемогла Ава. Старая женщина упала на кухне и не смогла подняться. Вызвали доктора. Тот успокоил, сказал, что это был несильный апплексический удар, все пройдет, только требовалось время и постоянный уход.

Иллазар разрывался между лавками и заботами о матери и на время думать позабыл об Иде и ее предсказаниях. Духай помогала ему чем могла, управляла хозяйством, присматривала за больной. Так прошло два с половиной месяца.

Однажды Иллазар поймал себя на мысли, что что-то изменилось в облике и поведении жены. Он только не понял, что именно. Размышляя над этим, вдруг сообразил: Духай стала тяжело подниматься с постели по утрам, почти перестала есть и ходила как-то с опаской. На ум Иллазару пришла страшная мысль, что Ида ничего не смогла сделать. Проклятие с новой силой обрушилось на его несчастную семью. Сначала болезнь матери, теперь вот Духай...

Когда супруги остались наедине, Иллазар с тревогой спросил жену:

— Что с тобой? Хочешь, я приведу врача?

— Не надо никакого врача!

— Но я вижу. Ты изменилась. Стала плохо выглядеть! Ты скрываешь от меня что-то. Что у тебя болит?

— Ничего.

— Тогда почему ты так ходишь?

— Я боялась говорить, думала, рано. Мне кажется, что Господь услышал наши молитвы! Я беременна.

— Что?! — Иллазар замер.

— Похоже, что так. Чья-то душа живет во мне.

Растерянный муж не знал, плакать или плясать от счастья. Он ждал этого почти десять лет.

VI

Иллазар категорически запретил Духай что-либо делать по дому. К управлению хозяйством опять вернулась Ава, которая при известии, что у нее будут внуки, быстро пошла на поправку. Невестке запретили выходить даже во двор — мало ли кто бросит недобрый взгляд. Соседям решили сказать, что Иллазар отослал Духай к ее родственникам. По их просьбе...

Оставшиеся семь месяцев Иллазар ни секунды не знал покоя. Всккивал в ночи и склонялся над животом Духай, чтобы почувствовать, шевелился ли ребенок.

Он ходил в синагогу по несколько раз в день и все просил и просил Бога. Синагогальные старики удивлялись такой примерной набожностью.

С приближением родов в доме резника поднялась суета. Пригласили момой — повитуху. Кто-кто, а момой-то точно знала, как сделать так, чтобы роды прошли успешно. Страдания Духай старались облегчить, как могли. Пригла-

сили учеников раввина, чтобы те трубили в шофар и читали псалмы. Потом послали мальчика на кладбище за горстью земли с могилы, размешали в воде и дали выпить Духай. Верное средство, чтобы на свет появился мальчик! За наследника momой получила бы от Иллазара щедрый подарок.

Однако родилась девочка. Произошло это в 1897 году. Дочку называли Мельке, что означало «царица».

Через несколько дней во дворе реб Юсуфа несколько соседских парней установили столы, женщины без устали готовили угощения. Всем работникам Иллазар объявил трехдневный выходной и выплатил по десять копеек премияльных.

И начался праздник!

Горские евреи пили, пели, стреляли в небо. Земля дрожала от их плясок. Столы длинной вереницей выползали за пределы двора и перегораживали дорогу случайным прохожим. Теперь никому мимо счастья Иллазара пройти было нельзя.

Сосед реб Юсуфа, кривой Ицхак, что ездил всегда на ишаке, кричал громче всех:

— Слушай, Юсуф, зачем тебе свечи в доме? Отдай их мне!

— Почему я должен их отдавать?

— А тебе они не нужны. Зачем свечи, если у тебя такой свет, что внушка твоя принесла.

Реб Юсуф только счастливо улыбался.

На восьмой день после торжества Иллазар проснулся рано. В голове крутилась только одна мысль: «Какой сегодня день?!» Посмотрел за окно. «Все проходит, и радость тоже, — подумал он. — За праздником обязательно наступают будни». Когда Иллазар посчитал, сколько дней стояли закрытыми его лавки, он покачал головой и велел работникам засучить рукава. К людям вернулась память, а на лица — выражение всегдашней заботы.

Иллазар начал собираться в дорогу.

— Ты куда? — спросила Духай.

— По делам надо, в Маджалис, — ласково улыбнулся Иллазар.

Иллазар торопился к Иде. Если слухи о великой радости дойдут до нее раньше, чем конь Иллазара, — она могла крепко обидеться на молодого отца. Негоже не отблагодарить ту, которая сотворила чудо.

Уже на подъезде к Идиному аулу он увидел в небе черного журавля — добрый знак. Иллазар постучался в знакомую дверь, вошел в комнату, где был год назад.

— Это ты? — услышал он голос.

Ида вышла, держа в руках дымящуюся тарелку с бараниной.

— Вот специально для тебя приготовила.

— Откуда знаешь? Я еще вчера не понимал, что поеду.

— Я всегда знаю, когда ко мне люди с добром едут. Ну, садись. — Она ловко бросила гостю подушку, точно видела его. — Рассказывай, кто у тебя родился?

— Кто рассказал?.. — не поверил своим ушам Иллазар.

Ида рассмеялась:

— Птицы... Мне людских слов не надо. Выйди во двор, послушай, все будешь знать, что делается на белом свете.

— Да будут дни твои умножены стократно! — Иллазар упал на колени и стал целовать мыски войлочных туфель Иды.

— Довольно. Встань. Я слепая, а не святая. Говори толком, как назвали девочку? Здоровенькая ли? Хотя чувствую, все с ней хорошо!

— Твоими молитвами, Ида.

— Значит, птицы не соврали. Две недели назад вышла, во дворе пичуги поют: «У Иллазара девочка будет...» Так как назвали?

— Мельке!

— О-о, будь она четырежды благословенна. Я за тебя рада. Бог тебя хранит.

Ида улыбнулась.

Она зажгла праздничный восьмисвечник, который стоял в стенной нише. Прошептала молитву.

— Твою малютку ждет особенная судьба.

— Готов отдать все, чтобы так и было, — сказал Иллазар.

— Каждый получает по своей вере.

— Тогда я получил, что хотел.

— Не торопись так говорить. Жизнь долгая... Многое еще успеешь захотеть.

— Ты права, Ида.

Иллазар встал. Много видевший на своем веку резник, у которого было трудно выдавить хотя бы каплю из глаз, поблагодарил слепую женщину, передал ей десять золотых монет и пообещал, что от него приведут две коровы.

Иллазар переступил порог своего дома, и все в мире встало на свои места. Теперь он знал, ради кого жил.

В те годы в горах Кавказа смерть часто забирала детей. Даже обычная простуда могла обернуться серьезной проблемой. Родители Мельке боялись такой напасти, как огня, день-деньской носились со своей малюткой, неусыпно следили за тем, как она кушает и спит. В комнате, где находилась Мельке, заделали все окна — так боялись сквозняков. Только непоколебимое спокойствие деда реб Юсуфа помогало сохранять остатки здравого отношения к ребенку. Дед не допускал того, чтобы малышку кутали в десять одежек, и заставлял проветривать детскую.

Когда девочка чуть подросла, для нее не было большего удовольствия, чем забраться на шею Иллазара и гарцевать на его плечах, заливаясь счастливым хохотом. Отец

млея и благословляя Всевышнего за то счастье, которое Он даровал его роду.

Взрослея, Мельке начала понимать, как живут ее родители, как они общаются между собой и с другими людьми. Все время девочка проводила с матерью. Она видела, как та управлялась с работой по дому, как распределяла обязанности между помощниками. Мельке по-детски наивно пыталась стать такой же хозяйкой, как и Духай. Девочка росла решительной, волевой, ни в чем не зная отказа.

Когда Мельке исполнилось семь лет, Духай заявила, что ее дочь должна уметь читать и писать. Реб Иллазар с этим согласился, и Мельке наняли лучшего учителя. Наблюдая за тем, как его дочь читала по складам, Иллазар задумывался, какое будущее ее ждало. Настанет день, когда Мельке придут сватать, она выйдет замуж и окажется в чужом доме. Подобные размышления портили настроение отцу девочки.

Сначала мысль, пришедшая в голову Иллазара, показала ему крамолой. Он решил нарушить вековой уклад горских евреев: не отдавать дочь в чужой дом, а привести мужа к ней!

Это было неслыханным делом! Но кто сказал, что так поступать нельзя? В еврейских семьях бывали случаи, когда маленькому мальчику брали в жены вдову или взрослую девушку из нищей семьи, чтобы она становилась бесплатной рабочей силой. И никого это не возмущало. Почему бы не взять юношу-бедняка в богатый дом Иллазара, а еще лучше юношу-сироту (тогда его родители точно не обидятся) и не женить его на Мельке? Тогда дочь продолжила бы жить в родном доме, и заботливые родители всегда могли бы ей оказать поддержку.

И как только к Иллазару в дом начали захаживать свахи, идея эта все чаще приходила ему на ум. Иллазар всем отвечал, что о замужестве дочери еще рано заводить речь.

Сначала отказывать приходилось соседям, у которых подрастали сыновья, потом эстафету подхватили кунаки из дальних аулов. Они подъезжали к реб Иллазару издали, заводя разговоры о совместном деле, купле-продаже мяса. Им вежливо, но твердо отказывали.

Иллазару невозможно было угодить. Он осматривал предлагаемого парня и выносил вердикт: «Плечи углом подняты, такой нашу девочку любить не будет», или: «Глаза навывкате — долго к вещам присматриваться будет, да еще и хвастлив окажется», или: «Кончик носа задран, — такой склонен к безделью: жена голодной сидеть будет». Слушая подобные отзывы, Мельке и сама научилась отваживать поклонников.

На одной из свадеб, где знакомые в очередной раз завели разговор на тему сватовства Мельке, Иллазар внезапно отрезал:

— Я отдам дочь замуж за того, кто придет жить в мой дом! И по-другому не будет.

У собеседников рты от удивления пооткрывались. Виданное ли дело? До Иллазара так никто не делал. Общину два дня трясло и распирало от шепота. «Иллазар задумал пойти против памяти предков... Иллазар делает так, как захочет...» Но через пару дней все умолкли. Пусть поступает, как решил, это его дочь, и спорить с ним бесполезно. С другой стороны, все понимали, что при таких условиях найти жениха было невозможно.

Тем временем Юсуфу исполнилось пятьдесят пять лет. С утра жена задумала приготовить ему что-нибудь особенное. Встала, как обычно. Пошла убирать котел, потом принялась месить тесто... И вдруг словно тень пронеслась по дому. Ава позвала невестку посмотреть, может, кто в дом забрался? И тут, пока Духай бегала, Ава схватилась за грудь, доковыляла до стены и упала рядом с горкой убранных подушек.

Там ее Духай и нашла. Ава как будто крепко уснула. Именно тогда Мельке первый раз увидела, что такое смерть.

В доме поднялся крик, вой, плач. Побежали в синагогу за носилками. Вызвали с базара Иллазара. Через час пришел раввин. Иллазар с почерневшим лицом сел читать каддиш. Бедную Аву положили на пол, покрытый черным покрывалом, и расставили вокруг нее свечи. К вечеру во дворе собрался весь квартал. Люди беспрестанно читали псалмы Давида, женщины во дворе шили тахрашим, оглашая воздух протяжным воем. На следующий день умершую отнесли на кладбище.

Именно тут им навстречу и выбежала рыжая собака. Реб Юсуф велел дать ей мяса и отпустить с миром. У горцев существовало поверье, что душа усопшего в первые три дня переселяется в собак. Это как своеобразное чистилище, которое чистая душа переживает спокойно, покидая в положенный срок временное пристанище. Посмотрев, как собака убегала вдаль, реб Юсуф горько вздохнул.

Придя домой, он обнаружил на кухне засохший кусок теста, из которого Ава собиралась испечь для него пирог. Юсуф смотрел на него, и слезы сами текли из его глаз.

Так закончилась история Авы.

VII

Однажды к Иллазару на рынке подошел его добрый сосед реб Ицхак — тот самый, который не признавал другого транспорта, кроме своего ишака. Иллазар уже несколько раз приступал к соседу с просьбой, чтобы тот помог подыскать ему нового шойхета для забоя скота в дальних аулах.

Торговая сеть Иллазара постепенно расширялась, лавочки располагались от Темир-Хан-Шуры до Маджалиса, и ему требовался новый резник. Обычно Иллазар сам подыскивал себе работников, но лавка, которую он решил открыть, находилась в местах, где Иллазар никого не знал. Напротив, реб Ицхак, родившийся в тех краях, со всеми был знаком.

Именно реб Ицхак и сообщил реб Иллазару, что для поиска нового шойхета им следовало обратиться к тамошнему раввину — реб Ифраиму, уважаемому человеку.

Выслушав его совет, Иллазар погладил бороду.

— Хорошо, — сказал он. — Я думаю, что мне не надо тянуть с этим. Отвези меня к раввину, и покончим с делом.

— Имей в виду, если я это сделаю, должен мне будешь.

— Я согласен. В чем долг будет заключаться?

— Один процент прибыли с трех твоих лавок в течение недели.

— О-о, ты хочешь меня разорить.

— А ты хочешь оставить меня завтра без обеда. Что хуже?

— Твои хитрости сведут меня с ума.

Двое мужчин скрепили сделку рукопожатием.

— А почему я не знаю этого раввина? — спросил Иллазар, возвращаясь вместе с Ицхаком после базарного дня домой.

— Наверное, потому что он молод. Ему только двадцать восемь лет.

— Из какого он рода?

— Род неплохой. Отец уважаемый. Правда, Бог детей ему не много дал: всего два сына, но уже счастье, что не дочери.

Реб Иллазар поморщился. Ицхак замолчал. Выдержав паузу, сказал:

— Прости, реб Иллазар. Погорячился. Совсем старым стал.

— Ну, ладно, и что дальше?

— А ничего. Авроомом его зовут. Сыновей хороших воспитал. Старший Ифраим, как я уже сказал, тоже стал раввином, ну а младший... Впрочем, если ты не возражаешь, я расскажу тебе всю историю с самого начала.

— А что, есть что рассказывать?

— А то! — И сосед закатил глаза.

В самом деле, рассказывать Ицхаку было что. Родители братьев — старшего Ифраима и младшего Хезгий — решили отправиться в паломничество на Святую землю,

в Иерусалим. Я уже писал, что со второй половины XIX века словно что-то произошло с нашими евреями: ими овладели идеи. Какая-то странная мечта гнала их вперед — мечта найти свой потерянный дом, словно то, что они имели, и не было им никогда домом. Они мечтали о возвращении в Палестину. Обидно только, что многие уходили в эту Палестину в погоне за сказкой и пропадали там навеки. В те годы неблизкий путь — пешком ли, на арбе, морем, под парусом или на диковинном пароходe — таил в себе немало опасностей. Сказывались и нетерпимость к евреям, и войны, и голод, и, наконец, самое страшное — разбойники на дорогах, которые только и ждали, чтобы заполучить бесправного путешественника к себе в лапы.

Однако, зная про все опасности, пожилые родители не смогли удержаться от желания ступить на землю своей утерянной родины.

Единственное богатство, которое они оставили старшему сыну, был наказ заботиться о младшем. Единственный капитал, который они оставили младшему, была просьба слушаться во всем старшего.

— Да хранит вас обоих земля, по который вы ходите. Да будут ваши дела изобильны и приносят плоды по тысяче раз.

Что еще мог сказать старый отец сыну, собираясь его покинуть на неизвестный срок?

— Так далек и опасен ваш путь... — сказал Ифраим.

— Понимаю. Но, знаешь что, сын... Меня будет согревать мысль о том, что я иду к потерянной родине. Возможно, ты поймешь меня, когда подрастешь, и непонятная тоска поселится вот где-то здесь... — Пожилой человек ткнул заскорузлым пальцем себе в грудь.

— Когда дойдете до этой Палестины, я прошу, любыми путями передай весточку... С кем удастся, как получит-

ся... Только дай знать о себе, — умолял отца старший из сыновей.

Авроом вышел во двор, и братья последовали за ним, схватив по огромному тюку. За оградой уже ждала арба с запряженной парой волов, черным и белым.

Огромные деревянные колеса без всяких рессор, тяжелые, как мельничные жернова, закрипели и тронулись в путь. Родители ни разу не обернулись. Братья стояли на дороге, глядя им вслед, пока пыль не съела очертания арбы с двумя стариками. А когда пыльное облако рассеялось, вместе с ним растаяла и повозка с родителями, словно ее никогда не существовало.

Двое сыновей в одночасье стали соломенными сиротами. С одной стороны, как бы при живых родителях, с другой — живого в них теперь было не больше, чем в наших снах. И что их ждало впереди, разве они могли знать?

Они только надеялись. И надежда давала им силы жить. Каким-то чудом от отчаянных стариков первые полгода приходили короткие весточки. То один, то другой паломник стучал в осиротевший дом братьев и, благословляя жилище, передавал Ифраиму и Хезгиё слово, привет или другое известие от их родителей, которым удалось пересечься с земляками в пути. По этим скудным сообщениям братья понимали, что происходило с матерью и отцом. Вот они добрались до Баку, границ Персии, пересекли рубежи Османской империи и смогли добраться до туманного Босфора. И наконец увидели минареты Стамбула.

Напрасно младший Хезгиё представлял себе пыльную дорогу, силясь разглядеть на ней две согбенные фигурки, едущие на арбе. Все съедала темнота.

После известия о том, что старики сели на корабль, который держал путь в Палестину, новости приходить перестали. Напрасно Ифраим расспрашивал путников, про-

ходивших через их аул: не слышали ли они об Аврооме и Нэхе, их родителях. Все качали головами.

Ифраим смог заменить Хезгиё отца. Жили братья на скромный заработок раввина. Свадьбы, похороны, молитвы за усопших, чтение каддиша — младший Хезгиё прислуживал в синагоге. Он все больше и больше проявлял рвение к учебе и интерес к Торе. Хезгиё никогда не повышал голос, словно боялся обидеть, и абсолютно все на свете — как радости, так и горести — соединял с волей Небес, приговаривая: «Значит, так надо!»

Так они и жили, пока слух о братьях не достиг чутких ушей Иллазара. В судьбе младшего Хезгиё, как ее описывал скучающий сосед Иллазара, отец Мельке услышал отзвук мелодии, в которой мужской голос вел не главную партию, а всего лишь аккомпанировал. И мелодия эта показалась его отцовскому слуху чарующей. Или это было на самом деле родство двух столь несхожих меж собой душ — гордой избалованной Мельке и тишайшего Хезгиё?

«Приходилось ли этому парню хоть раз вытаскивать кинжал из ножен?» — задался вопросом Иллазар, слушая соседа, и тут же отогнал эту мысль прочь. Это не важно. Хезгиё будет жить в его доме, и не найдется того, кто поднимет на него руку.

— Не сегодня завтра парень будет вынужден уйти на заработки, — услышал Иллазар хриловатый голос соседа, который продолжал рассказывать историю. — А что делать? На общинном подаянии много не проживешь. Ифраим женился. Скоро родительский дом станет тесным для братьев. А в сельском ауле достаток раввина невелик. Хватило бы на жену и детей.

— Что? — резко оборвал соседа Иллазар. — Этот парень уходит из дома? Когда?

Иллазар еще не знал, почему это произошло, но внутренним взором увидел, как среди тучи пыли, поднятой но-

гами рабов Божьих, выделялись следы ног его потомков, которые вели в будущее, разветвляясь на множество дорожек.

— Я хочу увидеть Хезгиё! — глухо сказал Иллазар. — Возможно, у меня будет для него работа. Сколько ему лет?

— Да уж двадцать, — отозвался сосед.

— Двадцать... Взрослый мужчина. И что, до сих пор не женат?

— Нет. Кого он может сосватать? Из всего имущества у него только дырка в штанах! Да и кто его знает, живет тихой жизнью при синагоге. Такому жениться сложно.

— Это хорошо, — воодушевился Иллазар.

— Не понимаю, к чему ты клонишь, дорогой сосед. — Собеседник пристально смотрел на Иллазара.

Иллазар предупредительно поднял указательный палец, предлагая прислушаться. Ни звука не доносилось из окна. Квартал молчал, объятый сном. Лишь светили тускло звезды, скрываясь за дымом от табачных трубок.

«Что все это значит? — думал Иллазар. — Правильно ли я понял знак, поданный Создателем?»

— Так зачем ты выпрашиваешь о каком-то голодранце? — нетерпеливо повторил сосед. — Интерес, что ли, какой?

— Какой у меня интерес? Просто хочу посмотреть на него. Ты говоришь, как его зовут?

— Хезгиё.

— Может, ему помощь требуется?

— Это ты у его брата спроси. Только он гордый. Раввин... Сам понимаешь, откажется. Впрочем, зачем гадать. Если хочешь, в следующую среду поедem к ним в гости, познакомимся.

— Да, стоило бы. Ты же знаешь, мне нужны в лавке помощники.

— Это дело, — откликнулся сосед. — Не думаю, что старшему брату так уж хочется кормить лишний рот.

— Ну, и добро, сосед. Если ты тоже готов помочь бедному юноше, не откладывай. Хорошее дело только в среду делается. А завтра... — Реб Иллазар сверился зачем-то с часами, которые висели у него на цепочке. — Завтра у нас среда. Мы едем к твоему знакомому, а то не ровен час... — Иллазар замялся, подыскивая слово.

— Сбежит? — насмешливо спросил сосед.

Реб Иллазар удивленно поднял брови, услышав недвусмысленную иронию в устах гостя. Или показалось резнику, что тот о чем-то догадался?

— От судьбы не убежишь, реб Ицхак, если я правильно тебя понял. Так что собирайся.

— У меня завтра дело на поле, — начал отговариваться сосед.

Иллазар прервал его речь, предупредительно подняв указательный палец:

— Не говорим так много, Ицхак. От лишних слов больше шума выходит. Едем завтра и покончим на этом.

— Помочь соседу — доброе дело, — обреченно вздохнул реб Ицхак. — Только к тебе в котел рука не дотянется, если я буду сидеть у себя дома.

— Э-э, — развеял его сомнения Иллазар. — Ты поможешь мне сегодня, я помогу тебе завтра. Я одну молитву знаю, чудотворную.

— Это какую же?

— А вот такую... — Иллазар вынул из кисета серебряную монету и протянул ее гостю. — Держи. Маленький кусочек металла, а в нем такая сила содержится. Отдай эту монетку другому, и он что хочешь для тебя сделает. Камни сами уберутся с твоего поля... А себе возьми вот эту.

С этими словами Иллазар достал вторую монету и протянул ее соседу.

Тот засмеялся:

— Благодарю тебя, Иллазар. Хороший ты человек. Стыдно тебе не помочь.

С этими словами сосед откланялся.

Может быть, впервые за много ночей Иллазар спал спокойно и даже чему-то улыбался во сне. В назначенное время Иллазар и его сосед реб Ицхак отправились в путь. По пути они останавливались у знакомых. Для гостей накрывались самые богатые столы, сходились самые уважаемые люди, которые расспрашивали путников о том, как им жилось в далекой Темир-Хан-Шуре.

Вскоре Ицхак и Иллазар стояли на пороге дома Ифраима. Дверь открыл молодой мужчина в застиранной черкеске и папахе, которая потеряла былую форму.

— Мир дому твоему, да не оскудеют его запасы вовек, да хранит тебя мудрость Создателя! — воскликнул Ицхак.

— Что за счастливый случай привел таких дорогих гостей в мой дом? — изумился Ифраим. — Заходите. Эй, Агарь, у нас гости. Беги скорее!

На его крик из дальних комнат выбежала женщина, закутанная в шаль с головы до ног.

С низким поклоном она приняла из рук Иллазара ружье и удалилась с ним в дальние комнаты. Ифраим уже вел гостей на второй этаж, в кунацкую.

Гости устроились на коврах, поджав под себя ноги.

— Приветствую вас! — Ифраим еще раз с любопытством посмотрел на незнакомца.

Ицхак перехватил его взгляд.

— Прошу принять этого человека, как меня самого. — Он поклонился в сторону соседа. — Это реб Иллазар, уважаемый человек. Одна его мясная лавка стоит всех мясных лавок Дербента или Маджалиса. Если люди хотят, чтобы их сердца были довольны после обильной трапезы, они покупают мясо у нашего реб Иллазара.

— Благодарю Создателя, что привел такого человека в мой дом! — воскликнул реб Ифраим.

Молодой раввин рассыпался пышным цветом слов и был красноречив, как соловей. Видно было, что он заинтригован визитом.

— Реб Иллазар занят тем же, что и наши правители: кормит нас всех, — продолжал словоизвержение Ицхак.

— Так вы тот самый реб Иллазар, который из Темир-Хан-Шуры? — переспросил вдруг Ифраим. — Даже в нашей глуши мы слышаны о ваших делах.

Реб Иллазар вежливо наклонил голову.

— Слухи о человеке всегда опережают его поступки. Благодарю Создателя, что привел меня к порогу твоего дома. Пусть ваша чаша никогда не оскудеет.

— И вашего дома, уважаемый реб Иллазар. Должно быть, вы голодны с дороги, я попрошу жену собрать на стол что-нибудь. Извините, мой дом небогат, но что имею... — Реб Ифраим развел руками.

Это была типичная речь типичного горского еврея. Никакой похвальбы. Все больше жалобы на смиренное положение и невероятные поборы.

— Кликни Хезгиё, скажи, у нас гости, — велел раввин чумазой детской мордашке, что высунулась в проем двери.

В дальних комнатах что-то загудело, потом хлопнуло, и в кунацкую вошел молодой парень, статный, высокий, с черной бородкой. Он несколько смутился, увидев незнакомого мужчину, быстро поклонился обоим.

— А-а, Хезгиё! — расплылся в улыбке реб Ицхак. — Хвала Создателю, какой богатырь вымахал! Это книги, которые ты читаешь, такой рост дают?

Хезгиё улыбнулся.

— От отца нет вестей? — спросил Ицхак.

— Нет, — сразу погрузился юноша. — Скоро семь лет, как от них ни весточки, ни приветов.

— Придет, вот увидишь, придет. Палестина — это же на другом конце мира! Правда, реб Иллазар? — обратился Ицхак к своему спутнику, указывая на Хезгийё. — Младший брат Ифраима.

Молодой человек смутился, почтительно склонил голову. Реб Иллазар пытливо посмотрел на него и тоже склонил голову в знак приветствия.

Ицхак все еще выпрашивал хозяина, из каких мест пришли последние вести от их родителей, реб Ифраим подробно отвечал, но это носило характер ни к чему не обязывавшей беседы. Каждая из сторон ждала настоящих расспросов, которые раскрыли бы причину столь неожиданного визита.

— Реб Ифраим, да не затихнет твое слово в ушах праведных, — начал реб Иллазар спустя некоторое время. — Я собираюсь открыть в ваших краях лавку. Мне надо, чтобы вы оценили моего нового резника.

— Что мое мнение по сравнению с вашим, — смутился Ифраим.

— Реб Иллазар — потомственный шойхет, но обилие дел не оставляет ему времени заняться богоугодным делом, — успокоил Ифраима Ицхак.

— Понимаю.

— Обычно я не доверяю выбор шойхета никому, но, зная о твоём благочестии, я хотел бы получить одобрение от тебя, — произнес Иллазар.

— Что вы, — начал отнекиваться Ифраим, хотя было заметно, как приятна ему похвала уважаемого человека. — Преувеличиваете, дорогой гость. В подлунном мире никто не совершенен, кроме наших отцов. Как я могу советы давать в выборе шойхета? Это слишком большая ответственность.

Реб Иллазар улыбнулся:

— Очень приятно слышать в твоих речах сокровища скромности, но только в вашем ауле твое слово дороже

денег. Я не делаю пустых предложений. Если у вас есть придирчивые покупатели, то вы сможете их успокоить. Поэтому мне необходимо твое одобрение. Я понятно объясняюсь, реб Ицхак? — обратился Иллазар к своему провозжатоу.

— Реб Иллазар ясен, как солнце на рассвете, — поспешил вставить слово реб Ифраим.

— Значит, ты посмотришь на нашего шойхета? — спросил Иллазар.

— Буду рад, — ответил Ифраим.

Иллазар сделал глоток терпкого зеленого чая.

— А чем занимается брат? — любопытствовал он.

— Помогает мне в синагоге.

— Доброе дело отражает чистую душу, — заметил реб Иллазар. — Я собираюсь поставлять в ваши края много мяса, боюсь, что мой шойхет один не справится. Почему бы не отдать твоего Хезгий ко мне в ученики? Я мог бы платить ему и взял бы на себя его стол, если бы он согласился через год сдать экзамены на резника. Если начинать дело, то лучше с людьми, которым полностью доверяешь.

Он сказал это как бы между прочим. Но реб Ифраим живо откликнулся на такое предложение.

— Моему брату пойти к тебе работать? Хм... Это большая честь. Мы такой недостойны, — добавил он.

— Уверяю, что реб Иллазар не кидает слов на ветер, — опять вмешался в разговор реб Ицхак. — Его слова тверже камня.

— Да, сейчас людские замыслы не угадаешь. Люди говорят одно, а думают совсем другое. Раньше было не так, — сокрушенно произнес Ифраим. — А ты что думаешь, Хезгий.

Хезгий вздрогнул. Обычно Ифранм так к нему никогда не обращался. Что делают с человеком неожиданные гости!

— Боюсь, недостойн такого лестного предложения!

— Я тоже так думаю, реб Иллазар. Мой брат задумал наняться в работники в каком-нибудь большом городе.

— Такой ученый юноша, и простым работником?! — искреннее удивился реб Иллазар. — Я слышал, умеешь читать.

— И писать, — пробормотал Хезгиё.

— Вот! А мой шойхет не может отличить буквы от козы. Так не годится. Иди ко мне работать. Я знаю, что говорю.

— Реб Ифраим, — вмешался в разговор Ицхак, — отец посмотрел бы в сторону предложения реб Иллазара, сиди он с нами за столом. Надо соглашаться.

Ифраим еще раз бросил взгляд на младшего брата. Решать вот так судьбу человека было неосмотрительно. С другой стороны, может быть, это милость небес.

— Ицхак говорил мне о ваших родителях. Вот уж кто достойный пример светочей веры. В таком почтенном возрасте совершить паломничество!.. Праотец наш Моисей был раза в три моложе, когда повел свой народ из Египта. Быть в доме вашего отца и разговаривать с его сыновьями для меня истинный праздник.

Реб Ифраим смущенно заулыбался. Нежданный гость гладко стелил.

— Принимать такого гостя, известного своими милостями, — тоже большая удача, — ответил он.

После ужина Ифраим проводил гостей в приготовленные для них дальние комнаты. Реб Иллазар обратил внимание, сколь бедно жилище молодого раввина. Из обстановки — циновки на полу, треснувшее зеркало на стене да в нише пять маленьких глиняных чайников без единой чашки.

Спалось ему легко. И, если бы посмотрели на его лицо, то заметили бы, что ему снились хорошие сны.

На следующий день четверо мужчин — реб Иллазар настоял, чтобы Хезгиё присоединился к их компании, —

отправились оценивать мастерство нового резника. Это был здоровенный рыжий детина, который завалил быка в одиночку, стреножив бечевой. Ни на что не отвлекаясь, резник все время повторял молитву. Иллазар мало смотрел на шойхета, все больше оценивающе приглядываясь к Хезгиё, словно ему было в самом деле интересно, что думает по тому или иному поводу этот парень.

Молодой раввин терялся в догадках, чем его брат приглянулся такому важному человеку. И не мог найти объяснения.

По окончании экзамена Ифраим дал свое одобрение рыжему шойхету и пригласил всех в дом. Там их уже ждало горячее. Реб Ифраим поднял рог и произнес теплые слова за Всемогущего, который послал к нему таких гостей. Реб Иллазар улыбнулся. Потом реб Ифраим посетовал на свою бедность. Реб Ицхак начал возражать. И тут слово попросил Хезгиё.

— Наш аул беден, уважаемые гости, но бывают случаи, когда бедность становится богатством.

Он рассказал смешную историю. Дружный смех огласил стены бедной сакли. Ицхак затряс бородой, Иллазар сдержанно усмехнулся. Только Ифраим остался недоволен поступком брата. Младшему не пристало высказывать свое мнение за столом, где сидели старшие. Но реб Иллазара это ничуть не покорило, наоборот, подняв стакан, он стал славить Создателя, пославшего на их пути такого гостеприимного хозяина.

Гость завершил свою речь словами:

— Ифраим, приглашаю тебя осмотреть мои поля и оценить мой скот. Для меня будет большой честью принять тебя с братом у себя в доме. Ты большой знаток кашрута! Скрыть что-либо от тебя может либо мышь, слишком малая, чтобы за ней наблюдать, либо сокол, слишком далекий, чтобы его видеть, но все остальное твое сердце

видит насквозь. Надеюсь, ты не собираешься меня обидеть и посетишь мой дом?

Ифраим смутился:

— Конечно, посещу.

— Не посещу, а посетим. Брата своего возьми обязательно. Это не просто просьба! Вам будет чему удивиться в моем доме, — добавил реб Иллазар, вставая.

За ворота Ифраим провожал гостей вместе с Хезгиё. Подвыпивший Ицхак все смеялся над шуткой Хезгиё и повторял:

— Мясо за инжирные косточки. Ой, не могу... В инжире нет костей. Какой находчивый младший сын уважаемого Авроома!

VIII

Ровно через две недели реб Ифраим и Хезгиё прибыли к Иллазару. Тот встречал их на дороге, у ворот дома, как будто заранее знал, что приедут дорогие гости.

Мужчины поднялись на второй этаж, уселись на пол, устланный толстыми пушистыми коврами. Духай внесла огромный поднос, заполненный дымящимися чуреками и прочей снедью, среди которых были даже восточные сладости.

Иллазар на секунду оставил гостей и вышел в женскую комнату.

— Позови Мельке, — велел он Духай.

— Что?

— Пусть чай подаст дочь!

— Я сама справляюсь.

— Послушай меня, пусть подаст Мельке.

Духай пристально посмотрела на мужа. Иллазар возвел глаза в потолок. Вечно эти женщины всего боятся.

Конечно, им бы только, чтобы солнышко всегда светило, а почему оно светит и кто его зажигает, невдомек. Иллазар вернулся к гостям. Теперь он улыбался.

— И какие новости в вашем ауле? — спросил он.

— Да какие новости в нашем захолустье? Чем тише, тем спокойнее. За новостями надо ехать в город.

— Ах, город, город... Чуть что, начинают поносить город, мол, все беды от города, а по-моему, все беды от человека.

— Это точно, реб Иллазар, — отозвался с улыбкой Хезгиё.

— Чему ты улыбаешься? — резко оборвал его старший брат. — Помолчи, а то реб Иллазар подумает, что ты дурачок.

— Почему? Пусть говорит. Что ты хотел сказать, Хезгиё?

— Да вспомнил одну притчу... Про трех простаков, что приехали в большой город, где-то на Востоке, на заработки. Решили втроем снимать одну комнату и все расходы делить поровну. Однажды у одного из них выдался неудачный день на рынке, он вернулся без прибыли и стал жаловаться, что нет денег. Что же сделали двое других? Они сказали: «Можешь не платить за масло, раз нет денег. Но тогда не пользуйся светом лампы». И завязали ему глаза. Повязку сняли только тогда, когда погасили лампу.

— Ах, ты хочешь, чтобы я лопнул от смеха, — зашелся реб Иллазар. с улыбкой. — Ифраим, твой брат — кладезь остроумия.

— Он-то еще что! — проворчал реб Ифраим. — Вот наш отец, тот действительно был остроумец.

Иллазар хмыкнул:

— Счастливая страна Палестина, если такие люди, как ваш отец, стремятся туда. Пусть он благополучно вернется.

— Хотелось бы, — вздохнул Хезгиё.

В полном согласии они закончили ужин. Реб Ифраим поднялся.

— Благодарим за радушный прием, Иллазар.

— И вам спасибо, что пришли, — ответил хозяин. — Но я не думаю, что мы закончили. Побудьте еще немного, отдохните.

— О, нам пора ехать, — начал отказываться реб Ифраим. — Путь неблизкий.

— Ну, у нас хватит места для ночлега. А, Хезгиё? — обратился Иллазар к младшему.

Младший вопросительно посмотрел на старшего. Реб Иллазар как будто специально ставил его в неудобное положение. Решать полагалась Ифраиму.

— Как брат распорядится, — ответил Хезгиё.

Иллазар улыбнулся:

— Ну, тогда брат останется. Я так решил. Да, Ифраим? Ифраим нехотя кивнул.

— Так как насчет того, чтобы пойти ко мне учиться на резника? — неожиданно спросил Иллазар, обращаясь к Хезгиё. — Готов?

— Не знаю. Мы ничего не решили, — ответил Хезгиё уклончиво.

— Так решайте сейчас. Сколько хочешь, чтобы я платил твоему брату за обучение? — спросил Иллазар, глядя на Ифраима.

Тот был удивлен.

— Как я могу о чем-то просить, реб Иллазар. Обычно ученик платит, а тут учитель собирается... Спасибо скажу, если вы будете его кормить.

— Вот и хорошо. По рукам.

Иллазар протянул руку Ифраиму.

— А ты еще не засватан, Хезгиё? — обратился к младшему брату хозяин дома.

— Я еще не думал об этом.

Реб Ифраим удивленно поднял брови. В этот момент в комнату вошла Мельке с подносом в руках, на котором дымились три плошки с чаем. Хезгий обернулся на движение за его спиной и увидел силуэт девушки, закутанной в шаль. Больше ничего разглядеть было нельзя. Парень застенчиво потупил взгляд. Дочь Иллазара протянула гостю пиалу, и тот чуть не опрокинул ее содержимое себе на шаровары.

Дочь Иллазара прыснула. Словно нарочно пронесла руку мимо щеки Хезгий. На мгновение тот уловил чуть ощутимый аромат жасминового масла. Как-будто видение... Дочь Иллазара ушла. Они еще немного поговорили и разошлись отдыхать.

Спать братьям постелили в кунацкой. Подушка, которую дали Хезгий, была набита горным чабрецом. Запах травы дурманил. В ночи царили покой и умиротворение, только сон не шел. Что-то будоражило душу юноши, будто кто-то изнутри царапал. Пару раз Хезгий проваливался в черный омут полудремы и видел отца, который сидел на арбе один, без мамы. Авроом оборачивался на крик сына и улыбался. Хезгий поразило, что во сне у его отца не было ни одного зуба...

Утром его растолкал брат.

— Вставай, займись быками. Пора ехать.

Хезгий побежал в сарай. Ифраим стал спускаться следом. Тут он и столкнулся с реб Иллазаром. Тот попросил приблизиться гостя.

— У меня к тебе есть разговор.

Ифраим покачал головой.

— Ифраим, я хочу с тобой поговорить. Я тебе вчера не представил девушку, что разносила чай. Это моя дочь Мельке.

— Да будет она благословенна. Счастлив дом, украшенный таким цветком.

— Это все слова, Ифраим. Я ценю их, но я думаю, ты понимаешь, что рано или поздно ей придется выйти замуж.

— Уверен, что придется, — удивился неожиданному повороту Ифраим. — Но при чем здесь мы?

— Речь идет о твоём брате, Ифраим. Ты видел мою дочь. А я видел Хезгийё. Что ты скажешь на то, что твой брат достоин стать мужем моей дочери.

— О-о! — Глаза Ифраима полезли на лоб. Что за сюрпризы приготовил Создатель! — Благодарю за оказанную честь, реб Иллазар, — с трудом вымолвил он. — Но...

— Что «но»?

— Хезгийё... То есть я, то есть мы... Мы не так богаты. И не сможем...

Ифраим сделал паузу. Было видно, как неприятно ему признаваться в собственной бедности.

— Я не смогу предложить достойный калын за вашу дочь.

— Это все не важно.

— То есть как?

— Я дам тебе приданое для моей дочери. И никто ничего не узнает. Это будут твои деньги.

Реб Ифраим побледнел.

— Но так не принято, реб Иллазар. Я не смогу принять ваши деньги.

— Ты не торопись. Все обдумай. Есть только одно условие, на котором настаиваю.

— Какое?

— Твой брат должен перейти жить в мой дом.

— Сюда?

— Да, ко мне. Это моя единственная дочь, и я хочу ей счастливой судьбы. Твой брат сможет дать ей именно такую. Но я выдам родное дитя только за того, кто придет жить в мой дом. Не волнуйся, честь вашего рода будет со-

блюдена. Я приму жениха, как сына. Да и ты будешь спокоен за его судьбу. Тот, кто породнится со мной, ни в чем не будет знать нужды.

— Но... — Ифраим от волнения даже вспотел. — У нас это не принято.

— В нашей жизни случается многое из того, что не принято. И в каждом адате есть свои исключения. Почему бы тебе не пойти на это ради уважения ко мне. Ради уважения к моему предложению...

— Я понимаю. Но что скажут люди? Если раввин отступает от правил, что будут о нем говорить в общине? — Ифраим разволновался, речь его стала путаной.

— Люди поговорят-поговорят и перестанут. Если ты как раввин скажешь, что все было по правилам, никто возражать не будет. Ты знаешь наших людей. Если открыто назвать снег сахаром, день люди поудивляются, а на следующий будут уплетать его и говорить: «Как сладко!» Я уверен, твой отец не возражал бы.

Ифраим ничего не ответил.

Иллазар продолжал наступать:

— Это будет хороший брак. Я в этом уверен. Разве не этого добивался бы твой отец, да будет он счастлив, где бы он ни находился? Тебе доверили судьбу Хезгиё. Не лишай его счастья. Или ты не заметил, как он вчера встретил Мельке? Он даже перестал слышать, о чем мы говорили. Я обещаю, что твой брат займет достойное место в моем доме.

Реб Иллазар замолчал, пытливо всматриваясь в лицо Ифраима. Тот не выдержал и отвел взгляд.

— Это все слишком неожиданно, — наконец ответил он. — Мне надо поговорить с братом.

— Зачем с ним говорить? Как ты решишь, так и будет. Конечно, его надо спросить, но не думаю, чтобы молодой мужчина мог отказаться от такого цветка, как Мельке.

— Да, но все-таки...

— Хорошо. Время есть. Обдумай как следует, что я предложил. И через неделю буду ждать от тебя ответа. Идет?

Реб Ифраим только кивнул.

Хезгийё ждал его на улице, сидя на арбе. Он сразу увидел, что с братом что-то творится. Ифраим был напуган и как будто опасался смотреть в его сторону.

— Что-то случилось, Ифраим? — тихо спросил Хезгийё.

— Ничего. Дома поговорим, — резко ответил старший брат. — Поехали. Ну что отстоялся?! — неожиданно прикрикнул он.

Хезгийё втянул голову в плечи и стегнул быков. Те лениво двинулись с места.

Парень обернулся. Хезгийё даже не успел попрощаться с радушным хозяином. В этот момент он увидел на крыше дома фигуру в черном. Она стояла и смотрела им вслед. Юноша готов был поклясться, что это была та самая девушка, которая подносила ему сладкие чуреки с курдючным жиром.

Повозка свернула за угол, и дом реб Иллазара скрылся из глаз.

Противоречивые мысли бушевали в голове Ифраима. Во-первых, все, что предложил реб Иллазар, было хорошо. И во-вторых, все, что предложил реб Иллазар, было не по закону, не по адату. Не мог мужчина прийти в дом к женщине. Если только... это не искушение. Он начал молиться. Сотни отговорок пришли на ум реб Ифраима. Да кто сказал, что нельзя? Следует посмотреть внимательно в старинных книгах, уточнить, что про это писали Иуда, Нафанаил, Моисей, — все эти умудренные Создателем старики, которые долго прожили, но так и не поняли, что мир гораздо сложнее всех их писаний.

Хезгиё не выдержал первым:

— Ифраим, ты что-то не договариваешь?

— Да, брат.

— И что именно?

— То, что нам надо радоваться.

— А почему ты такой мрачный?

— Э-э, Хезгиё! Мрачные небеса над нашим домом, да ветер их уносит. Хорошие новости. Помнишь девушку, что мы видели в доме Иллазара?

— Как не помнить... — Хезгиё, когда требовалось, умел прикинуться простачком. — Она очень молода...

— Но какая проворная хозяйка!

— Да, счастлив будет тот, кто возьмет ее в жены. Такая молодец!

— Хочешь, я поговорю с Иллазаром, чтобы он отдал ее за тебя? — выпалил Ифраим.

Хезгиё замер.

— Брат, ты надо мной смеешься? Иллазар — заботливый отец. Он не отдаст дочь за меня.

— Почему?

Хезгиё посмотрел на небо:

— Ты сам знаешь. — Прямо над его головой пролетел ворон. — Видишь, правду говорю. Ворон — птица умная. Кто мы, а кто реб Иллазар. Он гора по сравнению с нами.

— Хезгиё, я смогу договориться.

— Перестань.

— Я не шучу.

— Ты так говоришь, будто уже говорил с реб Иллазаром об этом.

— Да, говорил. И он согласен.

— Что? — Глаза Хезгиё округлились.

— Есть лишь одно условие.

— Условие?

— После свадьбы ты будешь жить у них в доме.

Хезгиё с удивлением посмотрел на старшего брата. «Прийти в дом жены. Стать... как это говорится у русских, мужчиной, который живет в доме жены?» Он не припомнил названия... Так и сидел ошарашенный. Может, брат над ним насмехался?

Хезгиё посмотрел на Ифраима. Нет, тот сидел суровый, как всегда, без тени улыбки на лице.

— Я не шучу, Хезгиё, — словно услышав его мысли, повторил Ифраим. — Предложение было сделано. Ты можешь стать мужем дочери Иллазара.

Хезгиё ничего не ответил. Что судьба творит с человеком? Только вчера он был никому не нужным паренем, будущим батраком, как говорится, ведром без дна, а сегодня стал женихом...

Он на секунду представил дочь Иллазара, как она идет по улице с кувшином на голове, как месит тесто для мацы. Видимо, Создатель захотел над ним посмеяться. Девушка была моложе его, и он вдруг ощутил, как в нем растет чувство трепетной нежности.

«Если я стану ее мужем, — пронеслось в голове, — то все сделаю для того, чтобы она была счастлива».

— А выкуп?

— Ее отец дает.

— Зачем ему это надо? Нет ли здесь подвоха?

— Ты с ума сошел! Чего ты боишься?

— Не женщины я боюсь, а ее отца.

— Перестань. Все скоро решится. На следующей неделе я поеду договариваться с Иллазаром о сватовстве.

Ифраим не обманул. Все, что требовалось для счастья Хезгиё, было сделано. Ифраим и отец невесты Иллазар быстро сговорились о дне торжества.

Свадьбу мои предки обычно играли зимой, когда поспевало свежее вино. За неделю до праздничного события в дом жениха приглашались родственницы, чтобы шить

наряд невесты. Из остатков материи мастерили платья для бедных вдов и сирот. Всем носящим траур отсылали специально приготовленный куриный плов, как бы просили у людей, переживших горе, позволения ликовать и веселиться. Взамен те должны были благословлять свадьбу.

В каждый город и аул, где у молодоженов имелись родичи, реб Иллазар отправил приглашения. Мельке сама выбрала двух девушек-согдуш, которые должны были оберегать ее покой до самой свадьбы.

Брачное пиршество началось в пятницу вечером одновременно в обоих домах — и у Хезгиё, и у Мельке. Так как Хезгиё был из дальнего аула, то Иллазар поселил его в гостинице. После вечерней молитвы в комнату Хезгиё пришли его друзья и устроили пир. В это время у Мельке собрались подруги. Они пели и танцевали, утешая невесту, горевавшую по ушедшему девичеству. Если им попадался кто-то из друзей жениха, то с него срывали шапку и требовали выкуп.

Так, в веселых гуляниях и угощениях прошли понедельник и вторник.

В ночь на среду Мельке отвели в микву. Провожали ее только близкие подруги. По возвращении домой ей расплели мокрые волосы, расчесали и вновь заплели в косы. Одна из девушек запела грустно:

Ёе те еле мугумун деде...Остальные подхватили:

Ёе дужлерусмун деде...

Еще одну ночь ты гостя у матери...

Еще одно веретено остается выпрясть у матери...

Затем Мельке одели в чистое белье, в нем она должна была оставаться до самого утра, пока не принесут свадебный наряд от Хезгиё.

Утром в среду Мельке получила свадебное платье. Огромная процессия из родственников и приглашенных выстроилась у дома. В руках мужчины держали кувшины

с вином. Женщины несли на головах подносы, уставленные яствами. Там было все: рис, куры, индюки, гуси, чурекки. Подношения складывали в комнате невесты.

В это время голый Хезгиё трясся от холода. Вместе с братом он стоял по колено в мелкой злой горной речке и совершал ритуальное омовение. Вода немилосердно жгла и колола тело, но отменить ритуал было невозможно. По традиции на берегу его уже ждал цирюльник, вооруженный отточенными ножами.

Полуодетого Хезгиё посадили на камень, и цирюльник приступил к делу. Через двадцать минут голова Хезгиё была идеально бритой.

Пришла пора одеваться. Друзья, окружившие Хезгиё, забили в барабаны.

Под «раз» он напялил штаны.

Под «два» застегнул ворот у рубахи.

Под «три» натянул сапоги.

Перед Хезгиё выстроился длинный ряд его товарищей. Они по очереди подходили к Хезгиё, дарили ему подарки, которые складывали у ног счастливец на огромном подносе, и целовали его в чисто выбритую макушку. Считалось, что поцелуй женихова темени приносит удачу.

Когда ритуал был окончен, к Хезгиё подвели красивого коня. Жених вскочил на него, и вся процессия под звуки барабанов и зурны двинулась в путь к дому невесты.

Там у ворот уже стояла мать Мельке. В руке она держала серебряный кушак. Жених спешил и торжественно остановился перед Духай. Со словами: «Будь ты счастлив, и пусть мир увидит внуков твоих правнуков!» — она повязала на Хезгиё пояс, символическое признание первенства будущего мужа дочери.

И в ту же секунду раздался боевой клич. Вся процессия — отдельно жених и невеста — двинулась в синагогу.

Мельке ехала с девочкой-родственницей и посаженной матерью. Лицо невесты было прикрыто платком. По дороге к процессии присоединялись новые участники — каждый с полным стаканом вина, который тут же опорожняли, умудряясь при этом не расплескать ни капли. Гости ликовали и поздравляли молодых.

Так, с шумом и гамом, процессия приблизилась к синагоге. И тут наступила тишина. Растерянный Хезгиё вышел из коляски. Неподалеку остановилась бричка, в которой сидела Мельке. От волнения она была бледна и скупа в движениях. В соответствии с ритуалом к ней подошли двое уважаемых мужчин и на руках бережно внесли во двор синагоги.

Там уже установили хупу, которую на шестах держали четверо дюжих мужчин. Хупа была из старого синего бархата, разукрашенного золотыми звездами. Хезгиё встал под навес. Слева от него замерла Мельке, ожидая, как и Хезгиё, когда раввин скрепит их союз.

Новобрачных окружило широкое кольцо гостей.

Раввин поднял в правой руке кубок с вином, произнес благословение и передал сосуд жениху. Робеющий Хезгиё сделал глоток и передал вино Мельке. Невеста, такая же смущенная, едва поднесла кубок к губам и тут же вернула его раввину.

Наступил самый торжественный момент.

Под заунывное пение раввин что-то вложил в ладонь Хезгиё, тот поднял руку, толпа одобрительно загудела, и тоненький солнечный лучик отразился от полоски золота.

— Обручальное кольцо! — зашушукались в толпе.

Десятки глаз внимательно следили за главным моментом. Хезгиё медленно надел кольцо на палец Мельке. Над головами собравшихся ухнул гром.

— К добру, к добру! — зашептали женщины.

Все посмотрели на небо, оно было абсолютно чистым. Тут же задудели зурны и забили барабаны. Брачный союз был заключен. Началась гулянка. Все кричали и поздравляли друга.

Раввин бубнил текст брачного договора-кетибу, в котором было сказано, сколько приданого приносит Мельке жениху и сколько, в случае развода, Хезгиё обязан выплатить жене.

Его никто не слушал. Наконец раввин закончил чтение. По его знаку мальчишка-прислужник налил темное вино в свадебный ритуальный кубок и протянул раввину. Тот осторожно поднял сосуд, показывая всем, что он полон, как должно было быть полно и будущее супружеское счастье, и передал Мельке. Она пригубила и передала кубок Хезгиё. Тот одним глотком опрокинул кубок, затем со всего маху шваркнул его о специальный камень, положенный под хупой, — на счастье. Крак — стекло разлетелось на мелкие кусочки. «Ура!» — закричали радостно вокруг. Опять поднялся гвалт, и тут сверху пошел снег. Мелкими белыми перышками он падал на головы счастливых людей, словно благословляя их. Одной супружеской парой в мире стало больше.

К полуночи гости уgomонились. На календаре был декабрь 1910 года.

Хезгиё, поселившись у Иллазара, как будто вернулся к себе домой. Его смиренность удачно сочеталась с властным характером жены. Реб Иллазар подмечал, с какой нежной заботой парень следил за здоровьем Мельке, как обращался с ней, как благодарил за стряпню... И ни разу не повысил голос или, не дай бог, поднял руку, что сплошь и рядом происходило в других семьях.

Хезгиё заслужил доверие тестя и в самых деликатных вопросах. Иллазару нравилось, что зять был молчуном. Такой не подведет. И не важно, что от идеи научить Хез-

гийё искуству шойхета пришлось отказаться. Есть люди, которым от природы не дано иметь дело с кровью. Хезгийё как раз принадлежал к их числу. Зато он был абсолютно честен, и ему можно было передать менее хлопотное, но более прибыльное занятие — мену золота.

Иллазар научил Хезгийё определять качество металла на зуб, ввел в курс цен, так что вскоре зять стал первоклассным золотником.

IX

Все шло своим чередом, но мир вокруг менялся. В городе, на базаре, мужчины все чаще толковали о том, как вокруг беспокойно.

— Куда катится наш мир?! — спрашивал Хезгиё, слушая диковинные для его слуха слова: «буржуазия», «пролетариат».

«Угнетенные», «угнетатели» — это еще было понятно, но все остальное... Никто не знал, ощущение чего — нового и грозного — витало в воздухе.

Еврейские умы не избежали искушения революцией. Правда, если в европейской части России об этом говорили с последней четверти XIX века, то в Дагестан опасное поветрие докатилось позже, когда горские евреи впервые столкнулись с тем, что на языке историков называется «новым политическим веянием».

Надежды на счастливую жизнь и неясные перспективы поселили во многих чувство тревоги. К этому при-

мешивали другие поводы для беспокойства. Назовем их личного характера.

Причина для тревоги была более чем серьезной. Уже три года прошло со дня свадьбы, а в семье Абрамовых, именно такую фамилию носил Хезгиё, так и не появлялся ребенок. Даже соседки, которым до всего было дело, перестали с интересом разглядывать живот Мельке, когда та выходила со двора. Хезгиё виновато смотрел на Иллазара, когда тот заводил речь о внуках.

Старый резник уже стал опасаться, что что единственной любимой дочери и ее мужу придется переживать те же страхи, что и ему с Духай.

Иллазар недоумевал: почему же Создатель, Который так хорошо смотрел на его семью, не даст самого главного? Иллазар вновь задумался: не является ли проблема с детьми роком его рода. Он засобирался к Иде. Стал наводить справки и узнал, что та при загадочных обстоятельствах исчезла. Просто вышла как-то из дома и не вернулась, точно растворилась в воздухе.

Напрасно Иллазар ходил по разным ворожейкам и знахаркам, спрашивая, не знают ли они, где Ида. Все только плечами пожимали. Исчезла, словно ее никогда и не существовало!

Может быть, уехала, думал реб Иллазар. Таинственная пропажа его давней спасительницы опечалила. К кому было обратиться за помощью? Они с Духай так мечтали о внуках.

Но вот в один прекрасный день Мельке вдруг не встала с постели рано утром, а попросила приготовить завтрак для Хезгиё Духай. Та сразу всполошилась, стала щупать лоб и шею дочери, тут-то все и открылось. Мельке была беременна.

Иллазар и Хезгиё благодарили Господа за проявленную милость.

Ни Иллазар, ни Хезгиё и предположить не могли, что еще до начала августа начнется бойня, которая разрушит старый добрый мир.

В Темир-Хан-Шуре известие о начале Первой мировой войны прозвучало как гром среди ясного неба. Прошел месяц, и город наполнился военными. Поползли слухи, что евреев тоже будут забирать в армию.

Несколько раз городской Ефим Сосна стучался в дом Иллазара, составляя списки мужчин, способных держать в руках винтовку. Угроза попасть на фронт нависла и над Хезгиё. Не раз и не два ожидавшая ребенка Мельке допытывалась у своего отца, что будет, если Хезгиё заберут на войну.

— Что ему делать на том фронте? — возмущалась Мельке. — Смотреть, как людям животы вспарывают?

— Говорят, что не всех берут, — отвечал Иллазар. — Посмотрим.

Так, успокаивая друг друга, они и жили.

Однажды Иллазар пришел домой поздно вечером очень довольный и объявил, что ему выпал исключительный день. Власти хотели закупать у Иллазара мясо для поставок на фронт. Это было большой удачей.

Так у него появились знакомые среди русских военных. Именно тогда Иллазар подумал обратиться к ним за помощью, чтобы они помогли Хезгиё избежать призыва. Хезгиё был ему как сын, и отправлять его на бойню Иллазар вовсе не собирался. Но как к трудной задаче подступиться, Иллазар не знал. Надо было с кем-то посоветоваться.

Иллазар несколько раз крепко выпивал с городовым Ефимом Сосной, долго с ним толковал, доказывал, а потом подарил его жене три персидских шали чудесной работы. Подарок Иллазара городовому понравился.

— Вот ты что делаешь? — спросил однажды подвыпивший Ефим старого резника. — Ты помогаешь фрон-

ту: ты мясом, кто-то снарядами. Разницы никакой. Хезгиё тоже помогает фронту, коли он твой зять. Так зачем ему идти на фронт, если он как бы там! Понимаешь, к чему речь веду? — спросил городской.

— Нет, — ответил Иллазар.

Городовой оглянулся и зашептал ему что-то на ухо.

По совету Ефима реб Иллазару следовало немедленно послать прошение в Санкт-Петербург на имя царя, чтобы освободить работников его лавочек, в том числе и Хезгиё, от призыва в армию, потому что, с одной стороны, евреи малочисленны, а с другой — принесут гораздо больше пользы фронту, если будут снабжать армию продовольствием.

Все это Ефим Сосна изложил Иллазару и сказал ему, что дело в шляпе.

Реб Иллазар опешил:

— В какой шляпе? А кто передаст прошение царю?

Сосна развел руками:

— Я человек маленький. Всего лишь городской. Наверное, ты, Иллазар.

— Где я, а где русский царь?! — изумился Иллазар.

— Не знаю, — снова развел руками городской, — но только без этой бумаги Хезгиё точно забреют в солдаты. Пока в Петербурге не примут решение, угроза, нависшая над твоим зятем, не исчезнет.

И тогда Иллазар решил написать.

Рано-рано утром, когда все еще спали, в дом к Иллазару зашел, нет, ворвался Ефим Сосна.

— Евреи, вставайте! — закричал он с порога.

Ошалевший со сна Иллазар выскочил с ружьем в руках.

— Что?! Где?! — И разглядел городского.

В руках тот держал какую-то бумагу.

— Вот, читай! — протянул он лист Иллазару.

Иллазар ничего не понимающим взглядом уставился на городского. Ефим сиял как солнце.

— Что это?

— Дурья твоя башка! Из самого Санкт-Петербурга пришло. Сенат решил, что из Темир-Хан-Шуры все евреи, которые заняты на поставках мяса для нужд фронта, приравняются к военным и призыву подлежат не будут. Вот так-то! Пляши, губерния-а.

Иллазар слушал, ничего не понимая. Потом закричал:

— Духай! Водки!

На радостные вопли городского на галерею выбежал Хезгиё.

— Ты никуда не уходишь! У нас начинается новая жизнь! — тормозил его счастливый Иллазар.

Так с одной проблемой было покончено.

Рождения ребенка ждали, как самого большого чуда. Старый резник, не боясь навлечь гнев Создателя, и за обедом, и за ужином твердил, что будет обязательно мальчик.

Хезгиё, улыбаясь, согласно кивал. Разве в таком деликатном вопросе Бог принимал заказы мужей или дедов?

Реб Иллазар вспомнил, как Духай перед родами поили водой с размешанной в ней землей с кладбища, чтобы мальчик родился, и на всякий случай велел Духай сделать соответствующий запас. Жена его подобные суеверия не одобряла и говорила, что раввин возражал.

Но Иллазар только отмахивался.

За рождение мальчика момой был обещан щедрый подарок. По мере того как живот Мельке увеличивался, Иллазар и Хезгиё все чаще уединялись на крыше, что-то обсуждая.

— Как только родится мальчик, — поучал Иллазар, — позови всех мужчин, что соберутся в нашем дворе, в кунацкую! Угостишь вином. Понял?

— Понял! Угощать как? Допьяна?

— Конечно! Если мужчина после моего вина сможет стоять, значит, он мало выпил. Пусть лежат. Места всем хватит. В это время женщины пойдут поздравлять Мельке. Момой будет постоянно рядом с ней!

— Зачем?

— Так полагается! А вдруг горячка случится? Пять дней, не меньше. Мельке же будет слабенькой.

— Где же слабенькая? Два ведра запросто поднимает.

— Это она только притворяется, что сильная, а на самом деле слабая, мне лучше знать, я ее отец! — разгневался Иллазар. — Тут главное проследить, чтобы момой правильно ее кормила. Первые пять дней только мучным супом, и чтобы никто к ней ни ногой. Никто!

— Даже Духай?

— Главное, чтобы Мельке и новорожденного мальчика не видел ни один чужой глаз.

— И сколько так будет продолжаться?

— Пока не принесут золото.

— Зачем золото? Золото у нас у самих есть.

— Так полагается. Оно защитит младенца от болезней. Так мне Ида говорила.

— Кто такая Ида?

— Одна мудрая женщина, мир ей, где бы она ни находилась. А еще хорошо, чтобы ты заготовил деревянные дощечки вот с такими именами. — Иллазар выложил перед Хезгийё бумагу с длинным рядом имен.

Хезгийё послушно переписал их на листок. Там были Навруз, Грушит, еще какие-то диковинные. И все их надлежало вырезать ножом на дощечке и потом прибить над головой Мельке.

— Эти имена необходимы, — пояснил Иллазар, — чтобы отогнать злого демона от постели младенца.

— Никогда в жизни не слышал о таком, — вздохнул Хезгийё.

— И не надо тебе слышать. Главное, все предусмотрено.

— А если мальчик заболит?

— Чтобы у тебя язык оторвался за такие вопросы! Не заболит! Я нашел такую мамой, у которой еще ни разу никто не болел.

В самом деле, Иллазар специально поехал в Дербент и привез оттуда самую знаменитую повитуху. Стоили ее услуги чуть ли не целое состояние — двух буйволов, но Иллазару было на это наплевать! Главное, чтобы родился здоровый мальчик!

Под вечер 4 ноября 1914 года Мельке стало плохо. Она запричитала, согнулась, будто ее ударил кто по животу. Духай с мамой бросились в ее комнату.

Потянулись долгие часы и минуты томительного ожидания. Мельке то кричала в голос, то, припугнутая мамой, переходила на шепот. И вдруг все стихло в доме. Хезгиё и Иллазар прислушались. А потом они услышали крик младенца. Лицо Хезгиё просияло. Слава Создателю, случилось!

— Мамой! — закричал радостный Иллазар.

Повитуха тут же показалась из-за покрывала.

— Чего тебе?

— Кто родился?

Мамой промолчала. У Иллазара вытянулось лицо. Он бросился за занавеску и увидел свою дочь. На ее груди лежал ребенок. Иллазар наклонился и вдруг резко отпрянул. Это была девочка.

Хезгиё целовал измученную жену. Иллазар несколько мгновений ошарашенно смотрел на копошащийся комочек и вдруг, махнув рукой, просиял. Подумаешь, какая разница: девочка, мальчик — главное, родился ребенок! Долгожданный.

Девочке дали имя Ханна.

Имя родители выбрали неспроста. Старое еврейское, оно переводилось как «божественная благодать». В то же время могло легко превратиться в привычное русское имя Аня. Иллазар словно предчувствовал, что будет дальше. Провидел, что они с русскими надолго. Им еврейские имена произносить было сложно. Куда удобнее называть ребенка так, чтобы его имя произносилось и на русский манер.

Х

Революции, которые прокатывались волнами по Российской империи, принесли горским евреям много добра и много зла. Так было в истории и так будет — хорошее всегда идет рядом с плохим.

Февральская революция отменила законы, направленные против евреев. Наш народ наконец оторвался от мест оседлости и мог свободно перемещаться по всей территории России. Как же этому было не радоваться! В июне 1917 года собрался Съезд горских евреев в поддержку Временного правительства. Во главе съезда стоял этнограф Нисим-оглы (Илья Шеребетович Анисимов) — умница, интеллигент. Съезд признал горских евреев неотъемлемой частью еврейского народа, даровал женщинам равные права с мужчинами и ограничил возраст вступления в брак. Однако решить все вопросы съезд не успел.

После Октябрьского переворота в Петрограде и разгона Учредительного собрания Кавказ объявил о разрыве

с Россией. Началась Гражданская война, и города и деревни превратились в место нескончаемой битвы, в которой не могло быть победителей. В довершение всех бед началась засуха 1922—1923 годов. Тяжело приходилось даже зажиточным евреям, привыкшим помогать землякам. Горожане шли в работники или отправлялись в лезгинские и татские деревни заниматься мелочной торговлей, в основном распродавая вещи из собственных домов.

Наконец советская власть утвердилась и на Кавказе. Свободную торговлю запретили, многих евреев объявили нетрудовыми элементами и отправили на принудительные работы.

Судьба хранила Иллазара первые годы лихолетья. Каким-то чудом ему удавалось уберечь своих близких от беды. Военные — то белые, то красные, — занимая город, первым делом приходили к евреям. Требовали накормить и взять на постой. Кто отказывался, погибал. Кто помогал, терпел убытки. Иллазар предпочитал помогать. Нет, иногда власть действовала по закону. Скот отбирали, но расплачивались то керенками, то рублями, то неведомо какими деньгами. Ворох разноцветных бумажек в тайнике рос и рос... Только за бумажки ничего не продавали. Вozить мясо на базар стало не на чем — лошадей угнали, волов забрали. поголовье скота таяло на глазах. Но Иллазар совершал невозможное... Находил ходы, сводил концы с концами. Когда выпадала удача, менял бумажные деньги на золото.

Духай и Мельке то и дело приносили в дом страшные новости: чьих-то родственников посадили в тюрьму, у одной семьи отобрали дом, женщин и детей выгнали на улицу, мужа, который пытался протестовать, посадили в кутку. Таких историй было множество.

Потом пришел голод. И чем меньше становилось продовольствия, тем чаще во дворе Иллазара появлялся

комиссар в черной кожаной тужурке в сопровождении солдат в красноармейских буденовках с мосинскими винтовками.

— Нужно помочь голодающим, товарищ Иллазар. Понимаешь, нужно... У тебя есть запас, должен быть...

— Так на прошлой неделе приходили... И сколько вы хотите взять?

— Всех коров.

— А как моя семья жить будет? Что завтра есть?..

— Уважаемый, у меня приказ...

— Приказ, приказ... — вздыхал Иллазар. — И сколько вы заплатите за пять коров, господин товарищ?

— Полагается триста рублей! — важно говорил комиссар. — И только из-за того, что уже не первый раз приходим к тебе и всегда ты отдаешь, что положено.

— Триста?.. Фунт мяса на базаре двести тысяч стоит, да еще поискать по такой цене. А вы — триста за пять коров. На эти деньги спичек не купишь!

— Решай сам, товарищ.

— Понимаю. — Иллазар горестно вздыхал, смотрел на небо, где должен был обитать Бог. Как Он может такое допускать!

И шел отдавал.

Рано или поздно страшные грозовые тучи уносит ветром. Первым признаком, что жизнь налаживается, стали слухи о том, что власти разрешили открывать артели. Это слово было понятным. Артели собирали под своей крышей бывших купцов, торговцев, мелких кустарей. Так начинался нэп — новая экономическая политика.

Открылись еврейские школы. В 1921 году в Баку выпустили в свет первый учебник на еврейско-татском языке. В Махачкалу, откуда за годы Гражданской войны уехала чуть не половина населения, стали возвращаться евреи. Свыше двух тысяч человек вернулись на прежние места.

Кто сумел сохранить капитал, открывал свою лавку, магазин или питейное заведение. Иллазар, который с места не трогался все лихие годы, продолжал жить в доме в Буйнакске, как теперь называли Темир-Хан-Шуру, воспрянул духом. Он нанял помощников, завел лошадей, вновь открыл на рынке лавочки с кошерным мясом.казалось, все неприятности позади.

В том же году Мельке родила Хезгий второго ребенка — сына, которого называли Юсуфом, или Иосифом. (Домашние звали его еще Пановичем.) Через два года опять прибавление в семействе — родился младший брат Даниил. Еще через два года появилась на свет их сестра Рая.

В 1928 году Мельке, к радости всех домочадцев, решила от бремени девочкой. Когда счастливый Хезгий увидел малышку, он благословил небо, что посылало ему такие дары. Ребенку дали имя Турунж, которое впоследствии заменили на русское Татьяна.

И еще трижды у Мельке принимала роды опытная повитуха. Так в семье появились сын Захар и дочери Роза (Томор) и Света.

Детей надо было поднимать на ноги. Хезгий и отец Мельке Иллазар крутились, как могли, чтобы прокормить разросшееся семейство.

Несмотря на трудности, все шло относительно хорошо. Люди поверили, что можно жить и при Советах, как вдруг грянули новые испытания... Газеты пестрели новыми лозунгами, замелькало слово «коллективизация». В городах по всей России появились портреты товарища Сталина.

Горских евреев начали загонять в колхозы. Синагоги закрывали, раввинов арестовывали. Буквы священного языка объявили вне закона.

Все богатые или зажиточные, другими словами, крепкие хозяева, вдруг показались опасными властям. Где-то

в российских городах вновь начался голод. И опять начали изымать продукты и ценности. Как в начале двадцатых, забрали скот у Иллазара, лавку закрыли.

Комиссариат по делам продразверстки располагался в бывшем доме купца Елизарова, и с некоторых пор это место старались обойти за версту, словно там находилось чумное кладбище. Началось все с прибытия в Буйнакск нового председателя Совета выборных представителей трудящихся товарища Енакурова. Своим заместителем он назначил Рахаева, местного, из евреев.

Первым делом новый начальник потребовал список зажиточных. И первым в нем значилась фамилия Абрамова. С него и решили начать.

Прошел день, и Рахаев пожаловался Енакурову:

— Бойцы от Абрамова вернулись ни с чем. Не дал им ничего старик.

— Как не дал? У него же больше всех?! — удивился Енакуров, заглянув в список.

— Говорит, все, что было, отдал советской власти. Семья большая, детишек мал-мала, недоедают...

— Врет, — убежденно ответил комиссар. — Кстати, чего мы с ним возимся? Он сидит жрет втихую, пока трудовой народ голодает. Не хочет по-хорошему, так раскулачить его, контру, и все дела!

— Так он действительно много отдал, — заметил Рахаев.

Он-то прекрасно помнил, кто всегда помогал большевикам.

— Да будет тебе своих выгораживать. Много забрали, а еще больше спрятал, — махнул рукой Енакуров. — Зря с ним цацкаешься. Учти, линия партии — истребить все кулачество, чтобы и памяти о нем не осталось. Узнаю, что с ними мягко обходишься, тебе самому несдобровать. Так что решай поскорее, как быть с недобитым пособником капиталистов.

Рахаев потер виски, словно от сильной головной боли. Так у них мало кто умел говорить. Потом махнул рукой.

— Может, истреблять и не стоит для первого раза, а поговорить, как положено, — это дело.

На следующий день Рахаев распорядился вызвать Иллазара Абрамова к себе.

Иллазар явился к назначенному часу. Почтенному человеку велели ждать в коридоре, стул не догадались вынести. Примерно через час дверь открылась, и в проем высунулась голова Рахаева:

— Заходи, Иллазар!

В кабинете, прямо под портретом Ленина, за крытым кумачом дубовым столом, оставшимся от прежнего хозяина, восседал Енакуров. Рахаев устроился в кресле по другую сторону стола. В углу за бюро корпел над бумагами секретарь — комсомолец со значком на синей блузе.

Енакуров начал без предисловий:

— Товарищ Иллазар! Говорят, противишься воле трудового народа! Почему скот не отдаешь?

Иллазар откашлялся. Поправил газыри на черкеске.

— Сами знаете. Пустой двор.

— Это у дома мало что осталось... А где-то ведь прячешь.

— Нигде не прячу. Нечего прятать...

— Соседи говорили, что слышно, как у тебя в сарае две коровы мычат.

— Не две, а одна. Для семьи берегу. У меня семеро внуков. Что нужно сделать, чтобы вы поняли, что у человека больше ничего нет?

Лицо Иллазара стало пунцовым. Вены на его шее вздулись.

— Иллазар, ты против советской власти не смей... — прикрикнул Енакуров. — Пусть твоя совесть скажет, все ли ты отдал!

— До последнего барана.

— Значит, не хочешь отдавать по-доброму? У тебя на дальних выгонах должен быть скот! Сколько там голов? Внуки у него... А тебе не жаль детей, которые с голоду пухнут?! В Поволжье, на Дону... Их-то не жаль?.. Я тебя, байское отродье... кулацкую начинку...

Лицо Енакурова стало жестким.

Рахаев, заметив, как дело оборачивается, растерянно переводил взгляд то на комиссара, то на Иллазара.

— Люди говорят, что вы тайком торгуете золотом, Иллазар, — начал Рахаев увещевать. — Отдал скот... Может быть. Но золотишко-то оставил.

— Ты не попутчик новой власти, Иллазар, — неожиданно взорвался Енакуров, выскакивая из-за стола. — Ты ее враг. Ты кулак!

У Иллазара от гнева потемнело в глазах. У него отняли скот, отняли лавку. Теперь они хотят отобрать последнее. Сердце гулко застучало. В глазах стало темно, и резкая боль пронзила голову. На секунду он перестал что-либо слышать. Комната поплыла, в глазах потемнело.

Комиссары заметили, как Иллазар сильно побледнел и покачнулся. Они замерли, соображая, что предпринять в такой ситуации. Абрамов и тут, в кабинете, путал все карты Енакурову. Рахаев испуганно смотрел на непокорного.

— Ты нас слышишь, Иллазар?

Иллазар с трудом восстановил дыхание.

— Подумай, а когда решишь, сообщи, — закончил Рахаев.

Енакуров зло посмотрел на старика и кивнул секретарю. Тот вскочил, выбежал из комнаты и вернулся с конвоиром.

Комиссар коротко бросил:

— Под замок контру!

У Иллазара опять закружилась голова. Значит, его арестовали. Дыхание перехватило, воздуха катастрофически не хватало. Конвоир толкнул его в спину, и Иллазар чуть не упал.

— Иди, шевелись, не задерживай, — откуда-то издали услышал он грубый окрик.

Иллазар почувствовал, что правая половина тела его словно онемела. Медленно, приволакивая ногу, из последних сил стараясь сохранить равновесие и не рухнуть перед обидчиками, он направился к выходу.

— Сообщите моей дочери, — хрипло бросил он.

Ему никто не ответил.

Конвоир вывел Иллазара во двор и запер его в каком-то сарае с заколоченными окнами. Пленник все хотел добраться до тюка сена в углу, но силы оставили его...

Оставшись вдвоем, Енакуров посмотрел на своего заместителя.

— Ну что ты на меня смотришь? Поверил, что этот кулак все отдал?

— Он не кулак. До революции он мясом торговал. Весь город к нему ходил.

— Один черт. Все равно враг, контра! Ну что ты раскис?

— Я его семью хорошо знаю. Он давал деньги моей матери, когда нам нечего было есть.

— И что? Это повод проиграть мировую революцию? Жалеть всех — ничего не соберем. У меня план!

Енакуров вдруг остановился, как замирают игроки в карты, когда у них выпадают тузы. Потом поднял указательный палец.

— Семичастный, ко мне! — крикнул он громко.

В кабинет вбежал боец, который командовал отрядом, изымавшим, как они выражались, «нетрудовые излишки» у зажиточных граждан.

— Вот что, Семичастный. Немедленно отправь людей в дом Иллазара, пока он у нас под замком. Накроем их тепленькими. Выпиши мандат на обыск. Золото должно быть там! И скажи бойцам: пусть ищут тщательно.

— Есть!

— Стой!

Боец замер.

Енакуров внимательно посмотрел на заместителя.

— А знаешь что, Рахаев? Пойдем-ка туда. Я тебе сам покажу, как разбираться с кулацким отродьем.

Примерно через час четверо красноармейцев, Енакуров, Рахаев и секретарь подъехали на подводе к дому Абрамовых.

Первыми во двор вошли красноармейцы с винтовками наперевес, следом Рахаев с Енакуровым.

На шум во двор выглянула испуганная Духай. Увидев вооруженных людей, она закричала и скрылась за дверью.

— Хезгиё, Мельке! Солдаты!

Хезгиё выскочил во двор и замер. Следом за ним показалась перепуганная Мельке. Енакуров увидел их и гаркнул:

— А ну стоять!

Мельке и Хезгиё замерли.

— Выйти всем во двор, — скомандовал комиссар.

Абрамовы послушно вышли.

— Ну что, не ждали гостей? — Комиссар осклабился. — Вижу, что не ждали. А мы ведь предупреждали: советская власть — это надолго. Да, Рахаев? — обернулся Енакуров к своему заместителю.

Тот стоял, пытаясь не встречаться взглядом с Мельке, которую знал с детства.

— Ну что, гражданка, — продолжал комиссар. — Доставай все, что есть в закромах. Что прячешь в подполе?! Все показывай!

Рахаев испуганно смотрел на своего командира.

— Обыскать! — приказал Енакуров.

Солдаты рассыпались по двору. Двое вбежали в дом и начали обыскивать комнату за комнатой. Зачем-то вспомнили подушку, опрокинули с полок кувшины.

Енакуров вошел в просторный дом, прошелся по всем комнатам. Остановился на самой большой — женской — половине, где стояло несколько сундуков и огромный деревянный стол с ханукальными подсвечниками.

Енакуров посмотрел на сундуки, указал на них пальцем:

— Там что?

Красноармейцы послушно двинулись к сундукам. Прикладами сбили замки, подняли крышку, начали выбрасывать аккуратно сложенное белье, одежду...

Енакуров флегматично смотрел на происходившее. Духай не выдержала, закричала:

— Что вы делаете?

Бросилась к солдатам. Мельке ее удержала.

Енакуров довольно загоготал.

Он несколько раз прошелся по комнате. Потом задумчиво оглядел стены, потолок, пол. Подпрыгнул несколько раз на застонавших под его тяжестью половицах. Затем перешел в другой угол и попрыгал там. Половицы даже не скрипнули. Сидели как влитые.

— Интере-есно, — протянул Енакуров.

Он подошел к разоренному сундуку, подцепил кончиком мизинца длинную черную шаль. Подбросил, поймал. Наклонился и протер ею свои пыльные сапоги. Закрыв крышку и тяжело опустился на нее, наблюдая за тем, как солдаты кромсали дом.

— Приведи сюда всех мужчин, кто есть в доме! — потребовал Енакуров от своего заместителя, который неотступно следовал за начальником.

— Хезгиё! — крикнул Рахаев.

Хезгиё испуганно вошел в комнату.

— Где золото, которым ты торгуешь?!

Хезгиё изумленно посмотрел на Енакурова и Рахаева и ничего не ответил. Комиссар встал, снова прошелся из угла в угол. Несколько раз с силой притопнул, ткнул носком сапога в ковер, подцепил его, откинул. Посмотрел на половицы. Обратился к красноармейцу, что стоял поблизости.

— Вскрой пол! Вот здесь. — Он стукнул сапогом.

Женщины испуганно охнули, переводя взгляд с Хезгиё на Енакурова. Хезгиё возвел глаза к небу. Красноармейцы штыками подцепляли половицы, одну за другой отдирая от пола. Показалось отверстие схрона. Енакуров ухмыльнулся. Комиссар нагнулся, запустил в подпол руку, пошарил и достал небольшой мешок, завязанный у горловины веревкой.

— Режь, — приказал он.

Красноармеец одним махом разрезал веревки. Рахаев достал из мешка кувшин с горлышком, залитым сургучом. Сорвал затычку. Сосуд был доверху заполнен золотыми монетами.

Енакуров зло усмехнулся. Посмотрел назидательно на Хезгиё, потом подошел к столу, расстелил на нем холстину и аккуратно высыпал содержимое кувшина. Комиссар строго посмотрел на подчиненных, уставившихся на золото.

— Ну, чего остановились? Все обыскали?

— Все. Больше ничего нет, — доложил старший. — Только тряпки.

— Понятно. Забирайте это. — Енакуров кивнул на золото. — Хезгиё пойдет с нами.

Мельке заголосила, следом за ней Духай.

Какой-то молодой красноармеец наставил штык в спину Хезгиё и велел садиться на подводу.

Арестованного привели в тот же сарай с заколоченными окнами, в который за несколько часов до обыска бросили Иллазара. Сначала Хезгиё ничего не увидел. По мере того как его глаза привыкали к полумраку, он разглядел лежавшее на полу тело, бросился к нему... И с ужасом узнал Иллазара.

Хезгиё склонился над тестем, тот лежал без сознания.

— Иллазар! Иллазар, что с тобой сделали?

Хезгиё начал его трясти, пытаясь привести в чувство. Иллазар медленно открыл глаза.

— Иллазар, ты живой? — Хезгиё не знал, что принять. Он бросился к двери, начал барабанить в нее, кричать: — Отворите, отворите! Здесь человек умирает!

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем на пороге сарая показался красноармеец.

— Чего орешь?

— Иллазару плохо. Он без сознания, — закричал Хезгиё.

Солдат подошел к Иллазару. Заглянул ему в лицо.

— Кажется, дышит, — констатировал красноармеец и быстро вышел.

Через пять минут прибежал доктор. Склонился над распростертым телом старика, послушал сердце, обернулся к красноармейцу, что стоял рядом.

— Удар, — коротко сказал он. — Надо срочно в госпиталь. Я иду к Енакурову.

— А-а! — закричал Хезгиё.

Он хотел выскочить из сарая, крикнуть: «Помогите!», но красноармеец наставил на него угрожающе винтовку.

— Куда собрался?! А ну, стоять!!!

Между тем доктор направился с докладом к Енакурову.

Комиссар с секретарем были поглощены тем, что пересчитывали монеты, изъятые в доме Иллазара. Доктор

кашлянул, чем привлек к себе внимание. Енакуров оторвался от своего занятия, которое ему явно пришлось по душе. Врач коротко сообщил о состоянии Иллазара, закончив фразой:

— Держать его под арестом бессмысленно. Он может не дожить до суда.

Енакуров искренне расстроился. Не потому, что ему стало жаль старика. Нет, он жаждал расправы, а теперь все его ожидания пошли прахом. Судить полуживого человека было неинтересно и бессмысленно. Никакого удовольствия. Правда, оставался еще Хезгиё.

Енакуров, отпустив доктора, крепко задумался. Потом позвал секретаря и начал диктовать: «Постановлением Совета народных...» Подошел к двери, плотно закрыл ее.

Через полчаса довольный комиссар открыл дверь, собираясь выйти из кабинета. Обернулся к секретарю, который копался в бумагах.

— Чтобы к завтрашнему полудню все было закончено. С утра отправитесь. Понятно?

— Есть, товарищ комиссар! — крикнул комсомолец.

— И главное, чтобы все по закону, — строго добавил Енакуров. — Мы самоуправством не занимаемся.

Затем он позвал красноармейца.

— Вот что, — начал комиссар, — сейчас возьмишь людей, пойдешь в дом к Абрамовым, ну к тем, у которых сегодня двоих арестовали. — Скажешь дочери, чтобы сейчас же ехала, забирала своего старика. Мол, мы с ним разобрались. Свободен он. Пусть все знают, что советская власть самая гуманная в мире.

Поздно вечером перепуганную Мельке оторвали от детей. Не понимая, радоваться ей или кричать по поводу сообщения, что ее отец не может идти и надо его забрать, потому что он свободен, она быстро собралась и побежала к исполкому.

Напрасно она спрашивала, что случилось с ее Хезгиё. Пока Мельке причитала, отца в полубессознательном состоянии вытащили из дома исполкома Советов двое красноармейцев и молча положили на подводу, стоявшую у входа. Увидев Иллазара в таком состоянии, Мельке закричала. Еще утром крепкий мужчина, к ночи он превратился в развалину.

Вместе с матерью они с трудом перетащили больного в дом, уложили на кровать. Что с ними будет дальше, они не представляли. В отчаянии Мельке повторяла, что Бог их не оставит. Духай хлопотала над Иллазаром, пытаясь привести его в чувство.

На следующий день Мельке с утра отправилась к зданию комиссариата. Перед входом стоял часовой.

— Моего мужа вчера арестовали! Я ему передачу принесла. Как мне его увидеть?

— Это у комиссара Енакурова нужно спрашивать... Он распоряжается. Подожди его! — приказал дежурный.

Мельке простояла около часа, прежде чем появился Енакуров.

— Где мой муж Хезгиё? Отдай мужа, — бросилась несчастная женщина к комиссару. — Что с моим отцом сделали, а-а?!

Енакуров безразлично поморщился:

— Тише, гражданочка! А ну, не кричи!

Мельке замолчала.

— Тут закон все решает, а не я. Твой муж — преступник, враг советской власти. Отца мы твоего отпустили, сама знаешь. Мы — власть гуманная.

— Хезгиё отдай, — путаясь в русских словах, повторяла Мельке.

— Муж твой будет сидеть до тех пор, пока суд не решит, что с ним делать.

— Что он натворил? Отпусти его! Он тихий человек. Никого не обидел.

Енакуров зло улыбнулся:

— Тихий-то тихий, а золото укрывал. Ты разве не знала? Будешь кричать, и тебя посадим как соучастницу.

Мельке оторопела:

— Зачем меня сажать! Что ты говоришь?

— Тогда все. Разговор окончен. Уходи.

— Что мы сделали? Мой отец всю жизнь этим занимался, — не унималась Мельке. — Его царь не сажал, а ты за что посадил? Он совсем болен стал.

Мельке плохо говорила по-русски, и ей приходилось подыскивать слова.

Енакуров нахмурился:

— Я сказал, разговор окончен. Зря здесь время проводишь. Мужа своего ты все равно не получишь. На твоём месте я бы домой бежал. А то, не ровен час, что-то важное пропустишь.

Мельке ничего не поняла, что ей сказал этот человек, но стоять под дверью смысла больше не было. Она повернулась и пошла домой.

Подходя к дому, она почуяла неладное. Войдя в ворота, увидела во дворе красноармейцев. Перед крыльцом стоял молодой парень, комсомолец и громко, ни к кому не обращаясь, зачитывал: «Постановление Буйнакского исполнительного Совета народных комиссаров... о конфискации награбленного имущества, дома и прочего...»

Окна дома были распахнуты. Из них вылетали подушки, матрацы, перины.

Мельке кинулась в дом. Духай стояла, прижав к себе испуганных детей. Вокруг сновали красноармейцы.

— Что случилось?! Мама... Что вы делаете? — бросилась к солдатам Мельке.

— Мельке! Нас выгнали! За что?! Что они творят! — повторяла, как безумная, Духай.

Дети зашлись в крике.

Солдаты прикладами вытеснили их из дома.

Так в один день у несчастной Мельке и ее семьи отобрали дом и мужа и почти погубили отца. Казалось, жизнь закончилась.

— Мама, не плачь, — прошептала Мельке, прижимая к себе Духай. — Мы отправимся в Анжи. Выберемся... Там дом... Про него здешний комиссар не знает.

В Махачкале, или Анжи, как до революции называли столицу Дагестана, у Иллазара был хороший каменный дом, в котором он останавливался, приезжая туда по торговым делам.

К вечеру женщины и дети добрались до Анжи. Улицы были почти пустынные. Ни звука, ни человека. Мельке быстро нашла дом номер 16 по улице Сулеймана Стальского. Отворила ворота. Въехали во двор. Вздохнули. Слез уже не осталось. И все-таки крыша над их головой была, а там, глядишь, и Бог что-нибудь пошлет.

Так на новом месте началась их жизнь.

В самом деле, Бог их не оставил. Как только устроили на новом месте Иллазара и уложили детей спать, Мельке и Духай сели передохнуть после трудного дня.

— Крыша над головой есть, — делилась тревогой дочь с матерью, — а чем детей кормить, не представляю. То, что успели взять из дома, хватит на пару дней, может, на неделю. А дальше что делать? Правда, здесь, в Анжи, люди побогаче живут. Кто-то что-то сохранил, — рассуждала Мельке, постепенно успокаиваясь. — Надо найти компаньонов Иллазара. У них можно одолжить на первое время. — Духай молчала в ответ. — А ты как думаешь, мама?

— Я думаю, что людей пока рано тревожить. Пусть, если понадобится, сам Иллазар к ним обратится, когда немного окрепнет.

Мельке с удивлением посмотрела на мать.

— Я никому не говорила, дочь, да и не требовалось рассказывать об этом, поскольку многие знания — многие печали, — произнесла печально Духай. — Есть место, откуда можно взять денег.

— Где? У компаньонов отца, о которых я не знаю?

— Нет.

— Но кто же нам поможет?

— Не кто, а что... Наш бывший дом в Буйнакске. Там есть еще золото.

— Какое золото? Все отобрали.

— Дома было не все. Мы с Иллазаром давно так решили. Я отложила кое-что... Часть золота... Мы закопали в саду, под ореховым деревом. Не думаю, чтобы они нашли этот тайник. Оно должно быть там.

Мельке слушала, не веря своим ушам.

— Завтра же надо ехать.

— Нет, дочка, подожди. Пусть страсти улягутся. Пару дней переждем и поедем. Надо еще найти, на кого детей и больного Иллазара оставить. Он слишком слаб.

Через несколько дней Духай и Мельке упростили одну родственницу пожить пару дней в их доме, присмотреть за детьми и Иллазаром. Сами, взяв с собой старшую дочь Аню, направились в Буйнакск.

До города они добрались без происшествий. Остановились у знакомых. Расспросив соседей, узнали, что происходило в их отсутствие. Хезгий все еще находился под арестом. Дом их пустовал, и это было самым лучшим известием. Они могли действовать.

Вечером, оставив Аню у соседей, Мельке и Духай захватили с собой необходимый инструмент и, стараясь не шуметь, направились к своему разоренному дому.

Две женщины вошли в сад, остановились возле старого орехового дерева. Мать указала место, и Мельке начала

копать. Через какое-то время лопата наткнулась на что-то твердое.

— Нашли! — обрадовалась Духай.

Мельке бережно достала завернутую в мешковину шкатулку. Оглядываясь и прислушиваясь, не следил ли кто, женщины бережно подхватили бесценную находку и поспешили обратно.

Рано утром, поблагодарив за гостеприимство, женщины начали собираться в Анжи. Везти в открытую шкатулку было опасно. Принялись думать, куда спрятать золото. Решили завязать его в платок и обернуть наподобие кушака вокруг талии Анечки. Если бы по дороге их остановили люди Енакурова, то ребенка едва ли стали бы обыскивать.

Дорога домой прошла без приключений. Переступив порог, путешественницы облегченно выдохнули. Теперь голодная смерть им не грозила.

Иллазар постепенно оправлялся после удара. Крепкий организм горца победил недуг. Тревожно было только за судьбу Хезгиё. Что будет с ним? Как ему помочь?

— Жизнь — мудрая штука. Все расставит по своим местам, — утешала дочь Духай.

Давнишнего знакомого отца, его верного компаньона Эсефа постигла такая же участь, как и семью Иллазара. Все отняли, торговлю запретили, и он перебивался с хлеба на воду, проживая остатки бывшего состояния.

Заметив, что над крышей дома Иллазара повалил дым из трубы, он пришел справиться, не приехал ли хозяин. Духай его узнала сразу. Кликнула Мельке, чтобы на стол накрывала, провела в кунацкую, усадила дорогого гостя и тут же огорошила страшным рассказом.

Слушая о бедствиях, свалившихся на семью Иллазара, Эсеф только качал головой.

В конце рассказа Духай не удержалась, всплакнула.

— Что делать теперь, не знаю. Как мы проживем без кормильцев? Что будет с детьми?

— Ну-ну, все образуется, — успокаивал женщину Эсеф. — Иллазар с вами — это уже полдела. И хлеб, как я вижу, у вас есть. Значит, не совсем голыми остались.

— Да что ты, Эсеф, это так, только кажется, — ушла от темы денег Мельке.

— А насчет Хезгиё я могу узнать. У меня в Буйнакске много знакомых. Кто-нибудь, да поможет. Если он сидит в кутузке, значит, не знают, что с ним делать. А если не знают, значит, можно подсказать. Я так считаю, — обнадежил Мельке и Духай Эсеф.

Мельке произнесла с жаром:

— Век буду тебе благодарна, Эсеф, если поможешь.

— Ну, чем смогу, — тут же замялся старый компаньон отца и выразительно закатил глаза.

Мельке сообразила.

— Подожди. — Она выбежала из кунацкой и минуты через две вернулась. Положила перед гостем золотую монету. Увидев золото, почтенный человек улыбнулся.

— Чувствуется дочь Иллазара, — прохрипел он. — Вся в отца. Если имеется в доме золото, есть в нем и сила. Я смогу помочь.

На этом они расстались.

Как старик и говорил, у него сохранились кое-какие связи в Буйнакске. Через несколько дней после разговора с Мельке Эсеф отправился туда и через неделю вернулся.

Мельке с нетерпением ждала, чем закончится эта поездка.

— Сидит ваш Хезгиё, — начал Эсеф свой рассказ. — Сидит там же, где и посадили. Перебивается с хлеба на воду. Что будет дальше, неизвестно. Люди говорят, что этот бешеный Енакуров собрался его под суд отдать.

— Что же делать? Что предпринять? — нахмурилась Мельке.

— Люди всегда остаются людьми, какая бы власть ни была, — загадочно ответил Эсеф.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Мельке.

— Золото... Кто устоит перед его силой? Таких мало. Енакуров сделан из того же теста, что и ты, и я. Только он еще и голодный. Знаешь, что это такое?

— Нет! — подумав, ответила Мельке.

— Это значит, что он жадный. Только он может освободить Хезгиё.

— Как же освободит, если сам же и посадил?

— Вот именно. Ему только надо дать повод. Думаешь, он не мечтал жить в доме, из которого вас выселил? Надо с ним договориться, чтобы он выпустил Хезгиё.

— Как к нему подступиться?

— Это уже не твое дело. Мое. Дай мне пятнадцать золотых монет. Думаю, этого хватит, чтобы выкупить твоего мужа.

Мельке какое-то время размышляла, потом молча вышла из кунацкой, где принимала гостей. Долго отсутствовала, вернулась и так же молча положила перед другом отца монеты.

Тот убрал золото в пустой кожаный кошель, который по привычке носил на поясе.

— Три из этих пятнадцати мои, — сказал он. — Остальные комиссара.

Мельке кивнула.

— Ждите. — С этими словами гость удалился.

Потянулись часы и дни томительного ожидания. От Эсефа не было ни слуху ни духу. В какие-то минуты Мельке думала, что старика самого арестовали, и Хезгиё, и золото пропали. Духай не переставая молилась, причитая над Иллазаром, которому вдруг стало хуже.

Женщины почти потеряли надежду, когда Мельке случайно выглянула во двор и увидела одиноко стоявшего там Хезгиё. Она выскочила во двор, бросилась к мужу. По щекам обоих покатались слезы. Супруги крепко обнялись.

Семья постепенно стала обустраиваться на новом месте. Конечно, это не была прежняя жизнь: и дом был меньше, и забот прибавилось. В Анжи во дворе не было колодца, и за водой приходилось ходить на дальнюю колонку. Иногда Мельке казалось, что со всем хозяйством они с Духай не справятся... Хезгиё посчастливилось устроиться сторожем на каком-то складе.

Года через два до них дошла неожиданная весть, что Енакурова арестовали. Пришли однажды люди в кожаных тужурках и забрали его из дома в чем был. Рассказывали, что его расстреляли за казнокрадство. Кто-то донес, что комиссар прикарманивал себе часть конфискованного имущества тех, кого он объявлял «врагами народа».

Так закончилась та история. Как сказано в одной мудрой книге: «Каждому свой срок, своя печаль, радость и воздаяние».

ХІ

Новая власть принесла с собой не только горе и разорение. Однажды знакомая Мельке рассказала, что всех детей собирались бесплатно обучать в школе, и называлось обещанное странным русским словом «всеобуч». Женщина долгое время не могла его выговорить и вообще поверить, что такое было возможно. За обучение мальчика в синагоге всегда приходилось платить, и немало, а тут знания давали бесплатно. Это было в диковинку.

К удивлению, все оказалось правдой. В городе открылись первые семилетки, обязательные для всех. Первой пошла в школу Аня. Это стало переломным моментом в жизни традиционной еврейской семьи, в которой девочек обрекали заниматься исключительно домашним хозяйством. Учителя хвалили Аню и советовали родителям разрешить продолжить способной девочке образование в институте.

В институте?.. Образование?.. Для Хезгиё, который превыше всего ценил в человеке ученость, это было чем-то из ряда вон выходящим. Дожить до такого — о большем он и мечтать не мог.

Вторым в школу отправился Юсуф. В семье его все звали Пановичем. Бог знает, почему он получил такое прозвище. Преподавание в школе велось на русском языке. То, что десять лет назад казалось Мельке несбыточным — вдруг пришло само собой. Пока старшие дети находились на уроках, младшие помогали матери по дому. Особым прилежанием отличалась маленькая Турунж. Ни минуты спокойно сидеть не могла.

Девочка быстро усвоила манеру матери хозяйничать. Всего-то семь лет исполнилось, а она уже тесто для чурек научилась ставить да щелок для стирки заваривать. В общем, росла точной копией Мельке, трудилась по хозяйству, хлопотала, как взрослая.

В 1935 году в дом Абрамовых пришло горе. Однажды, вернувшись домой, Мельке услышала хрипы и стоны, доносившиеся из комнаты отца. Кинулась туда и увидела лежавшего на полу Иллазара. Его настиг новый удар. Духай в это время находилась во дворе, занимаясь огородом. Иллазару вызвали врача, но медицина в этот раз оказалась бессильна.

Он так и не оправился от кровоизлияния в мозг и умер через несколько месяцев. Духай тяжело переживала потерю мужа. Горе состарило ее, к земле пригнуло, болезни навалились, как будто специально ждали того момента.

Однако беда всегда ходит под руку с радостью. И пришла она в дом Абрамовых вместе со старшей дочерью Мельке и Хезгиё Аней. Еще в школе она подружилась с мальчиком Алешей из семьи Щербатовых, из горских евреев. Его отец Сасун занимал должность начальника цеха

на консервном заводе, по тем временам был человеком очень обеспеченным. Дружбу детей заметили родители. И однажды отец Алеши явился в дом к Мельке и Хезгиё.

Родители Ани сразу поняли, с какой целью пожаловал важный гость. Последовал обмен любезностями, церемонный разговор. Наконец Сасун перешел к самому важному.

— Хезгиё, наши дети дружат уже несколько лет. Я думал над будущим Алеши и пришел к выводу: лучшей девушки ему не найти. Я хочу засватать твою дочь за сына. Почему бы нам не породниться?

Хазгиё кивнул, улыбнулся, развел руками:

— Наверное, это правильное решение, Сасун. Почему нет, если дети хорошо относятся друг к другу. Сердце само выбирает, а родители только направляют. Я не против, но должен спросить у Ани, хочет ли она. Понимаешь, моя дочка собирается учиться дальше.

Отец жениха начал успокаивать Хезгиё, убеждая, что желание невесты будет выполнено.

Через неделю Щербатовы, отец с сыном, пришли на смотрины невесты. Аня вышла, поздоровалась и с ходу заявила, что замуж не пойдет, потому что она намерена поступать в институт.

— Если мне не позволят закончить обучение, то жить с Алешей я не стану, — отрезала девушка.

Раньше и подумать было нельзя, чтобы дочь посмела возражать родителям! Но жизнь резко изменилась в те годы.

Отец жениха согласился:

— Аня, даю слово, что ты продолжишь обучение после школы, если вы с Алешей соедините свои судьбы.

На том и порешили.

В 1935 году Алеша и Аня, еще до кончины деда, сыграли свадьбу. Сасун сдержал слово: помог невестке поступить на заочное отделение финансово-экономиче-

ского института в Ростове-на-Дону. Так Аня Абрамова стала учиться на бухгалтера. Каких-нибудь тридцать лет назад для девочки из простой еврейской семьи подобное было невозможно представить. И Мельке, и Хезгиё только радовались такой невероятной удаче.

Через год после свадьбы Аня забеременела. В 1937 году в семье родился Эдик — первый внук Мельке и Хезгиё. Радость, надежды — все это пьянило, кружило голову. Род разрастался.

Еще через полтора года Аня родила дочку, которую назвали Сусанной. Перед самым окончанием института в семье появился третий ребенок — Валерий. Казалось, Аня должна была забросить учебу. Но нет! Как и обещали, родные Алеши сделали все, чтобы невестка получила диплом о высшем образовании.

Это произошло в 1941 году.

Мельке, и особенно Хезгиё, нарадоваться не могли. «Высшее образование» — это словосочетание приводило отца молодой женщины в священный трепет. Аня свободно писала и говорила по-русски, словно самый ученый раввин до революции.

Сразу после окончания института Аня устроилась на работу помощником бухгалтера на товарную базу Махачкалы и там показала себя с неожиданной стороны — проявила инициативу, волю, знания... Ее заметили, и вскоре молодого специалиста повысили в должности и назначили главным бухгалтером.

Талант делового человека расцветал в молодой женщине. Так у Ани появились новые знакомства, нужные связи. В условиях народившегося в Советском Союзе дефицита она научилась, как это стали называть, «вертеться», поняла, как избегать проволочек в системе снабжения в условиях социалистической собственности, где никому ничего не принадлежало.

На рабочем месте она и познакомилась с Нахамьё Бабаевым. Горский еврей, он иногда навещался на базу, где трудилась Аня, так как именно на их склады поступала часть продукции, изготовленная в швейной артели, в которой он отвечал за снабжение.

И Нахамьё обратил внимание на энергичную Аню Щербатову.

Тем временем закончил школу второй сын Абрамовых Даниил. По совету старшей сестры он поехал в Ростов-на-Дону поступать в сельскохозяйственный институт. Другой город, новые друзья, новые знания — все это не могло не понравиться любознательному парню.

Вслед за ним получила аттестат о среднем образовании Рая Абрамова. Как и старшую сестру, еще до окончания школы ее пришли сватать родители молодого человека из известного еврейского рода Пашаевых. Мельке и Хезгий дали согласие на этот брак. Устроили пышную веселую свадьбу, и Рая переехала в дом мужа.

Так же, как и Аня, она не бросила учиться. Окончила юридические курсы и вскоре благодаря связям родителей мужа устроилась на должность помощника прокурора Дагестана. Мельке сияла от счастья. Старшие дочери и сын достигли намеченной матерью и отцом цели и стали образованными.

Один за другим старшие дети улетали из родного гнезда. Младшие уже сами могли присматривать друг за другом. Трое славных девочек: Турунж, Роза и Света — хоззяйничали и озорничали в свое удовольствие.

Турунж, старшая среди них, стала главной помощницей Мельке по дому.

— Турунж, принеси воды, потом поставь тесто! — командовала Мельке.

— Хорошо! — отвечала проворная Турунж и бежала со всех ног с двумя ведерками в чулан, где стояла большая кадка с водой.

Как только Мельке уходила, Турунж вставала в любимую позу матери, повязывала голову маминым платком, и начинался домашний театр.

— Роза, взбей подушки! Света, проветри перину! Роза, принеси воды. Света, поставь тесто.

Смешная, Турунж точно повторяла жесты и интонации матери:

— Света, Роза! А ну-ка беритесь за веники. Что за грязь в доме? Подмести все живо!

И две крохи, схватив веники, которые были выше их, начинали мести.

Другие девочки робели при появлении своих отцов, становились ниже травы тише воды, но только не Турунж.

Даже когда Хезгиё, вернувшись с ночного дежурства, заставлял ее за тем, что она командовала младшими, Турунж не меняла тона:

— Отец, мы тут убираем все! Нам мама велела!

— Хорошо-хорошо, доченька, я вам не мешаю, — отвечал Хезгиё с улыбкой, удаляясь в свою комнату.

Он старался не мешать девочке проявлять характер, как никогда не перечил и жене Мельке. Вообще, Хезгиё никогда не придавал значения тому, кто правил домом. Смысл жизни он видел в чтении священных книг и молитвах за семью и близких.

Проходило три часа. Наступало время обеда. Турунж присылала к отцу Свету или Розу.

— Отец, обед готов, иди к столу! — говорила кроха.

— Иду, доченька, — улыбаясь, отвечал Хезгиё.

Когда матери не было дома, Турунж следила за тем, чтобы отец не ушел на дежурство голодным, собирала ему в дорогу обед, старалась незаметно подсунуть в кулек что-то вкусное, чтобы, сидя на складе, он развернул сверток и обнаружил в нем неожиданно приятное к чаю.

Больше всего Хезгиё любил чай с медом, поэтому Турунж в отсутствие матери старалась положить кусочек золотистой соты, наполненной медом, чтобы отец смог побаловать себя любимым лакомством. Хезгиё любил такие приятные сюрпризы. Глядя на дочь, он не раз думал о том, как удачно сложилась судьба, что именно маленькая Турунж осталась у них в доме за старшую.

Так закончился май 1941 года.

XII

Прекрасным июньским утром Хезгиё, сдав дежурство на складе, шел привычной дорогой домой. Стояла теплая летняя погода. Жара еще не начала терзать Махачкалу.

Хезгиё специально замедлил шаг, чтобы насладиться этой порой года. С моря долетал легкий ветерок. Казалось, время остановилось.

Вдруг из раструба репродуктора, висевшего на столбе, раздался хрип, и через мгновение громовой голос диктора произнес: «Говорит Москва!.. Говорит Москва!..»

Хезгиё остановился. Радио появилось в Махачкале давно, однако либо молчало, либо транслировало музыку. Хезгиё потоптался на месте, боясь отойти и пропустить что-то важное. Вокруг стали собираться люди, все смотрели на черный раструб.

«Граждане и гражданки! — прокашлявшись, заговорил глухой мужской голос. — Сегодня в пять часов утра,

без объявления войны, части регулярной германской армии атаковали наши границы во многих местах...»

Люди переглядывались. Голос из репродуктора продолжал говорить. И чем больше проходило времени с начала речи, тем призрачнее выглядели тихий солнечный день, пение птиц, детские голоса. Все в мгновение ока превратилось в ненастоящее, потому что реальность вместилась в единственное слово «война»!

Где-то на западных границах СССР летели самолеты, и уши резал пронзительный визг пикирующих бомбардировщиков. И хотя в Махачкале не бомбили и люди не представляли, как выглядела колонна танков на дороге, всем было жутко и страшно. Немецкие захватчики продвигались в глубь страны.

Хезгиё поспешил домой, он почти бежал, не осознавая до конца, зачем ему так торопиться. Ворвался в дом. Как всегда, Мельке возилась на кухне, из печи доставала чуреки.

— Сейчас по радио передали... — хрипло произнес Хезгиё. — Война началась.

Мельке отставила чуреки в сторону. Недоуменно посмотрела на мужа.

— Что?..

— Война!

— Какая война? Когда?! С кем?!

— С Германией...

Мельке в недоумении посмотрела на Хезгиё. Она не очень понимала, где та Германия находилась. Все это казалось таким бесконечно далеким от ее кухни, обычных проблем — от мирной жизни. Но глаза Хезгиё говорили: случилось страшное. Мельке опустила на табурет.

— И что теперь будет?!

— Не знаю.

Мельке побледнела. И она, и Хезгиё подумали про сыновей.

— Господи, за что нам это?!

Волю парализовала страшная мысль: «От нас ничего не зависит». Хезгиё подавил предательское искушение. Нет, только сила священной буквы может защитить, только она одна может даровать спасительное спокойствие, как было тогда, когда он сидел, запертый в сарае, в ожидании неминуемого расстрела. Тогда молитва помогла. Он был уверен: все, что ему оставалось, — это только молиться. «Уповать и надеяться...» — сказал он про себя. И так же твердо повторил это Мельке, а та — малым детям, которые не поняли, чего так испугались родители.

В первые дни войны жизнь в городе практически не изменилась. Но уже через неделю мужчин в возрасте от восемнадцати до тридцати начали призывать на фронт.

Отсрочку, или как тогда говорили, бронь, давали студентам и тем, кто работал на предприятиях, выпускавших продукцию для фронта. Но в целом жизнь еще балансировала между военной и мирной. Институты, больницы, школы работали, как обычно. Только на заводах стратегического значения ввели третью смену, чтобы продукция выпускалась круглосуточно.

Мельке хлопотала по дому, когда почтальонша постучала в дверь, вошла и протянула бланк, коротко сказала: «Повестка Юсуфу Абрамову. Распишитесь».

Мельке поднесла бумажку к глазам, но ничего не разобрала. Страшное слово «повестка» лишило ее зрения. Мир стремительно сузился до границ, за которыми маячила только смерть. Сыновей ждал фронт.

Бумажка, как самолетик, спланировала из ставших вдруг непослушными рук Мельке. Почтальонша подняла ее и, словно извиняясь, произнесла: «Время такое. Война». О времени Мельке как раз и думала. Пусть бы Юсуф вовсе не возвращался сегодня домой. «Пусть бы уехал ку-

да-нибудь из города, чтобы только не видел эту проклятую бумажку».

Но нет, не внял Господь ее молитвам, сын пришел почти сразу после ухода почтальонши.

Мельке причитала весь день, который был отведен Юсуфу на сборы. Пока собирала продукты, пока искала и укладывала кусок мыла, опасную бритву, чистое белье. Она еще пыталась по инерции думать о каких-то намеченных делах по хозяйству, но не могла. Все, что казалось важным, сразу потеряло смысл. Ее Юсуф, ее сын уходил на войну!

При мысли об этом сердце матери начинало бешено стучать, к горлу подкатывал ком.

Сутки прошли быстро. Договорились, что не будут провожать Юсуфа до военкомата. Стоя перед калиткой и глядя в спину уходящего из дома сына с вещмешком за плечом, Мельке закусил уголок платка, чтобы не завывать. Сделала два шага вперед и, как только Юсуф скрылся за углом, не выдержала, побежала, оглашая улицу громким криком потери и горя.

На следующее утро, когда Турунж расчесывала волосы матери, она впервые заметила у нее серебристую прядь:

— Ты начала седеть, мама!

Мельке отрешенно посмотрела на девочку и прошептала:

— Доченька ты моя! Быстрее бы эта проклятая война закончилась.

Она прижала Турунж к себе и заплакала. Турунж смотрела на нее полными страха глазами, гладила по голове и повторяла:

— Мамочка! Брат вернется. Вот увидишь.

Турунж окончила третий класс. И никто не знал, начнется ли новый учебный год. Однажды Мельке встретила знакомую, у которой дочь работала учительницей в шко-

ле. Та посетовала, что учителей — мужчин призывного возраста уже забрали в армию, и кто будет вести уроки осенью, неизвестно.

Мельке вернулась домой расстроенная.

— Ты чего? — испугался Хезгиё.

Мельке только рукой махнула. Весть о том, что нового учебного года может не быть, означала, что продлится война не день и не два.

Напрасно Хезгиё пытался ее успокоить. Мельке думала о том, как судьба распорядится с ее Юсуфом. И, глядя на ее душевные муки, Хезгиё оставалось только молиться о старшем сыне.

В конце лета в Махачкале появились первые эвакуированные. Они принесли вести о том, что происходило за пределами Кавказа. Беженцы рассказывали, что немцы заняли Киев, угроза нависла над Москвой.

Вскоре пришла разнарядка на всех Абрамовых, кому исполнилось больше четырнадцати лет. Все трудоспособное население города стали забирать на трудовые работы. Мельке определили работать на рыбоконсервном заводе, поставили укладчицей: паковать банки с рыбой и икрой для отправки на фронт.

Хезгиё продолжал работать сторожем на базе, на которой в одночасье появилось обмундирование для военных, вещевые мешки, сапоги и прочее армейское имущество. Только в его жизни странным образом почти ничего не изменилось, словно Бог на время решил, что он все испытания, положенные ему, уже прошел. Ему, как и остальным сторожам, выдали винтовку, с которой Хезгиё обязан был ни на секунду не расставаться.

Каждое утро Мельке начинала с молитвы за Юсуфа, потом шла к плите на кухню, во двор: в хлев, сарай. И каждый раз она с опаской посматривала на улицу, не шла ли почтальонша. При встрече с этой женщиной серд-

це Мельке замирало. Что лежало в ее сумке: повестка, письмо-треугольник от сына или самое страшное известие? Похоронки разносили каждый день. Ежедневно в городе оплакивали погибших на войне отцов, мужей, братьев, сыновей...

Единственной радостью среди ужаса войны было то, что за среднего сына Даниила Мельке могла быть спокойна: как студенту вуза ему полагалась бронь.

С работы Хезгиё регулярно приносил вести с фронта. Рынок также стал в это время неиссякаемым поставщиком информации. По воскресеньям там всегда собирались военные из частей, расквартированных в Махачкале. Когда им выдавали увольнительные, город преображался. Летчики, флотские, пехотинцы — солдаты и командиры — заполняли улицы. Они с удовольствием приценивались к семечкам, домашнему вину, колбасе, шумно торговались, шутили.

Обеспеченнее других казались летчики. Те позволяли себе покупать даже очень дорогое мясо или обменивать на него полагавшийся им шоколад.

В основном торговали старики, прибывшие из дальних аулов, в кубанках, черкесках, с двумя рядами газырей на груди и красивым поясом, за которым был заткнут кинжал.

Когда к ним подходили военные, они сразу менялись в лице. Воины по духу, они превыше всего ценили армейскую доблесть. Начинали спрашивать: скоро ли закончится война, откуда прибыли, в каких частях служили, на каких фронтах побывали или куда ждали отправление.

Называли фамилии и имена своих сыновей, с надеждой в голосе интересовались: «Вы таких не встречали?»

Смешливые пехотинцы-сибиряки или brave моряки с Дальнего Востока, дивясь на экзотическое одеяние кавказских стариков, отвечали, что вскоре уйдут и уплывут бить

фашистов. В ответ горцы угощали военных вином, желали побыстрее разбить фрицев и живыми вернуться домой.

Так прошло лето. Наступила осень. Школы, на удивление, не закрыли. Турунж и Захар начали учиться. Но у Захара половину предметов отменили — не хватало учителей. Всех призвали в армию.

Осень резко изменила облик города. Махачкала за пару дней наполнилась эвакуированными. Беженцы прибывали и прибывали: кто-то ехал на поезде дальше в Баку, кто-то оседал в городе, кто-то через Каспийское море плыл в Астрахань.

Прямо с вокзала беженцы бежали на базар, изголодавшись до последней степени. За буханку хлеба отдавали последнее. Женщины на продукты меняли дорогие сережки, обручальные кольца, другие фамильные драгоценности.

Однажды Аня пришла на рынок и застала лишь пустые прилавки. Голодные люди все смели. То же самое произошло и в магазинах Махачкалы. Буквально за пару дней с прилавков исчезло все, что годилось в пищу, а также керосин, мыло, спички и соль. Мясо, хлеб, крупы начали продавать из-под полы втридорога.

В тот день Аня вернулась с базара с пустыми руками. Мельке удивилась:

— Ты ничего не купила?!

— Ничего нет, мама! — раздраженно ответила дочь.

— Что, базар закрыли?

— Беженцы все раскупили. А еще говорят, что у них денег нет.

— Война всех к нам гонит, — заметил Хезгиё. — Я видел: голодные, оборванные. На них смотреть без боли нельзя.

— А как нам-то быть? — переспросила Мельке. — Что есть будем?

— Ну, мы-то как-нибудь... Двор есть, куры.

— Ах! — Мельке в сердцах махнула рукой и бросилась хлопотать по дому с удвоенной силой.

За делами тревога притуплялась. Когда становилось невмогуту, она шла к мужу и просила его помолиться. С детства Мельке помнила слова Иллазара, который любил приговаривать: «Мужская молитва, она более громкая. До Бога быстрее доходит».

Надежда на силу мужчин была во всем, даже в молитве. Самой жизнью это так устроено.

Глядя на толпы беженцев, старшие в семье — и Мельке, и Хезгиё, и Аня, и Рая — понимали, что скорого окончания войны ждать не приходилось. Опустившись на лавку в кухне, Мельке однажды положила голову на руки и запричитала. Аня бросилась к ней, обняла:

— Что-нибудь придумаем. Война не навсегда. Когда это все закончится.

— Когда закончится? Ты слышала, что передают? Немец все ближе.

— Ну уж до Каспия не дойдет.

— А ты слышала, что нам рассказывали? — спросила поникшая Мельке. — Мне одна беженка, с которой мы в цеху работаем, говорила...

— Что?!

— Она сама с Украины, из Киева. Каким-то чудом к нам добралась. Ее люди спрятали. А всех ее родственников... В общем, собрали всех евреев... вывели куда-то за город. Больше их никто не видел. Потом уже узнали... Их всех закопали в глубоких рвах. Больше тридцати тысяч было там. Понимаешь, что с нами случится, если они придут сюда?! Всех убьют!

Мать не сразу заметила, что младшая Турунж внимательно слушала их разговор. Мельке бросилась к ней:

— Девочка моя! Что ж я говорю! Не бойся, детка! Не бойся, доченька!

Мать обняла Турунж.

— Ну что ты дрожишь? Они не дойдут сюда. Не будет с нами ничего. Если что, все уедем отсюда, в эвакуацию.

Тем же вечером, когда младшие дети заснули, старшие в семье сидели на кухне.

— Надо что-то делать, — понутив голову, сказала Мельке.

— Что предлагаешь? — всплеснула руками Аня.

— Прекратите паниковать, — рассердился отец семейства. — Я слышал, у нас заведующий на складе говорил, дальше Киева немец не пройдет.

— Говорил... — эхом отозвалась Мельке. — Что толку? Детей надо увозить, пока сюда эти звери не пришли.

— Везде нас уничтожают, — горестно прошептал Хезгиё. — Все наши книги об этом! А мы все равно живем! — добавил он твердо.

— Да разве это жизнь? Сначала отрывают от остальных, крепят на одежду желтую звезду, а потом убивают. Заботимся, как прокормиться, а на самом деле надо думать, как спастись.

— Если будет совсем плохо, мама, уйдем в порт, может, удастся уплыть морем, — заметила Аня.

— Да нет спасения от этого врага, дочка, везде достанет. Уж сколько прошли эти проклятые немцы от самой Германии, никто не остановил их. Даже и не знаю, что делать. Всех, всех уничтожат, — как заклинание, повторяла Мельке.

Они замолчали. Аня тоже, но Хезгиё прошептал ей на ухо:

— Не волнуйся, дочка. Были и худшие времена, не даст нас Бог в обиду!

Тем временем неприятель продвигался все дальше в глубь территории СССР. Сводки Совинформбюро были неутешительными. Гитлер мечтал о бакинской нефти, и Махачкала стояла на его пути.

Через год после начала войны, в конце лета 1942 года, группа германских войск развернула наступление в районе Ростова-на-Дону. Оборона наших войск была прорвана. Части Красной армии отступали, оставляя город за городом. Дошла очередь и до Ростова-на-Дону, где учился Даниил.

В городе воцарилась страшная паника. Люди штурмом брали товарные составы. Институт Даниила, как и многие учреждения, был эвакуирован в последнюю очередь. Он каким-то чудом смог забраться даже не в вагон, а на его крышу и так доехал до Махачкалы. Даниил шел по родному городу и не узнавал улиц, не встретил ни одного знакомого лица.

Он стал наводить справки о судьбе своих друзей, товарищей. Большинство его сверстников воевало на фронте.

Мельке все упрашивала сына:

— Ну сиди ты дома. Нечего разгуливать, вмиг заберут!

— Мама, что ты волнуешься. У меня бронь, я по закону здесь. Кто скажет?

— Бронь бронью, а языки языками. У них сынов позабирали, а тут ты. Станут завидовать, нехорошо это. Сиди дома. Так будет лучше!

Даниил скрепя сердце согласился.

К концу 1942 года немцы захватили большую часть Северного Кавказа. Сдача Махачкалы представлялась делом времени. Прижатый к морю вражескими войсками, город фактически оказался на осадном положении.

Над евреями нависла смертельная угроза. Но, в отличие от старых врагов Израиля, немцы преследовали евреев не за их веру, а за то, что они были евреями. Этот народ, по мнению фашистов, должен был погибнуть в печах, рвах и душегубках.

Вскоре по городу распространились ужасные слухи. И все они оказались правдой. В сентябре 1942 года было

уничтожено все еврейское население колхоза Богдановка под Моздоком, около 500 мужчин, женщин и детей. Та же участь постигла евреев поселка Менжинск, где были убиты около 40 человек.

Государственный комитет обороны принял 16 сентября 1942 года специальное предписание, по которому на строительство оборонных сооружений у Дербента, Баку, и Махачкалы должны были собираться по 90 тысяч человек ежедневно.

Вся семья Абрамовых, за исключением самых младших, копала траншеи, окопы, глубокие рвы. Хезгиё принимал участие в установке надолбов на дороге, ведущей в город. Мельке, Даниил и Захар несколько дней подряд рыли противотанковые рвы на подступах к городу. На улицах появились противотанковые «ежи», многочисленные мешки с песком.

Как-то Хезгиё направлялся после дежурства домой, дошел почти до поворота на свою улицу, как вдруг слышался гул самолета. Хезгиё поднял голову, и в то же мгновение в дальнем конце улицы раздался оглушительный взрыв. Его опрокинуло и швырнуло на землю. От ужасного грохота Хезгиё оглох. Как в немом кино, он видел, как падали телеграфные столбы и разваливалось, как карточный домик, каменное двухэтажное строение. Волна земли, песка и грязи накрыла его с головой.

Пошатываясь, он поднялся и с трудом побрел по направлению к дому.

Еще несколько раз немецкие самолеты бомбили Махачкалу. Из города начали эвакуировать стариков, женщин и детей. О том, что младших увезут, Мельке сообщили неожиданно, прямо во время рабочей смены. Дали всего час, чтобы привести детей на эвакупункт к дому культуры. Мельке, забыв снять резиновый фартук, побежала домой. За детьми приглядывала Турунж. Ворвавшись в дом, мать

бросилась собирать пожитки трех дочерей и сына. Медлить было нельзя. Дети молча смотрели на мать, не понимая, что она делает.

Мельке тихо причитала: «Одних отправляют. Кто за ними присмотрит? Что будет?» Она собрала по смене белья, теплые вещи для каждого ребенка. Хезгиё был на дежурстве. Сообщить ему, чтобы прибежал проститься с детьми, не было никакой возможности. Мельке завывала от ужаса. А вдруг она что-то не так сделает? Вдруг что-то забудет?

— Турунж! Принеси мне вяленого мяса.

Дочка быстро принесла мясо на кухню.

— Слушай меня. — Мельке посадила Турунж напротив себя. — Сейчас вы с Захаром, Розой и Светой отправитесь в дом культуры. Вас отвезут в Дербент. Поняла?

— Как?! — испугалась Турунж.

— Так надо, доченька. Вы с братом будете присматривать за Розой и Светой.

— А вы?

— Мы останемся здесь. Будь моя воля, одних вас не пустила бы. Но что делать? В Дербенте хотя бы не бомбят. А там, даст бог, прогонят немцев, и вы вернетесь. Поняла? Запомни, вы с братом за старших. Надо торопиться.

Но как Мельке ни старалась, в отведенное время все равно не уложилась. Собрав детей, мать бегом отправилась с ними на эвакопункт.

Детей приняли, записали имена в журнал и велели ждать. Через час, когда стемнело, дали сигнал построиться, и все, кто уезжал и провожал, нестройной колонной двинулись на вокзал, где уже подали состав. Прозвучала команда: «По вагонам!» Какой-то военный, стоя у открытой двери товарного вагона, принимал по очереди детей. Мельке передала ему Розу, потом Турунж, последней — Свету. Захар забрался самостоятельно. Мать чуть ото-

шла, прикрыла платком рот, чтобы не разреветься. Другие дети сразу же оттерли малышей от входа в глубь вагона, и Мельке потеряла их из виду.

В страхе она закричала:

— Турунж, присматривай за Светой!

Ее тут же оттеснили от края вагона, ее крик утонул в воплях других людей. Сердце Мельке сжалось от тоски. Надолго ли они расстанутся? Увидит ли она своих детей снова? А вдруг фашисты придут?

От беспомощности Мельке начала плакать. Сердце билось так, что казалось, вот-вот выскочит наружу. Паровоз дал два гудка, состав лязгнул всеми металлическими суставами и тронулся вперед, отъезжая прочь от платформы. Уже скрылся из виду последний вагон, а Мельке все еще стояла, глядя вслед уходящему поезду... Она не понимала, как жить дальше.

— Ну, что ты тут стоишь?! Поздно уже, домой иди. А то вдруг опять прилетят... — услышала она голос рядом с собой.

Мельке вздрогнула. Рядом с ней стоял пожилой мужчина в черной фуражке — путевой обходчик. Мельке ничего ему не ответила, повернулась и пошла как во сне домой.

Хезгиё вернулся домой только на следующее утро и застал пустой дом. Это было так страшно и непривычно. Ни одного детского голоса. В растерянности он бросился в свою комнату и, развернув свиток, начал молиться. Это было единственное, что он мог сделать.

ХІІІ

Прошло две недели. Немцы к Махачкале так и не прорвались. Мельке начала думать, что, может быть, действительно все обойдется. Пришло письмо от Юсуфа. Даниил был дома. Аня работала. Кажется, жизнь продолжалась. И вдруг неприятное известие: Рая сообщила, что развелась со своим мужем. На фоне всего ужаса: войны, голода, смерти — это, конечно, не выглядело особенно страшно, но все же не могло не расстроить Мельке.

— Как же ты будешь одна, доченька?! Может быть, помиришься, вернешься к мужу? — увещевала мать Раю.

Та только рукой махала.

— Что сделано, то сделано. Ничего не вернуть.

Мельке горестно вздохнула. У взрослых дочерей уже была своя жизнь.

К тому времени Рая стала помощником заместителя прокурора Дагестана. Должность хоть и небольшая, но за-

нимавший ее всегда был на виду. Ее симпатии добивались многие мужчины. Молодой женщине оказывали знаки внимания. Рая принимала это как должное, но не спешила расставаться со вновь обретенной свободой.

Вскоре на нее «положил глаз» некто Урицкий, судья. Он настойчиво добивался расположения Раи. Узнав, что молодая женщина рассталась с мужем, ухаживания страстного коллеги стали назойливыми. Начинаящая помощница прокурора и судья — такой союз казался Урицкому идеальным для него. Но Рая так не считала. Неудача в семейной жизни сильно охладила ее желание снова попадать под абсолютную власть мужа.

Ситуация усугубилась, когда судья сделал ей предложение и стал немедленно требовать ответа. Намерения Урицкого были серьезными, и отказ он принять не хотел. Упрямство Раи только разжигало его пыл. Судье и в голову не могло прийти, что дети Мельке — люди особой породы, упрямые, своенравные.

Дело осложнялось тем, что после развода Рая обнаружила, что беременна. Сообщать об этом мужу, с которым рассталась, она не хотела. Решила в одиночку воспитать ребенка, благо зарабатывала она неплохо. И Мельке поможет, вынянчит.

Пока Рая переживала семейную драму, за сотни километров от родной Махачкалы в госпитале лежал после серьезного ранения ее брат Юсуф Панович. Во время контрнаступления он попал в страшную переделку... Весь его взвод погиб. Юсуфа каким-то чудом отбросило взрывной волной в воронку, он пролежал там почти сутки, едва не получил заражение крови. С посеченными осколками ногами еле дополз до своих. Ранение у него было тяжелым. Ему сделали операцию, врачи извлекли десятки осколков, но ходить, как прежде, Юсуф уже не мог.

В очередной раз осматривая солдата, доктор из полевого госпиталя покачал головой:

— Да какой же ты теперь боец? Ничего не поделаешь. Отвоевался...

— И что же, теперь так и буду волочить ноги? — со страхом спросил Панович.

— Я, братец, сделал все, что мог. Слишком сильно по-секло. Еще скажи спасибо, что не оттяпали их совсем!

Юсуф испугался, а потом обрадовался. Ведь жив... А ноги... Бог с ним, с ногами. Другие вот с культей остались. Что сказал врач? Отвоевался?

Это слово наполнило душу солдата весельем. Оно означало, что можно было возвращаться домой. Он хотел написать, но решил не пугать Мельке, повременить с письмом. «Отвоевался», — это слово он повторял целый день, прыгая на костылях по коридору госпиталя.

После ранения Юсуфу полагался отпуск, дальше медкомиссия и полное комиссование — долгая процедура. У старшей медсестры, которая заведовала всеми бумагами, требовалось оформить необходимые документы, но по легкомыслию Панович, узнав, что его война закончилась, никакой бюрократией заниматься не стал. Как только врач сказал, что теперь главный лекарь Юсуфа — время, а медицина, что могла, сделала, солдат тут же засобирался домой.

Дорога была долгой, с частыми остановками. Поезд бесконечно стоял на запасных путях, пропуская эшелоны с боевой техникой, что шла на Запад. Половина из ехавших с Пановичем были ранеными. Одни бойцы получили отпуск, другие — таких набралось немного — были комиссованы и разъезжались по родным местам. На пути Юсуфа встречались и такие попутчики, которые направлялись к местам дислокации своих частей, отведенных для пополнения личного состава глубоко в тыл.

Коротая время, бойцы травили друг другу байки. Пришел черед и Пановичу рассказать о том, как он воевал, как получил свое ранение, как думал, что погибнет, но вот она, судьба...

— Бежали на высоту, и вдруг меня ослепило, бах-тра-рах, рядом снаряд попал. Взрыв. Очнулся на земле. Со всех сторон земля. Ничего не слышу! Пытаюсь встать, и не получается. Ноги в чем-то мокром. Посмотрел, это кровь. Так и потерял сознание.

— Знакомая история, — откликнулся один боец.

— У меня тоже так было, — подхватил другой.

— А в госпитале как очутился? — спросил третий.

— Очнулся — темно. Вдруг вдали как загрохотало. Понимаю, что наши в наступление пошли. Значит, я уже вроде как в тылу, можно выбираться. Выбрался из воронки и ползком к нашим. Встать не могу, да, может, оно и к лучшему. Дополз кое-как. Меня уже похоронили. Увидели, обрадовались. Ну, тут я сознание и потерял опять, очнулся уже на кровати. Надо мной сестра склонилась. Вся в белом, точно ангел.

— Да, дела!

— Ну поздравляем тебя, повезло, — загудели на разный лад голоса. — А что дальше? На побывку отпустили или как?

— Врач сказал: «Отвоевался!» С такими ногами в армии не побегаешь, еду домой. Жизнь новую начинать.

Ничего не понимающий в бюрократической процедуре Панович решил, что на этом его война закончилась. О том, что после его самовольной отлучки из госпиталя старшая медсестра подняла шум, полетели запросы по месту жительства, он и не догадывался.

Через неделю с превеликим трудом Юсуф добрался до Махачкалы. Ни мать, ни отец, ни сестры о его приезде ничего не знали.

Наконец Юсуф толкнул знакомую калитку в воротах, вошел во двор. С трудом ему дались низенькие ступени в отчий дом, споткнулся, чуть не упал. На шум вышла Мельке. Увидела сына и замерла, точно это был сон. Ноги ее ослабли, перед глазами все закружилось.

Тысяча долгих ночей, что она молилась за его здоровье, пронеслись разом у нее перед глазами.

— Мама, мамочка, очнись. Смотри, живой я, живой!

— Живой... — Только тут она закричала, и слезы брызнули у нее из глаз, и повисла у сына на шее, все повторяя без конца: — Живой, живой... Дождалась. Не обманул Господь, не обманул!

Когда первые волнения улеглись и Мельке обрела способность говорить, она схватила Юсуфа за рукав, потащила в дом, да так и не отходила от него, повторяя:

— Родной, живой! Пришел.

Вдруг заметила, что он с тудом передвигался:

— Боже мой, да ты на костылях? Ранен!

— Все в порядке, мама. Все уже зажило.

— Ой-ой...

Все, что она делала потом в тот день, Мельке помнила плохо: куда-то бежала, что-то ставила на стол, хлопотала, потом вдруг бросала все и бежала к сыну. Обнимала его и застывала, прижавшись к плечу. Тело ее беззвучно сотрясалось в рыданиях, и только потом проливались блаженные слезы радости и облегчения. Стала разглядывать его ноги. Потребовала показать раны. Когда увидела, вскрикнула и вдруг улыбнулась.

— И хорошо, что так! Живой...

Многим ее знакомым пришли похорожки... Так что ей нечего было гневить Бога.

Мельке сияла, наблюдая за тем, как родной сын сидел за столом и ел то, что было приготовлено ее руками. Она и не представляла, какое это счастье, когда сын ест

обычную кошерную пищу, с которой он распростился на долгое время своей военной службы.

Ходил Панович плохо — еле-еле передвигал ноги, но все-таки выходил на улицу. Соседи, увидев его, были удивлены и рады. Не важно, что он был почти калекой, зато пришел с войны живой.

Мельке как-то раз сказала ему:

— Ты без надобности-то не выходи. Вот и Даниил еще тут. За спиной начнут говорить, завидовать...

Так и повелось с тех пор, что Панович и Даниил старались лишний раз на улицу носа не высовывать.

Прошло несколько месяцев. Юсуф за это время стал ходить чуть лучше.

Как-то вечером дверь в доме Абрамовых распахнулась, и на пороге появился офицер из комендатуры с красной повязкой на рукаве. Увидев Пановича, он спросил:

— Ты Иосиф Абрамов?!

— Да.

— Почему прячешься?

— От кого? Где прячусь?

— В розыске ты! На тебя запрос с места службы пришел.

— Как это? За что?

— Дезертир ты! Самовольно оставил часть.

— Как самовольное оставление части?! Я же ранен! Вона, смотри!

Панович показал на костыли. Стал срывать бинты.

— Да вижу я все, вижу, — поморщился офицер. — А бумаги где, справка, что комиссован?

— Да какие бумаги? Если доктор сказал...

— Слова к делу не пришьешь. Бумажка нужна.

— Нету у меня таких бумаг.

— Тогда на каком основании ты дома находишься?

— Потому что ранен.

— Ранение надо подтверждать официально.

Тут до Юсуфа стало доходить, что он поступил неправильно, когда ушел тайком из госпиталя. Но как же так?

— Врач сказал мне, что все, отвоевался.

— Да что ты заладил: «Врач, врач...» Из госпиталя бумаги пришли, что ты самовольно покинул санчасть. Медкомиссию не прошел.

— И что же теперь будет?

— Дело твое уже пошло по инстанциям, его не остановить. Я обязан препроводить тебя в комендатуру, да только вижу сам, что ранен серьезно... Завтра, а лучше сегодня, к военкому, и бегом по врачам. — Тут офицер осекся. — Хотя какой из тебя бегун! Значит, так, срочно комиссоваться!

Сразу после ухода офицера домой пришла Рая. Мелке, испуганная, ничего не понимающая, принялась ей пересказывать слова военного.

— Приходил, такой видный... Сказал, что Юсуф — дезертир. На него в розыск подали.

— Как дезертир?! Почему?! — удивилась Рая.

— Да военный сказал, что он что-то не то сделал, без бумаги из госпиталя ушел, в беглецы его записали.

Рая бросилась к брату:

— Как так получилось, Юсуф?

— Сам не понимаю. — Он растерянно приподнялся. — Дезертиром меня объявили. То, что я калека, ходить не могу, оказывается, мало. Надо бумажку подтверждающую. Вот тогда я действительно буду калекой. Ничего не понимаю! Какие еще справки? Они что, не видят, что я воевал! — Юсуф жестом указал сестре на свои покаленные ноги.

— Юсуф, Юсуф, — сокрушенно произнесла Рая. — Они правы!

— То есть как?

Рая махнула рукой.

— Я тоже хороша, не поинтересовалась, почему ты дома. Думала, ты медкомиссию прошел. Они правы. Должна быть бумага, что ты комиссован. Понимаешь?

— Я не думал... Я не дезертир, я в госпитале лежал... Все видели. Вот ходить не могу...

— Поняла я, поняла. Успокойся. Надо что-то делать. С бумагами мы разберемся.

Утром следующего дня Рая отвезла Юсуфа в санчасть, где у нее был знакомый доктор. Военврач осмотрел покалеченные ноги бойца.

— Да, все понятно, с такими ногами он в армии бесполезен. Я напишу медицинское заключение.

— А что плохого в том, что брат получил заключение здесь, в Махачкале, а не в том госпитале, где его оперировали?

— По инструкции комиссовать должен именно тот госпиталь, где боец проходил лечение. Мы не имеем права. Комиссовать его должны были до прибытия домой. И как он патрули-то все миновал?..

— А ты напиши, что Иосиф здесь проходил лечение. У тебя.

— Это я не могу. Это же легко проверить. Где он тут лежал? Все знают, что он тут не лежал.

— Ну, хорошо, тогда поставь хотя бы на заключении другую дату. Он же служить не может...

— Да не годен он к строевой. Не годен.

— Вот и напиши справку, что не годен. Я не предлагаю делать ничего плохого. Просто подпиши задним числом. Тем, когда Юсуф домой явился.

— Ну это тоже не положено.

— Я тебя прошу.

Доктор нехотя согласился.

К коменданту Юсуф пошел с сестрой.

— Все-таки я тоже военный человек. Работник прокуратуры, — заявила Рая.

Покрутив листок с заключением, комендант благожелательно покивал:

— Ну, хорошо. Я считаю, что по нашей части все чисто. Боец — инвалид, служить не может. Остается только бумажная часть. Прокуратура дело открывала, она и должна его закрыть. Передадим все бумаги, пусть оформляют.

Тут же вмешалась Рая:

— Я лично прослежу, чтобы все было сделано в лучшем виде, товарищ комендант. В прокуратуре это дело закроют.

— Ну вот и хорошо. У меня, — комендант посмотрел на Юсуфа, — к тебе, Абрамов, никаких претензий нет.

На обратном пути домой Юсуф ликовал. Наконец-то свободен! Мельке была счастлива, без конца благодарила Раю, говоря, как повезло ей с дочкой. Если бы не она...

В самом деле, если бы Рая не приложила к этому делу руку... Еврейское счастье особенное. Как сестра и обещала, в прокуратуре с Юсуфа все обвинения сняли.

Но, как все дела о дезертирстве, оно должно было пройти проверку. Так случилось, что бумаги на сына Мельке и Хезгиё попали в руки того самого Урицкого, который долго ухаживал за Раей и был ею отвергнут. Судья вообще не обратил бы на это дело внимания, если бы в глаза ему не бросилась фамилия Абрамов. Все, что было связано с этой семьей, выводило его из себя.

Урицкий внимательно просмотрел все попавшие к нему бумаги. Из документов следовало, что брата Раи, в общем-то, обвинять было не в чем. То, что Юсуф Абрамов инвалид и подлежал комиссованию, становилось ясно из медицинской справки.

Но вот то, как были оформлены эти бумаги, вызывало сомнения. Справка о комиссовании выдана не тем госпи-

талем, где лечился боец, а прокуратура первой инстанции это дело пропустила.

Судья посмотрел, кто вел дело. Оказалось, что начальник Раи. Понятно: сестра похлопотала за брата. Сестра!.. Наконец-то она попалась. Как было в действительности, Урицкого не интересовало. Для него являлось важным то, как удалось интерпретировать содержание имеющихся документов, так чтобы сестра обвиняемого в дезертирстве не просто закрыла бы дело не по форме, с нарушениями, а состряпала липовую справку о комиссовании. А это уже было более серьезным преступлением по меркам военного времени, чем дезертирство.

Урицкий радостно потер руки. Пусть теперь знает, как отказывать такому человеку, как он. Недолго думая, судья возбудил дело о фальсификации и подлоге документов. В роли главного обвиняемого там выступал вовсе не Юсуф. Главным фигурантом стала Рая Абрамова.

Урицкому не доставало самого главного — неоспоримых доказательств фальсификации, подлога. Тех бумаг, которые лежали на столе судьи, хватало максимум на нарушение инструкций по делопроизводству, но не фальсификацию. Последняя могла быть признана судом только в том случае, если дело о комиссовании было бы закрыто самой Раей, за ее подписью и без всякой медицинской справки.

Урицкий решил поговорить с врачом, который подписал справку о непригодности Иосифа Абрамова к военной службе. Судья не стал вызывать его к себе повесткой, а пошел сам поговорить с ним с глазу на глаз.

— Вы осматривали Иосифа Абрамова, бойца Красной армии, которого подозревают в дезертирстве? — начал Урицкий.

— А что такое? — переполошился врач. — Он инвалид. И потом, я выписывал ее по просьбе работника прокуратуры.

— Кого именно?

— Раисы Абрамовой. Я что, сделал что-то не так?

— Ну справку-то вы оформили задним числом...

— Но меня попросили. И потом, я всего лишь подтвердил факт, что этот боец — инвалид.

— Минутку, — поморщился Урицкий. — Вы понимаете, что вас под суд отдадут, если всплывет эпизод, что вы подписали документ задним числом?

Врач испугался:

— Но я же делал это при прокурорском работнике. Это же простая формальность.

— Формальностей в нашем деле быть не может, — строго заявил Урицкий. Потом смягчился: — Я вас понимаю. На вас давили. Значит, так... Сделаем вид, что вы вообще не писали этой справки.

— Но как же? Инвалидом этот Абрамов быть не перестал.

— Забудем про это, — многозначительно произнес Урицкий. — Вы только должны дать показания, что под давлением помощника прокурора Раисы Абрамовой пошли на эти преступные нарушения. И тогда вам не о чем беспокоиться.

— Хорошо, — покорно ответил врач.

— И если вас спросят про справку, вы ни сном ни духом.

— Хорошо.

Урицкий довольный ушел. Теперь оставалось последнее: сделать так, чтобы справка о закрытии дела против Иосифа Абрамова была подписана самой Раей. С этим, как полагал Урицкий, проблем не будет.

Так завершилось новое следствие. Пособничество дезертирам в военные годы каралось расстрелом. Состав преступления был соткан из воздуха, но кого это волновало.

На следующий день в дом Абрамовых постучали. Дверь открыл Хезгиё. На пороге стояли трое военных.

— Раиса Абрамова здесь проживает?!

— Здесь! Что-то случилось? — испугался Хезгиё.

— У нас ордер на ее арест!

— Вы что? Она сама работник прокуратуры, — начал было Хезгиё и осекся.

На шум вышла Рая.

— Вы Раиса Абрамова?

— Да.

— Собирайтесь!

— А что такое?

— Вы арестованы.

Рая непонимающе оглянулась. Позади стояла Мельке. Рая много раз слышала о произволе, который царил внутри их системы, но чтобы вот так... Чтобы это коснулось ее самой... Об этом она никогда не думала.

— В чем меня обвиняют? — спросила молодая женщина, зная, что задавать подобные вопросы конвоирам бесполезно.

— Одевайтесь. Вы задержаны... Там вам все объяснят.

Стараясь не паниковать, Рая надела сапоги, шинель.

Попыталась успокоить Мельке:

— Мама, не волнуйся. Это недоразумение. Все скоро выяснится.

Ее отвезли не в прокуратуру, а сразу в тюрьму. На допрос вызвали ночью. Действовали по схеме. Рае все это было знакомо. Но за что ее могли арестовать? Она ни в чем не провинилась.

— В чем меня обвиняют?! — сразу спросила она капитана, который вел следствие.

Тут-то Рая и узнала, в чем дело. И сначала растерялась. Фальсификация?! Пособничество в дезертирстве?! Сфабрикованное дело о закрытии?! Когда следователь показал

ей последний лист дела о дезертирстве Иосифа Абрамова, она оторопела. На закрытом деле ее брата стояли ее фамилия и подпись. Но такого не могло быть! Занимая не очень высокую должность помощника прокурора, она не имела права подписи. Ее подставили!.. Но кто? Зачем? Находясь в заключении, она не могла это выяснить.

На первой и последней встрече с сестрой, когда Аня принесла ей передачу, Рая шепнула ей по-еврейски, чтобы никто не мог понять: «Они обвиняют меня в том, что я сфальсифицировала дело брата. Закрыла его без всяких оснований. Но я не подписывала никаких бумаг. Там стоит не моя подпись — вума ниште...»

Аня кивнула в знак того, что все поняла. Придя домой, она тут же рассказала обо всем матери.

— И что с того, что это не ее подпись? — спросила, недоумевая, Мельке.

— Мама, значит, Рая не виновна. Ее оговорили.

— Но как докажешь?

— Не знаю. Пойду по инстанциям.

Что такое сила вышестоящих инстанций, Аня знала не понаслышке. В тот же самый вечер она написала письмо в Москву.

Тем временем дело Раи Абрамовой стремительно раскручивалось. Она все отрицала на допросах, и тогда ее перевели в одиночную камеру. Следователь торопился. Он кричал на молодую женщину, оскорблял, запугивал. Когда и это не помогло, ее начали избивать.

Через три дня состоялся суд. Приговор был суровым: высшая мера наказания, расстрел. Не спасло Раю и то, что она была на большом сроке беременности. Время было беспощадным. Война забирала ни в чем не повинные жизни не только на фронтах, но и в глубоком тылу. Приговор могли привести в исполнение в любую минуту. Ни родители, ни Аня об этом ничего не знали. Она ждала ответа на

свой запрос, в то время как Мельке и Хезгиё тешили себя надеждами.

Тем временем старший из оставшихся в тылу детей Абрамовых Даниил решил пойти в армию добровольцем. Рано утром он явился в военкомат, положил на стол студенческий билет и сказал, что хочет идти защищать Родину.

И опять Мельке хваталась за сердце, умоляя Всевышнего сжалиться над ее сыном. И опять ночи напролет молился в своей комнате Хезгиё, прося Бога только об одном: отвести от Даниила беду.

Видимо, Господь просьбу его услышал. В каком-то смысле Даниилу повезло. Его определили не в пехоту, а в летное училище в подмосковном Одинцово. У командования он числился на хорошем счету, ни с кем ни конфликтовал, нареканий не получал. Здоровье было железным, нервы — крепкими, характер — жизнелюбивым.

Даниил освоил управление самолетами, участвовал в боевых операциях, испытывал новые модели летных машин. Все Абрамовы считали, что Даниил спас своим поступком фамильную честь.

После оглашения приговора Раю поместили в камеру смертников. Там не было даже нар. Ночью Рая лежала на холодном каменном полу, днем сидела, забившись в угол. О чем может думать обреченный человек, заслышав в коридоре шаги конвоиров? «Это за мной!..» И так десять раз на дню. Молодые женщины, которые испытали подобное, за несколько дней превращались в старух.

Сырость, голод и холод сделали свое дело. Через несколько дней у Раи началось кровотечение, она начала кричать, прибежали конвоиры, послали за доктором. Пока он явился, все уже свершилось. У Раи случился выкидыш. Говорят, что это был мальчик. Ее перевели в тюремную

больницу, там врачи констатировали, что больше она детей иметь не могла.

Бедная Рая, она не знала, что Аня предпринимала все возможное, чтобы спасти ее и добиться пересмотра дела.

Не получив ответа на первое письмо, Аня написала главному военному прокурору в Москву, в котором изложила историю ухаживаний Урицкого за ее сестрой. Написала, что никакого дезертира Рая Абрамова не укрывала от следствия, потому что инвалид быть не может дезертиром.

Это было советское время. Жалобы простого человека рассматривались, им давали ход. В Махачкалу приехала комиссия из самой Москвы.

Грубые нарушения процедуры ведения следствия были очевидны. Почерковедческая экспертиза не проводилась. К тому же всем было понятно, что тот, кому эта справка предназначалась, действительно инвалид, а не дезертир. По указанию комиссии из Москвы дело отправили на доследование. Почерковедческая экспертиза поставила точку в несправедном деле — почерк в справке Иосифа Абрамова не соответствовал почерку Раисы. Само обвинение в дезертирстве было признано несостоятельным, следовательно, и обвинения в пособничестве Раисы Абрамовой преступным действиям брата не могло существовать.

Суд отменил приговор.

Из тюрьмы Раю отвезли не домой, а в больницу, но самое страшное все равно осталось позади.

После долгого лечения Рая поправилась. И ее, к удивлению всех, восстановили на работе. Когда она там появилась, на нее посмотрели как на вернувшуюся с того света. Рая выглядела как обычно, только в волосах молодой женщины появилась седина.

Стремление к жизни, упорство в достижении поставленной цели, переданные Мельке детям, сделали свое

дело. Рая нашла в себе силы пережить потерю ребенка. Словно в награду за перенесенные ею муки, она вскоре познакомилась с необычным человеком — заместителем министра Роспотребсоюза Михаилом Хануковым.

Первый брак столичного чиновника распался. Его жена страдала психическим заболеванием и почти все время пребывала на излечении. Хануков не собирался долго сидеть соломенным вдовцом. И в жены он хотел взять только еврейку, обязательно горскую. Но в Москве никого из горских евреев он не знал. В поисках счастья он приехал в Махачкалу и оказался приглашенным на ту же свадьбу, на которую позвали и Раю. Там-то они и встретились.

Хануков подошел к молодой женщине, познакомился. Обходительный мужчина из самой Москвы тоже понравился Рае. Она стала принимать его знаки внимания, вскоре Хануков прислал сватов в дом Мельке и Хезгийё. Рая дала свое согласие. Вскоре сыграли скромную свадьбу — шла война. Но все положенные обряды были соблюдены: и надевание платка, и обручение кольцами.

И вот Рая стала женой Михаила Ханукова и переехала к нему в трехкомнатную квартиру в центре Москвы.

XIV

Родители радовались удачному разрешению ситуации с Раей. Смерть миновала их род. Хотя и впроголодь, жизнь как-то продолжалась. Неутомимая Мельке справлялась со всем хозяйством одна. Ходила на рынок, таскала тяжелые ведра. Но она не роптала, лишь бы Даниил был жив и здоров, лишь бы Раечка смогла забыть все ужасы, что на нее обрушились, лишь бы ее дети в Дербенте были сыты и не так грустили.

В 1943 году наши части начали наступление на Кавказе и отбросили врага от города. Линия фронта отодвинулась от Махачкалы.

Эвакуированные в Дербент дети стали возвращаться в свои дома.

Однажды у ворот отчего дома остановилась подвода, и с нее прыгнули Турунж, Роза, Света и Захар. Семья, хотя и не в полном составе, вновь воссоединилась. Из старших в тот вечер дома была только Аня. Ох и обрадо-

валась она появлению младших сестер и братьев! Попросила соседку сбегать предупредить мать и отца, которые в это время находились на работе. Те быстро отпросились и ринулись домой, чтобы обнять и поцеловать ненаглядных деток. После скромного ужина, уложив маленьких спать, Аня села с Мельке и стала сетовать на то, что с работой стало совсем туго:

— Базу расформируют... Говорят, что переводят в какое-то другое место, очень далеко от дома. Туда уже не наездишься. Ума не приложу, что с работой делать...

— Так надо найти другое место. Сейчас специалисты везде нужны, — оптимистично ответила Мельке.

— Мама, война идет, так просто не отпустят. Я не могу уволиться по собственному желанию. На военном положении. Меня могут только перевести, если кто-нибудь отправит запрос в отдел кадров. Сейчас все строго.

— Анечка, так все работают на фронт.

— Хорошо, если бы направили куда-нибудь недалеко от дома, — размечталась Аня, — тогда мы могли бы чаще видаться.

На соседней улице располагалась швейная артель «Красный Октябрь». Как и другие предприятия, она с первых месяцев войны была переведена на особый режим работы. Члены артели быстро наладили производство так необходимых армии шинелей, гимнастеров, пилоток. Вплоть до нательного белья — все шили. Называлось это просто и емко — «обшивать фронт».

Аня решила попытать счастья там. Квалифицированных бухгалтеров, как и других специалистов мирных профессий, в военное время катастрофически не хватало. Мужчины все были в окопах.

Положившись на удачу, она ранним зимним утром отправилась знакомиться с председателем артели «Красный Октябрь». Тот встретил ее приветливо. Попросил показать

диплом. Долго его рассматривал, потом начал задавать вопросы, чем Аня занималась на предыдущем месте работы. Удивился, когда узнал, что она знакома с Нахамьё.

— Как так получилось? — поинтересовался опытный управленец.

— Он иногда получал товар на нашей базе. По службе мы пересекались.

Скромная умная женщина понравилась председателю.

— Поговорю с Нахамьё. Если он вас рекомендует, то запрос о переводе я отправлю в вашу организацию. Как получите его, сразу же приходите к нам.

На этом они расстались.

После разговора с Аней директор артели спросил у Нахамьё:

— Ты знаешь Анну Щербатову?

— Конечно, знаю. Она квалифицированный экономист. Таких поискать!

— Да что ты говоришь...

— Очень аккуратно документы делает, ничего не забывает. Светлая голова!

— Ну хорошо, спасибо.

После такой рекомендации развеялись последние сомнения председателя артели.

Выйдя на работу в «Красном Октябре», Аня быстро вошла в курс дела. Председателя она не разочаровала. Уже через год ее перевели на более высокую должность бухгалтера-экономиста. Она обладала всеми качествами хорошего специалиста: деловой хваткой, способностью вдумываться в каждое слово, каждую цифру, не жалела времени на работу, часто засиживалась до ночи, да и характер у нее был покладистым. Еще через пару месяцев ее назначили главным бухгалтером артели.

Поневоле начальник снабжения Нахамьё Бабаев и главный бухгалтер Аня Щербатова были вынуждены

часто общаться друг с другом. У них сложились доверительные отношения.

Однажды Аня пригласила коллегу зайти к ее родителям пообедать. В то время все жили дружно — помогали друг другу чем могли, и приглашение зайти в гости не было чем-то из ряда вон выходящим.

Уплетая за обе щеки угощение, которым Мельке потчевала гостя, тот не уставал нахваливать их дочь, умную, красивую, хорошего экономиста...

Мельке слушала и дивилась. Сколько новых слов вошло в ее жизнь. Как стремительно шагнули вперед старшие дети. Она могла быть спокойна за их судьбу.

С тех пор Нахамьё Бабаев стал появляться в доме Абрамовых.

Постепенно в Махачкале начала налаживаться мирная жизнь. Советская армия преследовала врага уже на территории Германии. Люди поговаривали, что окончание войны не за горами. Мельке по-прежнему жила от письма до письма от Даниила. За всех остальных детей ее сердце было спокойно.

Кормились огородом да рыбой, которую в изобилии давал Каспий. Захар вместе с отцом ходили на рыбалку. Иногда удавалось купить бараньих костей. Так за делами и заботами по хозяйству наступил сорок пятый год.

В один из дней уставшая Мельке возвратилась с работы. Вдруг на улице послышались выстрелы. Она испугалась, выбежала во двор. Неужели опять началось что-то страшное?

По улице бежали люди. Кто-то кричал, не разобрать! Другие подбрасывали вверх шапки. Мельке недоуменно замерла на ступеньках. Что случилось?

И тут она услышала далекое, мощное «ур-ра!». И снова раздались выстрелы.

По улице пролетела стрелой ватага мальчишек.

Мельке выскочила за ворота, спросила проходившую мимо старуху:

— Что случилось? Почему все кричат?

— Война кончилась, дочка! — ответила та, и по ее морщинистому лицу потекли ручьем слезы.

Весь город высыпал на улицу. Все передавали друг другу известие о капитуляции немецких войск. Незнакомые люди обнимались — поздравляли с событием, которого ждали четыре года.

Хезгиё узнал о победе, находясь на дежурстве. Всегда спокойный и рассудительный, он бросил пост, выскочил на улицу и вместе со всеми побежал, крича и радуясь. Стихийное празднование продолжалось несколько дней. Люди не стесняясь плакали от счастья и горя одновременно.

XV

Начиналась мирная жизнь. Город замер в ожидании тех, кто остался живым после страшного испытания.

Спустя три года после ухода на фронт Мельке наконец увидела своего сына — он появился на пороге дома внезапно, с ввалившимися щеками, весь заросший щетиной.

— Сыночек, — прошептала Мельке. — Вернулся!

И бросилась к Даниилу.

Тот гладил мать по спине и повторял:

— Ну ты чего?! Живой ведь вернулся.

— Живой, — повторяла счастливая мать.

Невероятно, но они никого не потеряли, в то время как в городе, пожалуй, не было семьи, которая не получила бы похоронку на отца, мужа, брата, сына.

В тот год Мельке чувствовала себя по-настоящему счастливой.

Даниил потребовал, чтобы ему рассказали все, что произошло за то время, пока он был на фронте. Мельке подробно поведала сыну, что случилось. Аня стала главным бухгалтером в артели «Красный Октябрь». Рая жила с мужем в Москве. Юсуф получал пенсию по инвалидности. Захара, которому исполнилось пятнадцать лет, Аня устроила учеником закройщика в портновском цеху той же артели, где работала сама. Шестнадцатилетняя Турунж училась в вечерней школе, младшая Света только пошла в первый класс.

— А ты чем будешь заниматься? — спросила Мельке сына.

— Постараюсь закончить учебу в институте в Ростове. Ведь я фронтовик. Меня восстановят.

— Это правильно. Сейчас нельзя без диплома. Тем более после войны — специалистов мало. Все нарасхват. Получишь профессию, и достаток будет в доме. Жену тебе подберем...

Даниил поморщился. Он уже был взрослым мужчиной, прошедшим войну. А в родном доме ничего не изменилось, во всем старались следовать традициям — мать собиралась его женить, будто он какой-то юнец, который сам не понимал своего счастья.

Отдохнув и немного отъевшись, Даниил решил поскорее уехать в Ростов — выйти из-под опеки матери. Но Мельке никак не могла привыкнуть к тому, что ее сыновья и дочери выросли. Ее хотелось, чтобы все было, как до войны: дом, полный детских голосов, совместные обеды, ужины. Чтобы вернуть прежнюю жизнь, требовалось не так уж много.

После совета с Хезгиё Мельке решила женить Даниила на Гале Ягдановой, которая работала в ту пору главным инженером Главрыбтреста на том же рыболовецком консервном заводе, где трудилась Мельке во время войны.

Матери казалось, что единственной, кто подходила ее Даниилу в жены, была образованная Галина, занимавшая высокий пост, что для женщины в те годы было редким достижением. Мельке всегда трепетно относилась к ученым людям.

Сказывалось воспитание реб Иллазара. «Тот, кто владеет знаниями, тот всегда найдет свое место в жизни», — любил повторять отец. Возможно, в нем говорила традиционная еврейская вера в силу буквы, силу написанного слова, которое проникает в евреев с молоком матери. Мельке справедливо рассудила, что Галя Ягданова была родственницей Щербатовых, а значит, косвенно близка семье Абрамовых.

Однажды мать позвала Даниила на кухню. Здесь ей лучше думалось. Все казалось тут правильным, понятным и мудрым.

— Даниил, — начала разговор Мельке, помешивая половником в кастрюле, в которой суп доходил на медленном огне, — я нашла подходящую невесту.

Даниил замер.

— Галя Ягданова. Это хороший вариант для нас. Умная, образованная.

— Не хочу я ее в жены. Не нравится она мне, — возразил Даниил.

— Зато какой пост она занимает! Главный инженер!

Мельке искренне не понимала упрямство сына.

Даниил повторил:

— Не женюсь я на ней, что хочешь со мной делай!

Мельке недоуменно пожала плечами. Собственного счастья сын боялся. Хотя и прошел войну, а ума-разума не набрался. Если ты еврей, нужно уметь думать не одной головой. А вторую голову откуда взять? Только если женишься. Тогда и себя сохранишь, и род свой умножишь. Вот такой философии придерживалась Мельке. В эту ис-

тину верила и старалась передать своим детям. Правда, свои взгляды она не могла связно объяснить Даниилу. Не хватало слов. Да, ее сын прошел войну. Но на поле сражения нужна храбрость, а в мирной жизни — смекалка и щепотка хитрости, иначе не проживешь. Кто-нибудь обязательно подставит ногу, чтобы ты споткнулся. Даже реки, такие полноводные, как Волга, высыхают, а человеческая зависть — никогда, особенно к евреям.

Но Даниил не собирался следовать советам матери. Он закрутил роман с русской певицей Капитолиной Лазаренко, известной в Махачкале женщиной. Соседки Мельке донесли, что Даниил собирался жениться на русской.

Узнав об этом, Мельке не на шутку рассердилась. Чтобы ее сын женился на русской? Нет! Это было неслыханно. Она явилась в дом к Капитолине и устроила скандал. Крик стоял такой, что сбежались соседи. Неизвестно, что помогло: визит Мельке или что-то другое, только вскоре отношения Даниила с его пассией закончились.

Мельке успокоилась.

Тем временем Даниил уехал в Ростов сдавать экзамены. Возвращаясь после сессии домой на поезде, он познакомился с девушкой. Случайную попутчицу звали Тосей. Дорогой они разговорились. Выяснилось, что родом девушка из Махачкалы. Дома стояли на соседних улицах. Он — Абрамов. Она — Мататова. В городе их фамилия гремела. Ихиил Мататов до войны был наркомом, брал Зимний дворец в Петрограде.

Та встреча в поезде показалась Даниилу неслучайной. Девушка парню понравилась. Как-то вечером он заявил Мельке, что нашел свою суженую.

— Кто это?

— Тося Мататова, — ответил Даниил.

Услышав фамилию, Мельке одобрительно закивала. Мататовы были известным и уважаемым еврейским ро-

дом — несомненный плюс с точки зрения Абрамовых. Минусом было другое. Мельке думала, что эта семья влачит жалкое существование — глава семейства был арестован и умер вдали от дома, в тюрьме, оставив четырех детей и вдову. По мнению еврейского квартала Махачкалы, лишившись кормильца, семья попала в тяжелое, если не сказать бедственное положение.

Тем не менее Мататовы были горскими евреями, и одно это обстоятельство уже радовало Мельке. Обуреваемая противоречивыми чувствами — радостью и сомнением, Мельке решила посоветоваться со старшей дочерью.

— Твой брат хочет жениться на Тосе Мататовой, — объявила она Ане, когда та заглянула к родителям.

— Тосе?! — радостно спросила Аня. — Я про нее слышала, хотя и не знакома.

— И правильно, что не знакома, — парировала сердито Мельке, раздосадованная теплыми интонациями в голосе дочери. — Они почти что нищие. Живут одни, без кормильца.

— Кто сейчас живет по-другому? — нисколько не удивившись, парировала Анечка.

— Ты считаешь это нормальным? — всплеснула руками Мельке.

Она, как и все в их городе, слышала, что Мататова посадили как «врага народа».

Но Аню это как будто не смутило.

— Тося Мататова приходится родной племянницей Хаво, жены Нахамьё Бабаева, — пояснила Аня. — Они живут в доме Нахамьё.

— Родная племянница Нахамьё! Что ты говоришь?!

Аня закивала. Как странно, что ее мама об этом не слышала.

Мельке призадумалась. Рука с ложкой, которой она механически помешивала в кастрюльке, сменила траекто-

рию движения и начала чертить резкие, как в кардиограмме, линии.

— Ну, конечно. Ты разве об этом не знала? Товарища Мататова сначала осудили, а потом, как Раю, оправдали и выпустили, да вот только поздно. Он даже лагерь покинуть не успел. С ним случился сердечный приступ. Там и умер!

— Ужас! — всплеснула руками Мельке. — Так, значит, эта Тося из хорошей семьи...

— Ну ясно, что из хорошей. Евреи разве могут быть из других? — пошутила Аня.

— Тося — племянница Нахамьё, — смакуя эту фразу, размышляла вслух Мельке.

На лбу четко обозначились морщинки — немые свидетели напряженного раздумья.

— Нахамьё — человек порядочный, — продолжала Аня, словно выкладывая на весы судьбы все добродетели и недостатки избранницы ее брата. — Человек обеспеченный. Если что, племянницу поддержит.

Мельке обернулась к Ане:

— Ну, тогда это отличный брак.

— Конечно, мама! — рассмеялась Аня. — А я о чем говорю?! Дело надо делать, а не парня мариновать!

Мельке закивала. О чем большем мечтать? Если невеста — родственница Нахамьё Бабаева, то лучше не придумаешь!

Мельке стукнула ложкой по краю кастрюли. Медная посуда издала торжествующий звон.

Тем же вечером Мельке поставила в известность Хезгиё.

— Мы должны сватать Тосю Мататову за Даниила, пока кто-нибудь другой ее не приглядел себе в жены.

— Что?

Хезгиё был, как всегда, не в курсе.

— Ты не знаешь? Избранница нашего сына — племянница Нахамьё Бабаева.

— Нашего Нахамьё? — искренне изумился Хезгийё. — Тогда чего мы тянем? Надо идти к Мататовым. Смотреть на невесту.

По большому счету, Мельке была рада такому исходу дела. Все лучше, чем если бы Даниил ухлестывал за замужней, да еще русской.

Вскоре Абрамовы пришли сватать Тосю Мататову. Свадьба состоялась через месяц. Торжество было скромным. И Абрамовы, и Мататовы, и Бабаевы радовались новому союзу.

Как и было принято, после свадьбы Тося переехала в дом мужа. Так Абрамовы и Мататовы — и через них Бабаевы — стали не просто кунаками, их объединил голос крови будущих детей.

XVI

Бабаевы — древний еврейский род. О предках Нахамьё известно не много. Мой прапрадед носил имя Боби и был раввином. Мою прапрабабушку звали сколь редким, столь и прекрасным именем Зульфо. Отец деда Нахамьё, мой прадед Давид, также был раввином. Он держал несколько лавок, раскиданных по всему Дагестану, в которых торговали тканями. Жили всегда в достатке. Супругу его — мою прабабушку — звали Ожи. У Давида и Ожи родились семеро детей, среди которых был и Нахамьё.

Давида убили турки во время налета на аул. Нахамьё исполнилось к тому времени всего пять лет. Семью убитого взял к себе в дом старший брат Давида Рафоил, который растил и своих детей. Две большие семьи объединились, как это и положено у евреев. Рафоил был человеком добрым и предприимчивым. При магазинах, доставшихся ему от брата, решил открыть ателье по пошиву одежды.

Второго брата Данке он отправил в Ростов на курсы закройщиков, а сам оборудовал швейные мастерские. Когда Данке вернулся, братья стали шить брюки, костюмы, черкески... Природная смекалка сослужила Рафоилу хорошую службу. Он сумел вывести в люди не только своих детей, но и всех племянников, в том числе и Нахамьё.

Женой дедушки Нахамьё была Хаво или, как ее звали с уважением, Хаво Моисеевна. Родилась бабушка в Дербенте в 1905 году в большой зажиточной семье Ханукаевых.

Когда ей исполнился год, в полном соответствии с нашими еврейскими обычаями девочку сосватали за такого же несмышленного мальчика. В женихи ей достался наследник одной из богатейших семей в городе. До одиннадцати лет Хаво одевали и обували исключительно будущие родственники — родители ее жениха.

Перед каждым шаббатом на дорогих подносах они присылали ей фрукты и сладости. Девочка росла избалованной, гордой.

Но задуманная свадьба так и не состоялась. В 1914 году грянула Первая мировая война. В 1916 году в Дербент вошла турецкая армия, воевавшая на стороне Германии. Свирепые, кровожадные османы вырезали всю семью нареченного жениха Хаво. И она снова стала невестой на выданье.

О незасватанной девушке вскоре узнала Лио, сестра Нахамьё Давидовича, которая в ту пору жила в Дербенте. Она написала родным в Тимер-Хан-Шуру, мол, есть хорошая девочка, пусть брат приедет посмотрит. Когда Нахамьё показали его тринадцатилетнюю невесту, та беззаботно играла с подружками в лапту.

Через год, когда Хаво исполнилось четырнадцать, она встала под хупу. Вскоре после свадьбы молодожены переехали в Анжи. Нахамьё здраво рассудил, что в Дербенте

ему не подняться, слишком велика конкуренция. В Анжи шансов было больше. Дядя Рафоил поддержал племянника, дал ему деньги на подъем.

Поначалу Нахамьё снял жилье на улице Оскарова. Это был одноэтажный дом, во дворе которого располагались сад и небольшие строения. В доме было три комнаты. В одной спали Нахамьё и Хаво. Другую занимала Ксения, украинка, которая прибилась к Хаво на рынке. Времена были лихими, в стране шла Гражданская война, царили страх и голод. Многие бежали со своих насиженных мест в поисках пропитания к Каспийскому морю.

Среди тех, кто искал лучшей доли в Анжи, была и Ксения. Хаво предложила беженке стол и кров, и в ответ на доброту и участие та стала помогать ей по хозяйству.

Жили дружно. Квартиры на ночь не запирались, окна в жаркое время года были у всех нараспашку. Воров не боялись. Во дворе под большим навесом стоял сбитый из досок длинный стол. За ним по вечерам собирались жильцы. Каждый приносил свое угощение, ставили самовар. Мужчины обсуждали последние новости, женщины судачили о своих делах и проблемах: кто на кого на бульваре посмотрел, кто за кого посватался.

Большинство мужчин носило сапоги из мягчайшей кожи. Популярностью пользовался костюм, напоминавший военную форму: китель или гимнастерка из легкой ткани и брюки-галифе. На голове — наподобие кубанки. Женщины предпочитали платья темных расцветок. На голове — обязательно платок.

Нахамьё арендовал помещение и открыл лавочку готового платья и тканей. Торговля шла бойко. В тяжелое время, когда войны сменяли друг друга, ценилось все, что относилось к товарам первой необходимости: продукты, одежда, предметы повседневного обихода. Сложнее было найти товар на продажу. Но в этом Нахамьё преуспевал.

Открытый и общительный, он быстро располагал к себе новых знакомых. Моментально обрстал связями, знал, где красивую ткань найти.

Главное в торговом деле было оказаться первым рядом с оптовым продавцом, с глазу на глаз переговорить с владельцем товара, купить у него по выгодной цене еще до того, как прознали конкуренты, да и продавец, почуяв спрос, не поднял цену. Нахамьё быстро нашел общий язык с помощником начальника порта, и тот позволял ему первым подойти к владельцу ткани, пока тот не увез все на рынок.

Вообще, Нахамьё был легким на подъем. Он часто отлучался из дома, стремясь заполучить товар, который пользовался бы хорошим спросом. Нахамьё ездил в Баку, несколько раз они с дядей Рафоилом добирались даже до Ирана.

За год Нахамьё Бабаев сумел заработать хорошие деньги. У него появились постоянные клиенты, требовательные покупатели заходили в лавку за редкими тканями, уверенные в том, что Нахамьё чем-нибудь, да поразит их воображение. Если какого-то сорта шелка или шерстяной ткани не было в наличии, он обязательно появлялся через неделю. Нахамьё перестроил два сарайчика во дворе: один под склад, другой под магазин. Посчитав, что Хаво одной не управиться, муж нанял двух приказчиков. Рядом открыл ателье по пошиву одежды.

В те времена в Дагестане не было фабрик, на которых сотни людей кроили и сшивали заготовки для брюк, рубашек, пиджаков, платьев, и все не на людей, а на обезличенных манекенов. В первой трети XX века всю одежду изготавливали для конкретного человека. И поэтому костюмы, как говорили, «сидели как с иголочки, их сшили на вас и для вас».

Успешному росту предприятия моего деда помешала не зависть соседа и не проделки конкурентов по цеху.

Просто к этому времени частную собственность объявили вне закона.

Нахамьё быстро сообразил, что жизнь коренным образом изменилась: оставаться частником, владельцем собственной лавки при новой власти стало очень опасно. Я уже рассказывал, что в начале 1920-х ходило много видов банкнот — наследие сменявших друг друга властей: ассигнации, рубли, червонцы, боны, керенки. В этой чехарде Нахамьё мог положиться только на то, что у всех вызывало уважение, что неизменно оставалось в высокой цене, — золотые монеты. Не дожидаясь, пока до него доберутся, он тихо закрыл магазин, рассчитал приказчиков и перевел вырученные деньги в золото.

Однажды к Нахамьё домой зашел бывший конкурент, ныне товарищ по несчастью. Хозяин встретил гостя с радостью.

— Здравствуй, Нахамьё!

— Здравствуй, Захар. Какие новости.

— Слышал, что ты магазин свой закрыл.

— Все закрыли, и я тоже. Нынче времена такие, что от коллектива отрываться вредно.

— Ты умеешь находить повод для радости буквально во всем, — усмехнулся гость. — Да, коллектив многое значит. Так чем ты теперь заниматься будешь?

— Пойду в мастерскую устроюсь. Сапоги чинить буду.

Нахамьё говорил о своих заботах с легкой иронией.

— А ты слышал, — продолжил гость, — что власти артели создавать разрешили? Даже постановление специальное выпустили. Вчера объявили в городской думе — теперь у них там Совет. Призывают бывших владельцев лавок объединяться в торговые предприятия, новую экономическую политику объявили. Как думаешь, хорошее это дело?

— Что же плохого?

— Вот я и подумал, что неплохо. Решил, надо к тебе зайти, посоветоваться. Артель уже создали. Собрали всех, кто с тканями работал. Название ей придумали «Красный Октябрь». Знаешь, кто председателем будет?

— Нет.

— Твоя знакомая Ася. — Гость назвал фамилию одной дагестанки.

— Поздравляю. Я-то чем могу помочь? — спросил Нахамьё.

— Так без тебя не получается у нас работать, — с улыбкой ответил гость.

— Это почему так?

— Сам посуди. У нас заказы пошли на дамские платья, а на складе только мешковина лежит.

— И в чем проблема?

— Платья не из чего шить.

— Как не из чего! А мешковина на что?

— Кто же из нее платья шьет?

— А из них и не надо шить платья. Надо поменять мешковину на шелк, — ответил Нахамьё.

— Кто же тебе поменяет?

— Варианты всегда найти можно. Людей надо знать.

— Вот видишь, ты уже и варианты нашел. Может, пойдешь к нам в артель заготовщиком? Портных у нас хватает, но нет человека, который все достать может. Так как, принимаешь приглашение?

Нахамьё хитро прищурился. Найти дефицитную материю на пятерых бывших ушлых владельцев еврейских ателье — такое умел только он.

Так в Махачкале появилась артель «Красный Октябрь». Бывшие владельцы ателье достали спрятанные сбережения, внесли каждый свой пай и объединились, чтобы наладить производство. На собранные деньги ку-

пили оборудование: фантастически надежные швейные машинки «Зингер», посадили за них портных и начинали шить. Продукция артели «Красный Октябрь» в Махачкале всегда была в почете.

Спустя много лет в Дагестане вышла книга начальника Дагпромсовета Бултанова о промысловой кооперации. В ней отмечена большая роль Нахамьё Бабаева в создании первой в республике артели. Председатели в этой организации менялись часто, а начальником по снабжению бес-
сменно являлся мой дед.

XVII

Семейная жизнь Нахамьё и Хаво не была безоблачной. Первые дети умирали, не дожив и до года. Радость рождения сменялась трагедией. Для этого имелись серьезные причины: отсутствие хороших врачей, неокрепший организм Хаво, напряженная работа в лавке.

Только в 1927 году Хаво родила девочку Фиру, которая преодолела годовой рубеж...

Когда Хаво в очередной раз забрали в роддом, Нахамьё, радостный и встревоженный, повез ей обед. В приемном покое Нахамьё назвал дежурной фамилию.

— Поздравляю вас, — та посмотрела в книгу регистраций, — Бабаева девочку родила.

Счастливый отец передал обед и отправился на работу. Едва он переступил порог артели, как его тут же засыпали вопросами.

— Ну кто?

— Кто родился? Мальчик?

— Можете поздравить — девочка!

Новость тут же «улетела» в пошивочный цех, оттуда на склад и наконец пришла в виде шепотка вездесущей секретарши к Асе, председателю артели. Та задумалась на секунду — премию положено выписывать — и пошла поздравлять уважаемого сотрудника.

Нахамьё сдержанно улыбался.

После работы побежал домой. Толстая Ксюша, которая заправляла хозяйством в отсутствие Хаво, с вечной улыбкой на устах начала быстро собирать на стол. Через полчаса стали приходить сослуживцы, соседи, знакомые знакомых...

Нахамьё стоя выслушивал тосты, опрокидывал рюмку и принимал поздравления.

На следующее утро он помчался в роддом — нужно было передать обед. В приемном отделении он внезапно столкнулся с измученной Хаво, которая еле передвигалась... с огромным животом.

Нахамьё оторопел:

— Мне сказали, что ты вчера родила...

Хаво только руками развела:

— Как видишь, это не так!

Оказалось, что в роддоме лежала другая роженица с фамилией Бабаева, которая и родила дочку. Нахамьё вспомнил про выписанную премию, подарки... На секунду расстроился: что о нем подумают на работе... А-а, лишь бы с Хаво все было нормально, и смущенный побежал к себе в артель.

Там уже собирали деньги на подарок Хаво. Нахамьё только развел руками, не зная, как оправдываться. Потом выпалил:

— Подождите дарить подарки для девочки!

Улыбки на лицах сослуживиц — в отделе снабжения, как правило, работали женщины — начали таять.

— Что случилось, Нахамьё?

— Я ходил в роддом и подал жалобу. Сказал, что девочка мне не нужна!

Повисла пауза. Подчиненные не знали, как реагировать: то ли смеяться, то ли крутить пальцем у виска.

Наконец, Нахамьё первым рассмеялся. Таким он был человеком — всегда ценил юмор и сам любил пошутить. Подчиненные облегченно выдохнули и дружно расхохотались. После обеда ему сообщили, что Хаво родила мальчика.

Во второй раз мой дед накрыл на стол, собрал коллег и торжественно объявил, что жалобу его учли. Главврач роддома, жене которого их артель бесплатно пошила шубу, девочку заменил на мальчика.

Ответственная секретарша тут же доложила новость на ухо председателю артели. Та поторопилась самолично выяснить, где заканчивалась шутка и начиналась правда.

— Нахамьё, за что все-таки пьем?

— Мне поменяли девочку на мальчика. Уже и имя ему придумали.

— Нахамьё, перестань шутить, — отмахнулась начальница.

Тут Нахамьё набрал номер роддома, попросил дежурную позвать жену и передал трубку Асе. Выслушав новость, потрясенная женщина во всеуслышание объявила: «Клянусь Аллахом, ты очень счастливый человек, если можешь проворачивать такие дела!»

Тут Нахамьё не выдержал и рассказал всем, как вчера ему по ошибке сообщили о рождении дочери.

— Как наследника назовешь, Нахамьё? — спросил кто-то из сослуживцев.

— Эрзолом! — ответил тот и расплылся в улыбке.

Рождение сына для него стало событием! Отец ходил радостный и гордый. Все было в семье Нахамьё: дочь, а теперь вот сын, наследник, будущий кормилец.

За Фирой и Эрзолом у Нахамье и Хаво после большого перерыва в 1936 году родилась Лиза, в 1938-м — Александр.

Прошел год, и Бабаевым пришлось всерьез опасаться за будущее своей семьи. Напомню, что родная сестра Хаво Сусанна вышла замуж за Ихиила Мататова. Он был известным в Дагестане человеком. В 1917 году участвовал в штурме Зимнего дворца. В 1921 году его избрали делегатом съезда РКП(б), затем он работал прокурором республики и народным комиссаром юстиции Дагестана. Его семья жила в обкомовском доме на набережной в квартире из семи комнат с отоплением и ванной — по тем временам немыслимая роскошь. В 1927 году Ихиил Мататов принял участие в утверждении горского еврейского алфавита — так называемого татского. Он полагал, что горским евреям лучше называть себя татами, чтобы не вызвать нападки со стороны тех, кто евреев недолюбливал.

Все было у него — и головокружительная карьера, и достаток, и семья. Но ничто не помогло, когда в 1939 году на Ихиила Мататова написали анонимку, в которой сообщалось, что он скрывал, что в его собственности находился частный дом. По делу наркома началось разбирательство, и вскоре его арестовали.

Нахамье узнал об этом, находясь на работе. Он тут же отпросился у начальства и понесся домой.

— Хаво! — с порога закричал он. — Ихиила арестовали!

Хаво побледнела.

— О горе!

В те годы иметь опальных родственников было очень опасно.

— Надо отправить старших детей в лагерь, — заявил Нахамье. — Лучше им здесь не оставаться. Лиха беда начало.

— Почему? Мы-то при чем?

— Как пить дать выселят твою сестру с детьми из служебной квартиры мужа. Я их возьму к нам... Фиру и Эрзола отошлем в пионерский лагерь, а сами как-нибудь разместимся. Собирай пока детей.

Нахамьё быстро все уладил, и уже на следующий день старших детей отправили за город.

Спустя два месяца после ареста состоялся суд над Ихиилом. Ему дали семь лет заключения и отправили в лагерь куда-то в Сибирь. Как и предсказывал Нахамьё, его жену с детьми еще до суда выселили из служебной квартиры.

Тем временем осужденный Мататов, оказавшись в исправительном лагере, не стал сидеть сложа руки. Он был хорошим юристом, знал все тонкости советской юриспруденции. Его дело не было политическим. Ихиил принялся писать письма, доказывая, что его приговор — судебная ошибка. В результате его многочисленных жалоб и ходатайств дело отправили на пересмотр. Состоялось повторное расследование. Тогда-то и выяснилось, что никакого неучтенного дома за Ихиилом не числилось, и товарища Мататова реабилитировали.

Случилось это уже в годы войны. Немцы стояли под Махачкалой, поезда туда не ходили, и добраться до дома не было возможности. Ихиил Мататов остался работать в администрации лагеря.

В 1943 году его родные получили неожиданное извещение, в котором сообщалось, что Ихиил Мататов скончался после продолжительной болезни. Теперь именем Мататова названа одна из улиц Махачкалы и улица его родного Дербента.

С переездом Сусанны и ее детей стало тесно в той квартире, в которой жили Бабаевы. Нахамьё поразмыслил и решил, что его родные и близкие должны жить

в комфортных условиях, тем более он мог себе это позволить.

Помня о том, за что посадили Ихиила, Нахамьё постерегся покупать дом в открытую. В Махачкале, где каждый был на виду, неизбежно возникли бы вопросы: на какие средства он купил хоромы.

При «Красном Октябре» существовала касса взаимопомощи. Нахамьё и его сослуживец, закройщик Рашми Гереев, оформили кредит, который Нахамьё полностью отдал коллеге. Людям сказал, что приобрел часть дома на деньги, полученные из кассы взаимопомощи.

Новый дом был просторным. Поселились в нем замечательные люди. Две комнаты снимал директор дагестанской филармонии, который, казалось, не выпускал из рук свой портфель. Повсюду его сопровождала жена. Еще две комнаты занимала семья рабочего с фабрики имени Третьего Интернационала. Рядом поселился профессор махачкалинского пединститута с модной тогда козлиной бородкой, которая дрожала даже тогда, когда он молчал (а молчал профессор почти все время). По соседству с ним находились две комнаты Рашми Гереева.

Бабаевы занимали четыре комнаты, однако для разросшейся семьи этого оказалось мало. И Нахамьё принялся за работу. Пристроил веранду, потом возвел флигель для просторной столовой и кухни. Во дворе рос тенистый сад, там зрели яблоки, груши, орехи, виноград, инжир...

В новый дом семья переехала в сентябре.

В 1940 году Нахамьё Бабаева отправили в Киев на шестимесячные курсы повышения квалификации. Он еще находился на Украине, когда Хаво забрали в очередной раз в роддом. Эрзол с Фирой, как могли, заботились о матери, ежедневно навещали ее, носили обеды.

И вот 13 июля в семье Бабаевых появился пятый ребенок — девочка, которую называли Милой.

Из Киева Нахамьё вернулся, сгибаясь под тяжестью подарков. И самым дорогим из них стала настоящая хрустальная люстра! Немыслимое богатство по тем временам! Те, кто приходил в гости к Бабаевым, ахали, любуясь на такую красоту.

Нахамьё и Хаво долго не могли наговориться после длительной разлуки, обменивались новостями.

Внезапно Нахамьё сказал:

— Знаешь, там, где я был, все говорят, что войны не избежать...

Хаво ахнула:

— А до нас дойдет?

— Кто знает... — ответил Нахамьё хмуро.

Бабаевы, как и все вокруг, 22 июня 1941 года стояли на улице и молча слушали выступление Молотова о начале войны. Детей поначалу это слово не испугало. Сколько раз они сами играли в войну, падали, потом вставали. Иным взрослым страшное слово тоже казалось чем-то не очень настоящим, пока в городе вдруг в одночасье не исчезли молодые лица, — молодежь начали призывать в армию. Спустя месяц стали приносить повестки и мужчинам постарше.

Хаво боялась, что останется одна с пятью детьми, но Нахамьё опасность миновала. «Красный Октябрь» работал на фронт — обшивал солдат и офицеров. Грамотный снабженец, в условиях жесточайшего дефицита он был бесценен, и Нахамьё дали бронь.

Фиру и Эрзола, как только немцы подошли к Махачкале, отправили в эвакуацию. В тылу рук не хватало, трудились все, в том числе и дети. Бабаевы работали на виноградунике: Фира — приемщицей, Эрзол — сборщиком. Иногда начальник артели позволял часть собранных ягод брать в качестве вознаграждения, но не больше трех килограммов.

Как-то раз Эрзол с друзьями решили тайком унести несколько корзин винограда — время было голодное, любые продукты ценились высоко. И Эрзол чуть не попался. Пришлось уносить ноги подобру-поздорову, бросив «добычу». Если бы его поймали, могло бы не поздоровиться. В те суровые времена сажали даже за пару сорванных с колхозной грядки огурцов. Но, как говорил Нахамьё о сыне: «Ты не так умен, как счастлив».

Пребывание в Дербенте не было долгим. Когда немцев прогнали с Кавказа, Фира и Эрзол вернулись в Махачкалу к родителям.

В годы войны все трудоспособные горожане работали с раннего утра до позднего вечера. Нахамьё приходилось трудиться по две смены. Сначала восемь часов в «Красном Октябре» — добыть, достать, обменять, выбить, что пришло по разнарядке, но не дали, потому что перехватили другие. Крутиться приходилось как белке в колесе. Вечером он со всех ног мчался в здание филармонии. Там размещалась эвакуированная из Ростова-на-Дону швейная фабрика. Нахамьё трудился и там. С собой он брал Эрзола. Тот успешно осваивал профессию закройщика. Отец забирал парня из дома около семи вечера, а возвращались они только к одиннадцати.

Дядя Роман был яркой личностью. До войны он жил на Краснопрудной улице в Москве. Летом 1941 года ушел на фронт, но через три месяца его комиссовали по состоянию здоровья — нашли порок сердца. И дядя Роман со своей женой Таней эвакуировались в Махачкалу.

Дядя Роман, как и все Бабаевы, был оборотистым, заводным мужиком. Невероятно общительный, он как будто притягивал к себе людей. Уже через неделю проживания в Махачкале его назначили на должность начальника отдела снабжения на Хасавюртском консервном заводе.

Именно тогда дядя Рома предложил родственникам взять с собой племянника Эрзола. Нахамьё согласился.

Консервная промышленность Дагестана перед самой войной быстро развивалась. Холодильники в ту пору были большой редкостью, продукты хранили на специальных ледниках, там же заготавливали лед для нужд производства: зимой на речке выпиливали ледяные брикеты и укладывали в специально вырытые длинные траншеи-бурты, сверху накрывали соломой и засыпали землей.

Работа Эрзола заключалась в том, что он зимой на подводе возил лед с реки, а летом подавал его в цеха. Это дело требовало недюжинной физической силы.

Через несколько месяцев его перевели в заводскую столовую: там он сортировал овощи и фрукты — нудное, тяжелое занятие. Потом ему доверили отоваривать продуктовые карточки в магазине. Каждому работнику полагалось по 400 граммов сахара в месяц. В обязанности молодого работника входило отвешивать сахар в бумажные кульки. Эта работа требовала точности и усидчивости. Ошибиться нельзя было ни на грамм — сахар в то время шел на вес золота. Тут следует отметить, что Эрзолу только-только исполнилось тринадцать лет.

Когда он немного освоился, ему доверили торговать за прилавком. Эрзола ставили на продажу бараньих костей. Норма отпуска в одни руки составляла три килограмма, но каждый норовил получить побольше. Люди ссорились, ругались с продавцом, даже угрожали.

Один раз ему доверили продажу черешни. Урожай был таким большим, что ягоды не успевали перерабатывать. Кассовый аппарат не устанавливали, вечером парень складывал купюру к купюре и вручал их тете Тане, жене дяди Романа, которая работала на консервном заводе бухгалтером.

В Хасавюрте Эрзол прожил год. В конце 1942 года дядя Роман внезапно почувствовал себя плохо. Сердце

дало сбой, понадобилась срочная госпитализация. И он с женой, Фирой и Эрзолом добрались до Махачкалы.

Дядю Романа тут же положили в больницу. Стояла промозглая зима, такая бывает только в приморских городах. Нахамьё решил принести в палату к родственнику несколько самодельных электрических обогревателей — местные кудесники мастерили такие из тонких безопасных бритв.

В один из дней поднялась сильная метель. Ветер повредил электропровода, и больница на всю ночь осталась без электричества. Холод в палате стоял жуткий. Утром у дяди Романа поднялась температура.

Врач, осмотрев больного, поставил диагноз — воспаление легких. Дальше оставаться в вымерзшей палате было опасно. Нахамьё забрал больного к себе домой, нанял сиделку.

Все опасались, что дядя Роман не выживет, но кризис миновал, и через несколько дней ему стало лучше. Температура спала. Нахамьё радовался счастливому выздоровлению, много шутил.

Дядя Роман начал вставать с постели. Сиделку отпустили. Хаво приготовила брату чай. Нахамьё уселся рядом и предложил сыграть в нарды. Вдруг во время игры дядя Роман начал сильно потеть. Хаво сменила ему одну рубашку, другую...

Потливость не уменьшалась, а становилась все сильнее. Хаво и Нахамьё испуганно переглянулись. Послали за врачом. Когда тот пришел, больной лежал совсем без сил, еле говорил. Доктор выгнал всех из комнаты. Начал слушать больного... Все решили, что это воспаление легких вернулось. Вдруг врач вышел бледный как полотно, разводя беспомощно руками.

— Это было не воспаление... Это сердце... Оно оставалось. Он умер...

Линия фронта отходила от Махачкалы все дальше. В 1944 году в городе заработали образовательные учреждения. Эрзол пошел в вечернюю школу наверстывать упущенное. В одном классе с ним оказалась и Турунж Абрамова.

XVIII

Вечерами Эрзол учился, днем работал. Нахамьё устроил его к себе в артель учеником закройщика. После двух лет ежедневной практики талантливого парня перевели сразу на высокую должность мастера по пошиву верхней одежды. Эрзол удивительно точно умел почувствовать форму человеческого тела. Ему достаточно было мельком взглянуть на заказчика, чтобы понять, как сшить одежду так, чтобы она сидела как влитая. Особенно это нравилось женщинам — у него получалось так умело подчеркнуть достоинства их фигуры, что недостатки просто переставали замечать.

Со временем Эрзол начал сам обучать портных. Именно к нему в ученики попал и Захар Абрамов, младший брат Ани Щербатовой. Судьбы двух семей, Бабаевых и Абрамовых, переплетались все теснее.

У парней сложились дружеские отношения. Зарплата что у ученика, что у учителя в ту пору была мизерной.

Если с ней пойти на рынок, то удалось бы купить лишь пару буханок хлеба. И ребята старались придумать, где можно было подзаработать. На рынке продавали утепленные военные брюки с подкладкой из меха. Захар первым обратил на них внимание. Друзья решили, что станут покупать брюки, срезать меховую подкладку и шить из нее шапки-ушанки. У Захара отлично получалось продавать эти головные уборы на рынке.

В 1946 году в Дагпромсовет пришла разнарядка: направить на учебу в Москву двух закройщиков легкого платья и одного закройщика верхней одежды. По одному человеку выделили из Дербента, Буйнакса и Махачкалы.

Эрзол Бабаев к тому времени еще не был закройщиком — стаж не хватало, но Нахамьё сделал все, чтобы отправили именно его. Наверное, именно с этого момента началась слава моего отца как умелого специалиста.

Отправив сына в Москву, Нахамьё сиял от счастья. Классный закройщик во времена тотального дефицита — это значило очень много и в первую очередь было залогом достатка в доме. Нахамьё и сам зарабатывал неплохо, реализуя вещи, пошитые из неучтенной ткани. Аня Абрамова надежно прикрывала эту часть дохода необходимыми документами. Она сводила дебет с кредитом не просто умело — мастерски. Никакая проверка не могла докопаться.

Нахамьё и Аню разделяла довольно ощутимая разница в возрасте, но они неожиданно увидели друг в друге единомышленников и крепко подружились. С приходом Ани в артель Нахамьё имел своего человека на важном участке. В свою очередь, Аня начала получать приличные деньги и могла помогать неумолимо стареющим родителям.

После возвращения из Москвы Эрзола с дипломом его приняли в артель закройщиком. Под началом парня трудились двадцать человек. Шили из парашютного шелка

летние мужские и женские костюмы. Товар в магазинах расходился хорошо.

Большую часть денег он отдавал матери — так было заведено.

Но молодость остается молодостью. Общительный человек, у него было полгорода друзей, и свободное от работы время Эрзол проводил с ними, зачастую за свой счет угощая всю компанию вином и пивом. Случалось и так, что застолья эти заканчивались драками.

Нахамьё все замечал, и такое поведение сына не вписывалось в картину отцовского счастья, которую он нарисовал в своем воображении. Вполне может быть, что глава семьи боялся признаться самому себе, что Эрзол был его копией. В нем как будто бурлил источник неумеренной энергии.

Не раз Нахамьё проводил с Эрзолом беседы о том, что следовало остепениться, но все усилия повлиять на сына оставались тщетны. Эрзол утихомиривался на некоторое время, а потом опять принимался за старое. Больше всего Нахамьё боялся, что парня заберут в милицию. Его опасения разделяла Хаво, которая также тревожилась о судьбе сына.

— Что с ним прикажешь делать? Совсем от рук отбился, — заводила она разговор, когда Нахамьё садился ужинать. — После работы вечно со шпаной крутится.

— Знаю, знаю, Хаво!

— А что толку, что знаешь?! Поговори с ним! Должен же он послушать отца.

— Я что, этого не делал?

Хаво сердито поджимала губы и замолкала.

Иногда разговор принимал другой оборот.

— Ну ничего, — грозил Нахамьё. — Через год-два мы его женим, вот тогда он и успокоится.

Хаво только всплескивает руками.

— А до этого что делать?

Вообще, Хаво всегда защищала и оправдывала сына, души в нем не чаяла. Она хоть и переживала за Эрзола, но в сердце ее жила уверенность, что виноватыми могут быть все вокруг, но только не ее дорогой сыночек.

Иной раз она тайком от мужа стирала испачканные в драке брюки сына, зашивала порванную рубаху — только бы Нахамьё не заметил, только бы избежать скандала, только бы ее любимое дитя не ругали. При этом она тайком молила Создателя, чтобы сын не влип в дурную историю, которая испортила бы ему жизнь.

— Уж скорей бы он повзрослел, семьей обзавелся, — делилась она своими опасениями с Фирой. — И времени на драки не останется.

Однажды Нахамьё и Аня решили перекусить во время обеда прямо на рабочем месте, поскольку дел было много. За едой обсуждали дела насущные — последнюю сделку с партией ткани. Когда тема себя исчерпала, Нахамьё заметил вдалеке Захара. Тот с кем-то отчаянно спорил.

— Головастый у тебя брат, Аня. Смекалистый! Я тут видел, как он работает, — заглядение.

— Ну, уж скажешь тоже, Нахамьё! Если бы у него были такие руки, как у Эрзола... Уже цехом руководит!

— Так-то оно так, только у него ветер в голове! Женичь бы его надо...

Аня с интересом посмотрела на Нахамьё и ничего не ответила.

В один из следующих дней Аня предложила Нахамьё зайти в гости к ее родителям.

— Мельке давно спрашивает, почему так редко заходишь.

Нахамьё заулыбался, стал нахвалить Мельке как отличную хозяйку.

Через пару дней во время обеденного перерыва они с Аней зашли к ее родителям. Стол был накрыт в мгнове-

ние ока. Пока Мельке хлопотала, принося тарелки, вилки, ложки, Хезгиё и Нахамьё начали говорить о жизни, как все меняется, о том, к чему это приведет. В этот момент из комнаты вышла Турунж, — как всегда, помочь матери. Нахамьё обратил внимание, что дочь Мельке стала совсем взрослой. Пожалуй, ровесницей его сыну будет. Бабаев как будто прозрел. Казалось бы, девчонка как девчонка: толстая коса, чистая кожа, приветливая, улыбчивая, и вдруг стала какой-то особенной, с изюминкой, что ли, внутренняя сила в ней появилась...

Когда она подавала чай, Нахамьё спросил ее:

— Как твои дела, Турунж?

Девушка смутилась:

— Школу вечернюю заканчиваю, маме по дому помогаю.

— А дальше-то что? Когда школу закончишь, куда пойдешь?

Нахамьё вопросительно посмотрел на Аню:

— Может, и для нее найдем местечко в артели?

Турунж еще больше смутилась. О чем бы Нахамьё ни говорил, всегда казалось, что в голосе слышалась легкая ирония.

— Брат твой тоже у нас работает. С моим Эрзолом дружба.

— Да, — потупила взгляд Турунж.

Хезгиё отпустил еще какие-то шуточки по поводу находчивости Эрзола и Захара, шивших из меховых подкладок шапки, и перешел на другие темы. Они говорили еще, может быть, полчаса, вдруг Нахамьё посмотрел на часы и засобирався на работу.

В конце дня Бабаев зашел в бухгалтерию отдать документы. В помещении никого, кроме Ани, не было. Она специально засиживалась допоздна, чтобы иметь возможность спокойно заняться общими с Нахамьё делами.

— Я тут квитанции принес, — начал он. — Пятьдесят метров к нам пришло по накладным. Стали измерять, оказалось, семьдесят. Надо пропустить излишки через цех.

— Хорошо. Твой сын как раз ткань ждет. Эрзол все и сделает, он у тебя молодец!

— Аня, Турунж и Эрзол почти ровесники, было бы здорово, если бы сын посватался к твоей сестре.

— К нашей Турунж?

— Ну да.

— А что, хозяйка из этой девочки получится замечательная.

Аня улыбнулась. В отличие от младшей сестры, она почти не готовила и домашними делами занималась от случая к случаю. Работы было слишком много.

Заметив Анину улыбку, Нахамьё истолковал ее по-своему.

— Или она уже сосватана?

— Нет, маленькая еще, — успокоила его Аня. — И потом, ответ могут дать только родители. И хорошо бы узнать, что она сама скажет.

— Турунж? — Брови Нахамьё поднялись домиком. — Разве они не знают друг друга? Вместе учатся в вечерней школе. О чем тут думать?

— Ну не знаю... — Аня пожала плечами. — От сестры я ничего про твоего Эрзола не слышала.

— Надо поговорить с Хезгиё...

— Поговори, — устало произнесла Аня. У нее еще оставалось много работы.

Мысль, что вслед за братом Даниилом ее любимая младшая сестра свяжет судьбу с Бабаевыми, ей показалась правильной. То, что Турунж будет счастлива с сыном Нахамьё и Хаво, Аня не сомневалась.

В среду, после окончания рабочего дня, Нахамьё отправился в гости к Абрамовым. Он хотел потолковать

с Хезгийё так, как могут говорить только два любящих своих детей отца: по душам, откровенно, без обиняков.

Хезгийё нравился Нахамьё Бабаеву своим спокойствием, умиротворенностью, неспешностью. Отец Ани не изменил вере предков, ходил в синагогу, читал священные книги. В отличие от Нахамьё он не торопился угнаться за временем, не боялся того, что шел с ним не в ногу и выглядел несовременно.

Когда с чаем покончили, женщины вышли из комнаты, и Нахамьё остался с Хезгийё.

— Мы с тобой не полные родственники... — начал гость издалека.

— Как это? — улыбнулся своей печальной улыбкой Хезгийё.

— Даниил-то твой женат только на нашей племяннице.

— И что? — непонимающе спросил Хезгийё.

— Как что? Было бы хорошо стать полными родственниками.

— Это как же?

— У вас невеста, у нас жених. Эрзол уже достаточно самостоятельный, хорошо зарабатывает. Ему только восемнадцать, а уже начальник. Цехом командует. Вырос, возмужал. Сыну давно пора своим домом жить. Может быть, стоит подумать о том, чтобы соединить наших детей? Уверен, твоя дочь будет идеальной невестой для моего сына. Зачем нам где-то искать, если все к тому идет, чтобы Турунж и Эрзол были вместе? Как ты смотришь на это, Хезгийё?

Тот задумался.

— Мне кажется, что Турунж замуж еще рановато, — произнес Хезгийё.

Он мечтал, чтобы Турунж, по примеру сестер, окончила школу и поступила в институт, получила высшее образование.

— Как рано! Ты знаешь, сколько было Хаво, когда за меня вышла? Четырнадцать! А твоей Турунж уже шестнадцать.

— Надо подумать, — упрямо повторил Хезгиё. — Да и ее спросить не мешало бы.

— Хорошо, спроси, — настаивал Нахамьё. — А потом вернемся к этому разговору.

Хезгиё закивал, крепко пожал руку Нахамьё и пообещал в ближайшее время дать ему ответ. На этом разговор закончился.

После ухода гостя Хезгиё дождался, пока все домашние улягутся спать, и пошел потолковать с Мельке о предложении Нахамьё.

— Ты представляешь, Бабаевы хотят сватать Турунж за Эрзола.

Мельке помолчала.

— Это который с Захаром работает?

— Ну да.

Мельке отставила в сторону посуду.

— И когда они хотят играть свадьбу?

— Да не похоже, чтобы они тянули. Нахамьё хочет, чтобы мы сладили все быстро.

— А ты уверен, Хезгиё, что ей пора уже под хупу? Может, не торопиться? Турунж только исполнилось шестнадцать лет. Надо аттестат получить. Можно еще подождать.

Сомнения Мельке только упрочили решимость Хезгиё.

— А зачем ждать? — улыбнулся Хезгиё. — Судьба дочерей — улетать из родного гнезда. Бабаевы — достойная фамилия. Если сын пошел в отца, то лучшего мужа для нашей дочери и не сыскать.

— Я их сына не знаю. Аня мне про него ничего не рассказывала.

— А зачем его знать? Весь в отца. Она с ним будет счастлива, вот увидишь.

— Что же, — вздохнула Мельке, — если ты так уверен...

Мельке снова вернулась к посуде. Надо будет поговорить обязательно с Аней.

Когда старшая дочь на следующий день заскочила к матери на обед, та тихонько потащила ее к плите.

— Ты знаешь, что Нахамьё хочет сватать Турунж за своего Эрзола?

— Да?! Нахамьё уже приходил? — Аня смутилась, что не успела предупредить мать. — Вообще-то я знала. Эрзол у нас работает. Парень — золотые руки. Зарабатывает больше многих. Цех принял не так давно.

— А характер какой?

— Как у всех парней! Ну, слышала выпивал пару раз. Подраться может. Обычное дело.

Несмотря на все предосторожности Мельке, ее разговор со старшей дочерью услышала Тося, жена Даниила. На следующее утро, когда Мельке отправила ее на рынок, она на обратном пути забежала к Бабаевым и рассказала все Сусанне, сестре Хаво.

Она готовила ужин на кухне, когда к ней вбежала Сусанна.

— Ты знаешь, что Нахамьё хочет сватать нашего Эрзола за Турунж Абрамову?

Хаво замерла.

— Нет! Был разговор о том, что отец хотел бы его женить, но на ком, об этом мы даже не говорили.

— Тося у меня только что была. Рассказала, что Нахамьё был вчера у Абрамовых и говорил о сватовстве с Хезгийё.

Хаво секунду молча смотрела на сестру, потом вновь принялась за стирку.

— Если она у них хозяйственная, то пусть в дом приходит. Старшая сестра у них головастая. Вон какими делами ворочает. Нахамьё нахвалиться не может. Может, и младшая не дура.

— Да видела я ее, — пустилась сплетничать Сусанна. — Чистая девочка. Скромная. Коса вот такой толщины. — Сусанна показала Хаво кулак. — Неплохая партия.

Хаво ничего не ответила. Она размышляла.

Тут сестра заторопилась домой, но перед самым уходом вдруг спохватилась:

— Совсем забыла. Ты попроси Эрзола в выходной помочь мне на огороде, а то я сама не управляюсь.

— А что Даниил? Отказывается? — сердито спросила Хаво.

Ей не нравилось, когда ее мальчика использовали как рабочую силу. Хватает ему забот на работе.

Но Сусанна была настойчива:

— Да он опять уехал по делам. Нет его.

Хаво нехотя кивнула в знак согласия.

Как и было обещано, в ближайшее воскресенье Эрзол явился во двор тети Сусанны. Та готовилась сажать картошку. Двести лет понадобилось, чтобы этот корнеплод, завезенный в Россию Петром I, прижился в Дагестане.

Тетка протянула племяннику лопату и велела вскопать землю. Эрзол, поплевав на руки, принялся за работу. Сусанна шла за ним, выбирая из вскопанной канавки камни и сорняки: налево камни, направо сорняки. Эрзол вполуха слушал, что она болтала. И вдруг как будто над его головой гром разразился.

— Да, совсем забыла! Поздравляю тебя с женитьбой! — язвительно улыбаясь, протянула тетя Сусанна, с трудом разгибая затекшую спину.

Эрзол остолбенел.

— С какой женитьбой?

— Ты не знаешь? Они что, тебе не сказали? Нахамьё ходил к Абрамовым сватать Турунж, младшую сестру Даниила. Неужели не видел ее?

Эрзола это известие потрясло. Такого поворота событий он не ожидал. Что называется, мир был тесен! Его двоюродная сестра Тося была женой Даниила Абрамова. Его брат Захар — друг и ученик Эрзола. Старшая сестра Аня работала вместе с Нахамьё. И вот теперь одна из младших Абрамовых, Турунж, с которой Эрзол учился в вечерней школе, будет его женой! Только почему же его не предупредили, ничего не сказали!

На мгновение застыв, он отбросил от себя лопату и помчался домой. Сусанна даже ничего не успела сказать ему вслед.

Эрзол вбежал в дом, запыхавшись. Хаво, как всегда, стояла на кухне.

— Мама! — воскликнул сын, еле переводя дыхание.

Хаво удивленно оглянулась:

— Уже управился у Сусанны?

— Мама? Про какое сватовство говорит тетка? Или наврала?

— Ты о чем? — смутилась Хаво.

То обстоятельство, что ее мальчик нервничал, расстраивало и ее.

— Вы собрались сватать меня за сестру Даниила?

— Да. — Хаво потупила взгляд.

— Вы что, с ума спятили?! — От волнения сын с трудом произносил слова.

Хаво лишь махнула рукой:

— Отец так решил. Я не могу ничего сделать.

Эрзол покачал головой. Слово отца было законом в еврейской семье. Нарушить его — все равно что разорвать кандалы — практически невозможно. Так повелось испокон веков, и никакая власть ничего не смогла изменить.

Бабаев-старший любил рассказывать сыну, как давным-давно его лучший друг пригласил его, Нахамьё, на свадьбу. Всю неделю он готовился к торжеству, однако за

день до назначенной даты его дядя Данке сказал ему: «Сегодня работаем допоздна и завтра тоже». И племянник не имел права заикнуться даже, что его ждали на свадьбе, и, конечно, никуда не поехал.

Точно так же пришлось промолчать и Эрзолу.

Сватовство состоялось на следующий день, в феврале 1947 года, в доме Абрамовых на улице Сулеймана Стальского. Эрзол сидел хмурый. Его просто поставили перед фактом. Нахамьё настаивал на своем решении, и пойти против его воли сын не мог. Эрзол маялся, чувствовал себя не в своей тарелке. Заметив смущение парня, Нахамьё хлопал его по плечу.

Выдержав небольшую паузу, он встал и, откашлявшись, произнес:

— Дорогие Хезгиё и Мельке. Мы хотим засватать вашу дочь Турунж за нашего сына Эрзола.

Мельке замерла. Хезгиё с улыбкой поднялся со стула.

— Жених видный. — Он посмотрел на жену, словно говоря: ну что тут еще скажешь.

Мельке улыбнулась и тихо добавила:

— Ничего не имеем против.

Вот и ее средней дочери, самой работающей, самой хозяйственной, предстояло улететь из гнезда. Сердце матери сжалось.

Эрзол сидел, не поднимая глаз, сам не свой от смущения.

— Мельке, — обратился Хезгиё к жене, — приведи сюда дочь.

Мельке поспешно поднялась, вышла в другую комнату и в скором времени вернулась с Турунж.

— Вот наша красавица, — произнесла Мельке, выталкивая дочь перед собой.

Эрзол поднял глаза. В полной тишине он смотрел на девушку. Напряжение как рукой сняло. Он и раньше видел

ее в школе, на улице, когда спешил в артель, только не обращал на нее особого внимания. Теперь же, когда Турунж должна была стать его женой, все вдруг чудесным образом преобразилось.

Нахамьё кашлянул:

— Ну что, сынок, как она тебе?

Эрзол посмотрел на отца. Нахамьё заметил, что во взгляде сына исчезли холодность и обида, словно он перестал злиться за то, что родители просватали его так неожиданно.

— Берем! — кротко произнес Эрзол.

Напряженная атмосфера, в которой пребывали обе стороны, тут же разрядилась. Мельке всплеснула руками... Крикнула что-то детям. Двери комнаты распахнулись, и младшие сестры Турунж внесли подносы с блюдами: сладким, соленным, горячим. Ставили на стол одновременно и первое, и второе, и третье, как это было принято испокон веков.

Эрзол надел на палец будущей жены серебряное кольцо. Голову Турунж покрыли платком, и она стала считаться просватанной. И Абрамовы и Бабаевы наполнили стаканы. Подняли их во славу Создателя, выпили, снова наполнили — древний ритуал, который каждый раз выглядит удивительно новым, ибо как его проведешь, такой и будет жизнь новой пары.

Хезгиё и Нахамьё принялись обсуждать подробности свадьбы.

Как это бывает? Шум, гам, переполох. Такое событие! Лишь только вчера сына и дочь считали детьми малыми, и вдруг — муж и жена. Повзрослели за день и улетели из родного гнезда.

Бабаевы и Абрамовы готовились к торжественному событию. Мельке собирала приданое: стеганую перину, одеяло из натуральной шерсти, пуховые подушки, постельное

белье, пушистый ковер ручной работы, посуду — все, что испокон веков давали девочкам с собой для начала новой жизни в доме мужа: веками апробированный список самого полезного и необходимого в домашнем быту.

В свою очередь, Нахамьё и Хаво долго совещались, выбирали, в каких комнатах их большого дома будут жить молодожены.

И вот наступил день свадьбы.

Хезгийё настоял, чтобы все было, как у предков: сначала торжество в доме невесты, потом — у жениха, и обязательно согдуши, и танец невесты под крики «гой, шабаш», и, конечно, хупа.

Еврейский квартал Махачкалы сотрясаясь от веселых криков и поздравлений. Во дворе на улице Ермошкина были расставлены столы, горели семисвечники. Угощения, угощения, радостные лица... Гуляли до позднего вечера...

Турунж время от времени бросала взгляды на Эрзола, в ответ Эрзол смотрел на Турунж. Юноша чувствовал, как что-то окончательно и бесповоротно менялось в его жизни.

Так они стали мужем и женой.

XIX

Не так, чтобы Хаво противилась тому, чтобы в ее дом пришла невестка, наоборот, она ждала этого события. Моя бабушка не раз представляла себе, как однажды рядом с ней поселится другая женщина — жена ее сына, которая будет слушаться свекровь во всем и выполнит главное предназначение — подарит им с Нахамьё внуков.

Но с Турунж все было не так просто. В невестке чувствовалась некая внутренняя сила, которая всячески сопротивлялась давлению свекрови. Этот нрав надо было обуздывать.

«И откуда в ней это?» — думала Хаво, поглядывая на невестку.

Маленькая юркая Хаво ни секунды не могла сидеть спокойно. Деятельная натура, она все время находила себе занятие по хозяйству. Еще до свадьбы она велела заново побелить потолки и выскоблить полы в комнатах, отве-

денные для молодых, повесила новые занавески, вымыла окна, взбила толстущую перину.

— Как ты думаешь, у Турунж получится хорошо заботиться об Эрзоле? — спрашивала она у Фиры. — Он так много работает. Ему надо обеспечить уют. Ты не слышала, она вкусно готовит?

— Мама! Отец говорил, что Мельке — мастерица на кухне. Я слышала, что Турунж всегда была при ней. Чему-то она научилась.

— «Чему-то»... Надо, чтобы она умела все.

Наблюдая за тем, как Турунж устраивалась на новом месте, Хаво не могла не отметить, что она делает все умело, не ленится. Но одного этого было мало.

— Турунж, картошку Эрзолу мелко не режь. Эрзол так не любит.

Стоило Турунж начать суп варить, как тут же за спиной раздавался властный голос:

— Укроп не бросай. Надо только с перцем...

Хаво терпеливо обучала свою невестку порядкам, заведенным в доме Бабаевых, рассказывала о вкусах его обитателей.

— Утром следует подниматься раньше, — поучала Хаво. — Встала и первым делом за водой отправилась, да бери сразу два ведра. Много не мало... Принесла, тут же ставь на плиту, пусть греется. Только отлей немного в кувшин, вода должна быть холодной для умывания. Он так любит.

Хаво пристально вглядывалась в лицо невестки, словно проверяя, внимательно ли слушала ее Турунж, и продолжала:

— Ты запоминай, к чему он привык. Баранину любит. Если говядину берешь, то только с лопатки.

Турунж тоскливо смотрела в окно — ей хотелось, чтобы это все скорее закончилось.

Хаво упорно добивалась, чтобы Турунж даже в мелочах все делала именно так, как было заведено в доме Бабаевых. Турунж при этом чувствовала себя девочкой-неумехой, которая впервые оказалась на кухне.

— А теперь сама попробуй. Не бойся, пальцы не обрежешь. Ты теперь замужняя. Твой мир — это твоя кухня. Готовь от сердца, рук не жалея. И вот еще что... — Хаво подошла к буфету. — На стол ставь посуду отсюда. Вилки, ложки вот эти, чай он любит пить из своей фарфоровой чашки.

Так продолжалось с утра до ночи. Только Турунж присаживалась ненадолго, как раздавался голос свекрови:

— Ну что задумалась? Чуть заленилась, считай, что-то упустила. В доме всегда надо бегать. Работать надо! Работать! Если не знаешь, где что лежит, у меня спроси. Я покажу... Никто еще от домашней работы не погибал.

Для Турунж такой образ жизни был в диковинку. Что, Хаво думает, что ее невестка не знает, как вести дом? Турунж с восьми лет этим занималась. Пока Мельке была на работе, во время войны кто присматривал за маленькими? Кто готовил еду для сестренки и братьев, для отца? Турунж! Даже смешно было думать, что она не справится с одним Эрзолом.

Но Хаво словно этого не знала или не хотела знать.

Бабаевы жили, как и сотни других семей, крутясь как белки в колесе по раз и навсегда заведенному обычаю. Ни свет ни заря уже все были на ногах. Но Хаво — раньше всех, плиту разогреет, варит, парит, жарит.

Утром Турунж не успевала даже предложить мужу поесть, как Хаво ставила уже перед ним тарелку с его любимыми чуду. Эрзолу и в голову не приходило обращать на это внимание. Но Турунж-то все замечала, и ее нерасторопность была немим укором со стороны Хаво. Незаметная для мужского глаза женская забота была хорошо видна женщинам.

Наскоро позавтракав, мужчины отправлялись на работу. Дом оставался в распоряжении женщин. Тут же начинались разговоры: «Ай-вай... Кто куда пошел?! Кто от кого ушел?! И какие цены на рынке?! Какая погода будет завтра?! А если опять неурожай? Если вдруг голод обрушится? И соль, спички и мыло пропадут в лавке! И не введут ли карточки еще на что-нибудь? И что дальше будет?»

Так за хлопотами и перебранками, чтобы не так скучно было, и проходил день. Женщины то со стиркой, то у плиты, то с веником в руках, скребли пол, мыли котлы, оттирали пригоревшее дно кастрюлей, перетряхивали перины и подушки... Это был ежедневный великий и незаметный для мужского глаза труд, который никогда не оценивался по достоинству, принимаемый как данность, как часть женской доли.

Эрзол трудился не покладая рук и все деньги, что зарабатывал, отдавал матери. Как-то Турунж попробовала сказать Хаво, что хорошо бы и ей получать какую-то часть на семейные нужды, но свекровь оборвала разговор, заявив, что деньги будут только у нее. Если невестке надо, пусть просит, объяснит зачем и получит.

Турунж нахмурилась: не то чтобы подобные просьбы были для нее унижительными, они казались ей совершенно излишними: с какой стати отчитываться перед матерью мужа, на что жена собиралась потратить деньги. И без того ясно, что на семью. Турунж вздыхала и проглатывала острое словцо, готовое сорваться с ее губ.

Она с интересом открывала новый для себя мир: привычки и характер своего мужа, которого до этого практически не знала.

Турунж нравилось, что ее супруг любил свое дело, был искусным закройщиком. Девушка это сразу отметила. Работа была для него на первом месте. Она приносила и достаток в дом, и уважение окружающих.

Турунж нравилось, когда Эрзол, если рядом никого не оказывалось, нежно обнимал ее. В такие минуты она чувствовала себя счастливой.

Не хватало только одного — одобрения со стороны Хаво всего, что молодая жена старалась сделать для мужа. Турунж всегда чувствовала себя полноправной хозяйкой. С малых лет она привыкла помогать Мельке по дому. Ее обязанностью было стирать и готовить, поддерживать чистоту и порядок. И, переехав в дом Бабаевых, Турунж изо всех сил старалась создать на своей половине обстановку доброты, душевности и благожелательности, чтобы мужу нравилось возвращаться домой, чтобы ему было рядом с ней уютно, тепло и сытно.

Однако, к своему удивлению, спустя какое-то время Турунж вдруг заметила, что Эрзол после работы домой не очень-то и торопился. Это кардинально отличалось от того, к чему она привыкла, живя с родителями и наблюдая за своим отцом. Хезгиё никогда после работы не задерживался. Чуть только дежурство на складе заканчивалось, спешил домой. Если была возможность побыть одному, запирался в своей комнате и читал святые книги.

Эрзол вел себя по-другому. Для него, как воздух, были необходимы дружеские застолья, общение с товарищами. Иногда Турунж засыпала глубокой ночью, так и не дождавшись мужа. Утром Эрзол вставал с постели и шел умываться как ни в чем не бывало. На столе с вечера так и стоял приготовленный для него ужин, к которому он даже не притрагивался.

Тогда Турунж, не удержавшись, с легкой обидой в голосе говорила:

— Вчера ждала тебя к ужину. Извини, не дождалась, уснула. Ты бы возвращался пораньше. Я вот ужин приготовила...

— Не волнуйся, я голодным не останусь. Дел много было.

— С друзьями за столом?

— Хотя бы и с друзьями? А где по вечерам прикажешь собираться, если не за столом? Не на улице же под забором.

— Я просто хотела сказать...

— Я уже понял. Сегодня приду пораньше.

— Да нет... Я про другое...

— Говори! — перебил ее Эрзол. — Что еще?

— Да ничего! — смутилась Турунж. — Я просто хотела спросить, что ты хочешь на завтрак. Что тебе приготовить?

— Что ты голову себе чепухой забиваешь? Что мать приготовит, то и съем!

Турунж было очень обидно, что муж не желает замечать ее заботу о нем.

Однажды моя мама встала ни свет ни заря. В доме все еще спали, даже Хаво. Турунж тихо вышла на кухню, приотворила за собой дверь, чтобы не разбудить никого. Собралась затопить плиту. Ей очень хотелось самой приготовить чуду, она видела, как Эрзол всегда уплетает их за обе щеки. И она, Турунж, умела их хорошо делать, не хуже Хаво. Пальчики оближешь, вот какие чуду у нее получались! Надо было только расщепить полено на лучины, чтобы быстрее зажечь огонь в плите. Турунж огляделась в поисках топора. Его нигде не было видно. Может быть, кто-то его брал, да не вернул на место... Хорошо бы поискать в чулане, да там темно, ничего не видно.

Турунж полезла на полку, достала керосиновую лампу. Чиркнула спичкой, второй. Лампа все не зажигалась. Посмотрела: керосин закончился. Что за напасть?

Турунж с трудом достала с полки бидон с керосином. Пока заправляла лампу, пролила немного на пол. В это

время слышались шаги и через мгновение рядом раздался недовольный голос Хаво:

— Что это ты в такую рань шум в доме подняла?

— Хочу чуду испечь.

И тут она услышала сердитый голос.

— Ты что делаешь, Турунж?!

Та изумленно посмотрела на Хаво.

— Кто так лампу заправляет? Ты же керосин на пол пролила!

— Да я чуть-чуть... Сейчас вытру.

— Куда берешь эту тряпку?! Специально это делаешь? Она не для этого. Я ею со стола протираю! Ну-ка, отойди от плиты. Я сама все приготовлю.

— Но я специально встала.

— Зачем под руку лезешь?

Хаво схватила ведро, сунула в руки Турунж.

— Лучше за водой сходи. Полы помой.

— Так я Эрзолу хотела к завтраку приготовить...

— Не надо. Ты что, знаешь, как готовить правильно чуду? Вот меня не будет, тогда похозяйничаешь. А пока слушай, что я говорю! Живешь в доме, так будь добра наших порядков придерживайся.

Турунж нахмурилась. Она с трудом сдержалась, чтобы не наговорить в ответ, что не согласна вечно быть на подхвате, что свекровь не права. Прошла минута, другая. Молодая женщина взяла себя в руки. Старшим перечесть плохо. Так ее родители учили.

Турунж схватила ведра и отправилась за водой. Вернулась и, глотая слезы, принялась мыть пол... Весь день ее снедало чувство обиды. Ну почему ее не принимает свекровь?

К вечеру Турунж побежала к матери. Ей было необходимо поговорить с самым родным человеком. Мельке обрадовалась ее приходу, начала расспрашивать дочку про житье-бытье.

Турунж не удержалась, пожаловалась:

— Хаво на меня голос повышает!

— Что не так? — вспыхнула Мельке.

— Каждый раз новое. Сегодня накричала, что я их дом спалить хотела. Как будто это и не мой дом тоже. А я просто немного керосина на пол пролила.

— Ну, пролила и пролила. Быстро убрала, и все дела.

— Я так и хотела, а она крик подняла.

— Ну, подняла и подняла. Что ты внимание обращаешь? Терпи.

— Я терплю.

— И не жалуйся! С мужем все хорошо?

— Да, вчера зимнее драповое пальто мне принес.

— Сшил?

— Купил! С поясом. На шелковой подкладке. А на прошлой неделе туфли лаковые подарил.

— Вот видишь. Он к тебе хорошо относится. Не обращай на Хаво внимания. Покричит и перестанет.

— Но ты же на Тосю не кричишь?

— Всякое случается, бывает и повздорим. Женские дела в тишине не сделаешь. Не крикнешь, не услышат.

— А я не хочу, чтобы на меня голос повышали.

Мельке развела руками.

— Я стараюсь, забочусь об Эрзоле, а Хаво мне прохода не дает. Как будто я без нее не знаю, где что лежит, откуда что взять. Обязательно у нее надо спрашивать разрешение.

— А ты не перечь ей. Старших слушаться надо.

Встречи с матерью были непродолжительными, урывками. Хаво не любила, когда Турунж надолго отлучалась. Дело невестки — находиться рядом со свекровью, всегда быть на подхвате.

Молодая женщина иногда тосковала по прежней вольной жизни. Выйдя замуж, она не могла распоряжаться своим временем.

Хаво искренне полагала, что она относилась к Турунж с теплотой и вниманием. Она, Хаво, была главной в доме, так было заведено испокон веков. Невестка воспринималась прежде всего как рабочая сила. И Хаво именно так и относилась к жене своего любимого сына. Что в этом такого?

Однажды в будний день Турунж принялась мыть полы:

— Ты что делаешь? Оставь, — заворчала Хаво. — Это успеешь. Рубашку Эрзола постирала?

— Нет, наметила завтра постельное белье стирать, и рубашку заодно.

— Простыни каждую неделю менять нет необходимости! — поучала Хаво. — А рубашку Эрзолу следует надевать каждый день чистую. Он же на работу в цех ходит, не в поле, среди людей находится. Я Нахамьё каждый день рубашку чистую подаю, и ты учись. Поняла? Эта не годится, — категорично сказала Хаво, схватила свежую рубашку Эрзола, которую Турунж с вечера заботливо повесила на спинку стула, и бросила на пол.

— Иди стирай, — приказала она. — Видишь, грязная!

— Я что, в служанки к вам нанималась? — вспыхнула Турунж.

Резкая фраза сама сорвалась с ее языка.

— А ты кем себя возомнила? — нахмурилась Хаво. — Правительницей? — Тон, которым она это произнесла, не сулил ничего хорошего.

— Но ведь рубашка чистой была, — чуть не расплакалась Турунж. — Что не так? Чем я вам не угодила?

Хаво помедлила с ответом. Порой она и сама не могла ответить на вопрос, чем Турунж ее не устраивала.

— Я точно знаю, что Эрзолу требуется для счастья, — после недолгой паузы сказала Хаво. — Мой сын. Я его родила и лучше всех понимаю, что ему нужно.

Турунж нечего было возразить. За несколько месяцев жизни в новом для нее доме она еще не успела до конца

изучить все привычки и предпочтения мужа. В этом Хаво была права.

И она не упускала случая указать невестке на это обстоятельство.

— Хотела приготовить Эрзолу обед? Иди, готовь. Сделай то, что он любит в шаббат.

— Я не знаю, что он любит в шаббат.

— Ты жена, должна знать.

— Придет с работы, спрошу.

— Когда придет с работы, поздно будет. Когда готовить будешь? Ночью? Ночью нельзя. Не кошер!

— Он сказал в прошлый раз, что не знает, что захочет в субботу.

— И правильно сказал. Жена не должна беспокоить мужа по таким пустякам. Он целыми днями занят, работает. Ты это сама должна знать, чувствовать.

— Я стараюсь, только его дома и вечером не застать, чтобы спросить... Он вечно где-то ходит с друзьями.

— Тебе-то что за дело?! Он встречается с нужными людьми. Почему ты вмешиваешься в мужские дела?

— Но, Хаво, я не вмешиваюсь. Я просто...

— Просто будет, когда сама станешь матерью. А пока... Пока будь добра делать то, что говорят старшие. Ты же знаешь, — Хаво изменила тон, — тебе в этом доме желают только хорошего.

— Но я... Я тоже желаю Эрзолу только хорошего. Я хочу о нем заботиться.

— Хочешь?! И заботься, кто мешает... Не знаешь, что делать? Вот рубашку и ту не постирала. — Хаво опять вернулась к началу разговора. — Я за тебя все делать должна?! У меня все в запасе имеется. Сейчас принесу!

И Хаво принесла из своей комнаты выглаженную, накрахмаленную сорочку.

— Это Эрзолу. Отдашь!

Турунж проглотила обиду. Взяла рубашку — доказательство ее невольной вины — и стала безропотно выполнять приказание Хаво.

Хаво обладала сильным характером. И кто бы что ни сделал, — если она сама не приложила к этому руку, все было не так. Она тут же стремилась переделывать по-своему, как ей казалось правильно. Поэтому, что бы ни начинала делать Турунж, все подвергалось критике.

Так прошло несколько месяцев. Однажды она поняла, что беременна. Этим известием Турунж поспешила поделиться с Хаво.

Та только всплеснула руками:

— Не ошибаешься. Точно?

— Похоже на то...

— Доченька моя!

Выражение лица Хаво тут же изменилось. Она крепко прижала к себе невестку.

— Мальчика бы нам, — и тут уже бросилась к плите. Турунж не успела опомниться, как Хаво уже поднесла ей чашку.

— Выпей молока... Тебе каждый день надо пить молоко, чтобы потом свое было. Я вон скольких выносила. Знаю, что говорю.

Отныне придирки и замечания Хаво стали редкими, а потом и вовсе прекратились. Помня о трудном начале совместной жизни с Нахамьё, своих потерянных детях, Хаво запретила Турунж выполнять тяжелую работу по хозяйству. Бабушка ждала рождения внука как манны небесной!

Турунж нет-нет да и порывалась прибираться в комнатах или появлялась у плиты. Хаво, даже если не находилась в тот момент на кухне, словно видела через стены, тут же прибегала.

— Ты ребенка носишь, это главное! А приготовить... Я приготовлю! Ты себя береги... Молодая еще, успеешь и приготовить, и похозяйничать.

— Я хотела для Эрзола...

— Иди-иди! Тебе беречься надо. Я сама все сделаю. Ты о ребенке думай.

Чем больше срок, тем сильнее заботилась Хаво о невестке.

— Ты зачем встала ни свет ни заря? — накинулась она как-то на Турунж.

— Вот рубашку хотела погладить Эрзолу.

— Я сама проглажу. Оставь.

— Да я уже утюг накалила.

— Ну и пусть стоит. Иди ложись. Что ты к этой рубашке прилипла? Эрзол и в той, что есть, походит, не растает. Чистая еще рубашка.

Хаво забрала утюг из рук Турунж. Невестка только диву давалась.

В апреле 1948 года у Турунж и Эрзола родился первенец. Молодая мать чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Да и как было не гордиться, не радоваться, если Турунж родила именно мальчика, будущего защитника и кормильца.

Мельке причитала, Хезгиё молился. Бабаевы как люди современные обратились в профсоюз артели о выделении средств на подарок молодой матери.

А потом между Нахамьё и Эрзолом разразился небывалый спор о том, как назвать ребенка. Эрзол хотел непременно, чтобы мальчику дали русское имя. Мой отец замечал, как патриархальный уклад уходил в прошлое, он часто общался с русскими по работе, в Москве бывал, посмотрел, как там люди жили. Человек наблюдательный, он пришел к выводу, что в новых условиях лучше давать детям русские имена. Но Нахамьё требовал строго следовать традиции. В конце концов они евреи, должны носить имена своих предков.

И первенца Турунж и Эрзола называли Садугом. Новоиспеченный отец был этим недоволен. Впрочем, какая разница, как назвать младенца, главное, что он был, лежал в колыбельке и требовал к себе внимание. Со временем, его все-равно стали называть Славой.

Турунж быстро оправилась после родов, и жизнь потекла, как и прежде: в хлопотах и заботах.

Однажды к Нахамье пришли гости. Хаво побежала на кухню готовить чай. Турунж стояла у плиты и варила Садугу кашу.

— Подвинься, мне надо поставить кипяток, — попросила Хаво.

— Как будет готова каша для Садуга, тогда отойду, — довольно резко возразила Турунж и тут же виновато посмотрела на свекровь.

Но слова уже были произнесены, и Хаво их услышала. Как так? Ей перечили в собственном доме. И где? На кухне! Жена ее сына!

«Вот чем обернулись все мои заботы об этой девчонке. Хозяйкой себя почувствовала после рождения ребенка», — пронеслось в голове Хаво. Вслух ничего не сказала, лишь кивнула и занялась другими делами. Вскоре Турунж приготовила Садугу кашу и ушла с кухни.

Через час Хаво вошла в комнату Турунж.

— Дай мне Судуга.

— Зачем?

— Мне вода нужна. Сходи на колонку.

Турунж замялась.

— Пусть Фира сходит. Я Садуга кормить собралась.

— Ты же его час назад кормила!

— Так он голодный, смотри, как ручки тянет. Пусть за водой сходит Фира. Ей все равно делать нечего.

Хаво молча повернулась и вышла, хлопнув дверью.

Через минуту к Турунж влетела Фира.

— Ты как с матерью разговариваешь?

Турунж посмотрела на нее с вызовом.

— А ты чего на меня кричишь?

— Она тебя на колонку попросила сходить...

— Ну я ведь сказала, что не могу, мне Садуга кормить надо.

Фира сердито поджала губы и вышла из комнаты.

Через час, когда Турунж по какой-то надобности забежала с Садугом на руках на кухню, Фира и Хаво стояли у плиты. Турунж хотела пройти к плите, подогреть для ребенка воду. Заглянула в один бак, другой... Они стояли пустыми. Ни в кастрюльке, ни в ковше ни капли не было.

— А где вода? — удивленно спросила она. — Мне для Садуга надо.

— Сходи на колонку, — с напускным равнодушием ответила Фира.

— Но я же слышала, ты принесла воду... — удивленно заметила Турунж.

— Мы ее уже использовали. Видишь, первое варится. Тебе надо, так пойди сама. А за ребенком мы посмотрим. Давай его сюда, — Фира протянула руки к Садугу.

Турунж прижала ребенка к себе.

— Никому я его не отдам!

— Ну, тогда и занимайся всем сама.

Садуг начал плакать. Турунж в растерянности застыла, не зная, что предпринять. Она огляделась и вдруг вниз, под столом, увидела ведро воды.

— Вот же она... — сказала Турунж, указывая на полное ведро.

— Это не для тебя.

Кровь бросилась в лицо молодой женщины. Сейчас бы наговорить грубостей! Да только сдержала себя. Как ругаться, когда младенец на руках? Он же все чувствует,

начнет капризничать. Турунж глубоко вдохнула, сдержала гнев и подошла к Хаво.

— Простите меня, — глухим голосом проговорила Турунж. — Я была не права.

Хаво молча на нее посмотрела.

— Я схожу за водой. Присмотрите за ребенком.

Хаво протянула руки к Садугу, взяла его на руки.

— Иди сюда, мой хороший... — Мальчик, почувствовав исходявшее от бабушки тепло, улыбнулся.

Турунж торопливо вышла из комнаты. Она слышала, как Хаво ласково разговаривала с Садугом. Что-то похожее на ревность укололо ее.

Тем их стычка и закончилась. На следующее утро обе женщины встретилась как ни в чем не бывало. И конфликт на время затих.

Однажды Турунж возвращалась от родителей. По пути заглянула на рынок и купила свежей зелени. Она собиралась приготовить первое для Эрзола. Пучки кинзы, петрушки, укропа, сельдерея положила на кухонном столе.

Вскоре на кухню вошла Хаво.

— Ты что это делаешь?

— Суп для Эрзола хочу сварить, — не отрываясь от работы, бросила Турунж.

— Ты бы у меня спросила. Вон на плите полная кастрюля, — недовольно заметила Хаво.

Турунж продолжала готовить как ни в чем не бывало. Свекровь поджала губы, подошла к столу, увидела зелень, брезгливо посмотрела на нее, взяла пару веточек в руку, размяла в руке, понюхала, молча собрала в охапку все, что купила невестка, и отправила в помойное ведро:

— Это не зелень! Одна гниль! — И ушла с кухни.

Турунж так и застыла. Слова застряли в горле. Из оцепенения ее вывел плач Садуга. Молодая женщина бросилась к сыну, но и тут Хаво опередила ее. Первой прибежала

к колыбельке, склонилась над внуком, взяла его на руки. Для Турунж это было уже слишком. Со словами: «Я сама с ним справлюсь!» — она вырвала ребенка у бабушки.

Хаво сокрушенно покачала головой и удалилась.

На следующий день Турунж пришла на кухню пораньше — специально улучила момент, когда там не было Хаво. Хотела почистить картошку. Выдвинула ящик — ни одного ножа не нашла. Пошарила по полкам, обнаружила старый, с тупым лезвием. В этот момент на пороге появился Эрзол.

Хаво, против обыкновения, на кухню не выходила.

— Мать себя плохо чувствует, — сказал Эрзол. — Готовь завтрак.

Турунж забыла про картошку, бросилась накрывать на стол. Поставила любимую чашку мужа, тарелку, вилку с ложкой. Отошла за чем-то к плите и тут услышала голос мужа за спиной:

— Турунж, хлеб-то забыла подать.

И правда забыла. Турунж бросилась к буфету и осталась как вкопанная. Чем хлеб нарезать-то? Не скажешь же мужу, что ночью ножи пропали. Турунж схватила тупой нож, стала резать буханку. Хлеб раскрошился. Раздосадованная, она собрала неаккуратные ломти и поставила перед Эрзолом.

Муж посмотрел на хлеб.

— Что так? — спросил Эрзол недовольно. — Ты что, хлеб нарезать ровно не можешь?

Не успела Турунж ничего возразить, как на кухню вошла Хаво.

— Доброе утро, сынок.

— Зачем ты встала так рано, мама. Лежала бы, если тебе плохо.

— Да я слышу, что тебя тут накормить не могут. Кто так хлеб изуродовал? — спросила она.

И тут же подхватила тарелку с раскрошенным хлебом и вернулась с блюдом, на котором были аккуратно уложены куски хлеба. Не произнесла ни слова, с улыбкой поставила перед сыном.

— Ох, мама! — невольно вырвалось у того. — Ты волшебница! Я всегда говорил отцу, как нам повезло с тобой.

Хаво погладила Эрзола по голове.

— Кушай, сынок, кушай.

Турунж только оставалось стоять рядом и смотреть на мужа и его мать, глотая от обиды слезы.

И все как будто вернулось в те времена, когда Турунж только появилась в доме Бабаевых. Что бы ни делала невестка, все не устраивало Хаво.

— Ничего не умеет: ни продукты купить, ни приготовить, — жаловалась она Нахамье. — Ни постирать, ни убратся...

Однажды Турунж мыла пол на своей половине. Эрзол, как всегда, был на работе. Дверь в ее комнату была прикрыта. Неожиданно в своей кровати заплакал Садуг.

— Ну потерпи, я тебя прошу, — приговаривала Турунж, не отрываясь от своего занятия. — Сейчас домою и подойду.

Ребенок не успокаивался. Турунж пришлось оторваться от работы и подойти к кровати сына. Склонилась над Садугом и сразу поняла причину его недовольства. Сняла с него мокрое, положила в углу кровати, решила, что сначала закончит дело, а потом перепеленает и накормит мальчика. Кинулась домыывать полы и в этот момент услышала за своей спиной встревоженный голос Хаво:

— Зачем ребенка голым бросила? Вдруг простудится!

— Я же на минутку. Только пол домыть надо.

— Какую минутку? Ты что, такими руками собралась его пеленать? Ты с ума сошла? А это что? Кто грязные подгузники так оставляет?

Хаво бросилась пеленать Садуга. Турунж, как тигрица, рванулась к ней, вырвала мальчика из рук бабушки, прижала к себе.

— Не дам. В своей семье я буду делать так, как считаю нужным. Оставь нас.

Хаво не могла поверить своим ушам.

— Да я же хотела, как лучше?! Ты чего?

— Не надо мне как лучше. Я сама умею делать хорошо, понятно?

Хаво растерянно оглянулась по сторонам, словно обращаясь к стенам собственного дома: «Нет, вы видели? В моем доме?! Так разговаривать со мной?»

Повернулась и вышла из комнаты, хлопнув дверью.

Дня три было все спокойно. По крайней мере, за пределы женской половины ссоры и обиды не выплескивались. Но и продолжать скрывать от мужчин конфликт, который разгорался с новой силой, у женщины тоже не получалось.

Эрзол, придя домой после работы, обратил внимание на непривычную тишину дома. Обычно говорливая Хаво встретила сына молча.

— Ты сегодня слово не вымолвишь, мама! Что случилось?

— Мне велели заткнуться.

— Кто?!

— Твоя жена! — Хаво остановилась посреди кухни и растерянно посмотрела на сына.

— Что?

— А вот то! — Хаво развела руками. — У нее Садуг плакал, я хотела ей помочь, а она в ответ сказала, что не позволит мне дотрагиваться до ребенка. Мои слова твоя жена не слушает!

Эрзол тяжело вздохнул и молча доел ужин. Вышел из дома прогуляться. Ему надо было подумать, как поступить. Вернулся через час хмурый, обозленный.

Тем же вечером, уже укладываясь спать, Эрзол раздраженно заметил Турунж:

— Ты почему голос повышаешь на мою мать?

— А зачем она во все наши дела вмешивается? — дерзко возразила жена.

Эрзол нахмурился.

— Ты что, не понимаешь? Она моя мать... Больше не смей с ней так разговаривать!

— Мне все время молчать в моем доме?

Турунж пристально посмотрела на мужа. Ее прямой и твердый взгляд трудно было вынести.

— Это ее дом, — пробурчал Эрзол.

Турунж вспыхнула. Молча посмотрела на мужа и обиженно отвернулась.

Через день, вернувшись с работы, Эрзол зашел к Хаво:

— Как дела, мама, всего хватает? Может, мне завтра на базар сходить?

— Если надо будет, сама схожу. К тому же у нас все есть.

— Ты чем-то расстроена?

— Да ничем я не расстроена, — сокрушенно произнесла Хаво. — Просто я ее не понимаю, Эрзол, как можно себя так вести? Твоя-то опять хамит матери своего мужа!

— Что еще не так?

— Да все не так! И за собой не следит, и за сыном не доглядывает. Пошла на кухню, его бросила. Я начала его нянчить, тут же влетела, отобрала его у меня, накричала...

— Мама, я с ней поговорю.

— Поговори. Я тебя прошу. Она должна уважать родителей своего мужа!

Эрзол почувствовал глухой приступ раздражения. Пошел к Турунж. Как всегда, она занималась Садугом.

— Ну и как это все понимать? — начал Эрзол.

— Что не так? — улыбнулась Турунж.

— Ты опять дерзишь Хаво. Ты пойми, это моя мать!

Турунж замерла.

— Но она мне делает гадости! Проходу не дает. Что ни сделаю — все не по ней. Я и готовлю, и стираю, и за Садугом приглядываю — все ей не нравится. Не могу же я молчать!

Эрзол стукнул ладонью по столу.

— Не смей повышать голос на мать. Не смей!..

На том закончился разговор между Турунж и Эрзолом.

Почти все женщины со стороны Бабаевых сразу же приняли сторону Хаво. Впрочем, иначе и быть не могло. Больше всего их злило, что Турунж не хотела смириться.

И моя мать, и моя бабушка были гордыми, вспыльчивыми женщинами. Горячая кровь горянок давала себя знать. И мой отец Эрзол, и мой дедушка Нахамье много раз слышали, как бабушка возмущалась:

— Она позволяет себе повышать на меня голос! На меня, на ту, которая ее старше! Кто хозяйка в этом доме?! На мать ее мужа!

Постепенно Эрзол начал уставать от всех этих внутрисемейных пересудов о поведении Турунж. В женские скандалы его вовлекали поневоле. Поскольку он был мужем, то и должен был приструнить свою жену. Эрзола выводило из себя то, что, вместо того чтобы вечером отдыхать и беседовать с друзьями, он оказывался в атмосфере склок и взаимной ненависти.

Никто не знает, долго ли так могло продолжаться и чем бы все закончилось, да только вскоре Турунж поняла, что вновь забеременела. Известие об этом разом прекратило все выяснения отношений. Турунж от домашней работы отстранили, и Хаво опять принялась все делать сама, как ей нравилось.

Как оказалось, именно того и добивалась все это время Хаво. Беременная Турунж ничего не делала, а Хаво не

находила поводов усомниться в своем первенстве в доме. Так продолжалось до родов.

И вот через год и четыре месяца после рождения Садуга у Эрзола и Турунж родился второй сын. Нахамье и Хаво настаивали на том, чтобы ребенку дали еврейское имя Одом. Но тут Эрзол впервые воспротивился воле старших. Он твердо заявил:

— Нет, этого я не допущу!

И назвал сына Игорем. Тем не менее все еврейские традиции были соблюдены, и на седьмой день состоялся обряд обрезания.

К тому времени в стране отменили карточную систему, и в магазинах, как по взмаху волшебной палочки, появилось все разом, конечно, уже совсем по другим ценам... Но Эрзол не жаловался. Позволить себе купить то, что требовалось, он мог. В эпоху, когда в стране почти не было готовых швейных изделий, а заказать одежду в ателье удавалось немногим, профессия закройщика ценилась очень высоко.

Под началом Эрзола трудились двадцать человек. Естественно, следовало находить заказы, доставать ткани. Так завязывались отношения, которые перерастали в приятельство по принципу «ты мне, я тебе». Уже через минуту после знакомства становилось понятно, кто кому и чем мог быть полезен.

Эрзол был привлекательным общительным молодым человеком. Он знал миллион баек и своими шутками умел расположить к себе любого. Сойтись с человеком у него получалось за считанные минуты, подход находил интуитивно, пока сидели за столом, пили и закусывали. Он отдыхал, но одновременно и работал.

Круг его друзей был необычайно широк. Энергичный, обаятельный и раскрепощенный парень приковывал к себе внимание девчонок. Он не чувствовал себя связан-

ным узами брака. Жена и двое детей — все забывалось за порогом дома.

Эрзол рассуждал очень просто. Долг перед семьей — обеспечивать дом деньгами, чтобы дети и жена были сыты и обуты. Брак не смог укротить свободолюбивый характер моего отца. Старый еврейский обычай вставать в ранней молодости под хупу не сделал его счастливым.

XX

Пока муж пропадал на работе, Турунж занималась хозяйством и детьми. Однажды, набегавшись за день, она прилегла на кровать и уснула, да так крепко, что, когда пришел Эрзол, она не слышала. Утром, когда встала, он еще спал. Стараясь не шуметь, оделась и выскользнула на кухню.

Там уже гремела кастрюлями Хаво. Турунж только занялась делом, как тут же получила замечание от свекрови:

— Ну куда ты встала? Двум хозяйкам на кухне всегда тесно. Не видишь, я воду разлила, а ты наступила. Теперь по всему дому грязь разнесешь, — заворчала Хаво. — Бери тряпку, вытирай скорее.

— Да я даже не наступила! — Турунж начала оправдываться.

— Не наступила?! Как же? А это что? Посмотри!

Турунж показала свои тапочки — подошвы были абсолютно сухими. Хаво раздраженно замолчала.

— Эрзола только не буди. Ему поспать надо. Он вчера допоздна работал. Пришел за полночь. Небось ты уже спала...

— Да знаю я, когда он пришел, — вдруг с неожиданной яростью вскипела Турунж. — И где он был, тоже знаю. И прошу еще раз, не надо лезть в дела моей семьи!

Хаво остолбенела.

— Ты как со мной разговариваешь?

— А ты как? — полезла на рожон Турунж.

Взгляд Хаво стал пронзительным, губы сжались в ниточку. Она хлестнула тряпкой по плите и молча отвернулась. Турунж вышла из кухни. Больше они в тот день не произнесли ни слова.

С той поры все вернулось на круги своя. Что бы Турунж ни сделала, это обязательно подвергалось критике. Угодить Хаво стало невозможно: невестка не так стирала, не так готовила, не так убиралась. Если Турунж ничего не делала, то находилась новая причина для недовольства. Ничем не занята — значит ленивая. В общем, образовался замкнутый круг. Турунж противостояла этому, как могла. Она привыкла действовать, как ее мать Мельке, все доводить до конца, за все отвечать.

Так у Хаво и Турунж началось соревнование за внимание Эрзола. Столкнулись две могучие стихии. Мой отец этого не хотел понимать. Он предпочитал всегда принимать в любом споре сторону той, которая его родила, Хаво.

Однажды Эрзол поздно вернулся домой. Турунж нянчилась с детьми, пеленала младшего.

Хаво, увидев сына, кинулась разогревать ужин. Несколько раз Турунж появлялась на кухне. На руках она держала хныкающего ребенка, которого пора было укладывать спать. Эрзол улыбался, глядя на сына. Хаво молча передвигала что-то на остывающей плите.

Эрзол поел, пришел в благодушное настроение, заглянул к матери поблагодарить за вкусный ужин и замер на пороге. Хаво была сама не своя, как будто случилось непоправимое.

— Мама, что произошло? — испугался Эрзол. — Тебе плохо?

— Нет, сынок. Ничего страшного...

— Но я же вижу. Что случилось?

— Все, как всегда... Эрзол! Просто нет сладу. — Хаво чуть не плакала.

— Опять Турунж?

— Я ее не понимаю!.. Я ее просто не понимаю.

— Что на этот раз?

— Скажет, что ничего.

— Я тебя прошу, объясни, что случилось!

— Дерзит! Каждую секунду. Будто ее кто в бок колет.

— Но в чем причина, мама?

— А что тут понимать?! Разве она тебе расскажет? — Лицо Хаво стало жестким. — Она за сыновьями твоими не доглядывает. Я начну нянчить, так отбирает, прогоняет. Голос повышает.

— Мама, я с ней поговорю.

— А что толку? Ты с ней уже разговаривал. Она не слышит.

— Я это прекращу. Я тебе обещаю.

В первый раз Эрзол так завелся, лицо его пошло красными пятнами, руки сами сжались в кулаки. Он стремглав выбежал из комнаты матери. Хаво прислушалась к удалявшимся шагам Эрзола, недоумевая, что ее сын задумал.

Турунж в это время укладывала детей. Когда в комнату вошел муж, она молча приложила палец к губам: тсс, не разбуди ребят. Но, казалось, Эрзол ничего не замечал. Ни улыбки на его лице, ни слова ласкового. С грохотом по-

додвинул к себе стул, уселся на него. Потом вскочил, стал ходить из угла в угол.

— Ну и как все это понимать?! — неожиданно рявкнул он.

Турунж вздрогнула.

— Только не кричи. Детей испугаешь. Что не так, Эрзол?

— Что ты творишь?..

— Я тебя не понимаю, Эрзол. — Турунж уложила младшего сына в кроватку и встала напротив мужа, как львица.

— Ты как разговариваешь с моей матерью?! Ты пойми. Это моя мать. Мо-я!!!

— Но она ко мне постоянно цепляется. Постоянно. Что бы я ни сделала.

— Да врешь, не цепляется она к тебе.

— Ты этого не видишь.

— Как я этого не вижу?! Она кроме ласкового слова ничего произнести не способна.

— Плохо же ты ее знаешь!

— Не смей так говорить про мою мать, слышишь?! Запрещаю!

Эрзол тяжело задышал. Ни слова не говоря, развернулся и выскочил из комнаты, хлопнув дверью. Пошел опять на половину Хаво.

С матерью Эрзол чувствовал себя комфортно. Она ласково ему улыбалась, и сын сразу забывал о всех неприятностях. Жена не была ему так близка, как Хаво. С Турунж его связывали общие дети, но полюбить ее, как мать, сильнее матери, у него не получилось. И если Хаво выступала против невестки, значит, последняя была в чем-то виновата. В этом заключалась простая логика любящего сына.

Тот вечер и закончился тем, что Турунж пообещала больше не перечить матери Эрзола.

Теперь она все реже выходила вечерами встречать своего мужа после работы. Разрываясь между двумя детьми, моя мама уступила Хаво право заботиться об Эрзоле, моем отце, тем более что это на время прекратило выяснение отношений. Но только на время.

Однажды Эрзол пришел вечером и сел ужинать. Хаво поставила перед ним тарелку, положила нож, вилку, отправилась к буфету за чашкой. Все приготовления она проделывала, не произнося ни слова.

Эрзол удивленно посмотрел на нее.

— Ты чего молчишь, мама?

— Мне велели заткнуться.

— Опять? Но я же говорил ей!!! — Эрзол вскочил из-за стола. — Она мне клялась, что больше не будет оскорблять тебя! Как она посмела!

— Сынок, успокойся.

— Нет, я этого так не оставлю!

— Сынок, остынь.

Хаво сама не ожидала, что ее слова вызовут такую ярость.

— Расскажи, что произошло?

— Да как обычно. Садуг заплакал, я кинулась к нему, хотела ей помочь, твоя его схватила, к себе прижала, будто я, родная бабушка, могу ему что-нибудь плохо сделать. А она как закричит: «Я сама с ним справлюсь». Я ей говорю: «Дай ребенка! Его переодеть надо!» А мне в ответ: «Я сама знаю!» И в крик ударилась.

Эрзол тяжело задышал. Хаво продолжала:

— Я пятерых таких подняла. А она мне говорит, что я ничего не понимаю. Потом и вовсе велела заткнуться.

Эрзол пришел после застолья, в голове его еще шумели тосты, в крови гуляли винные пары. Обида за мать сделала свое дело. Глаза Эрзола налились кровью. Если бы он мог на мгновение предположить, что Хаво бывала

несправедлива к Турунж, возможно, ничего бы не произошло. В разогретом алкоголем сознании Эрзола что-то помутилось. Он смотрел, как Хаво с трудом поднимала тяжелое ведро.

— Оставь, есть и помоложе, кто сумеет это сделать! Пусть Турунж потрудится, — остановил Эрзол мать.

— Пожалуй, от нее дождешься... — горестно возразила Хава.

Эта фраза стала последней каплей. Эрзол стремительно поднялся с места и вышел из столовой. В этот момент Турунж пеленала меня, ее сына. Отец резко толкнул дверь. Моя мама вздрогнула и прижала к себе ребенка:

— Что случилось?

Прямо перед ней с красным от гнева лицом стоял Эрзол.

— Ты посмела опять кричать на мою мать?

С этими словами подлетел к Турунж и с размаху ударил ее по лицу. Будто тысячи огней взорвались в ее голове.

Молодая женщина закричала. И тут удары посыпались один за другим.

— Я тебя научу, я тебя научу! Не смей кричать на мою мать!

Она пробовала закрыться, но тяжелый кулак Эрзола точно бил в цель. Она закричала:

— Спасите! Убивают!!!

Хава услышала пронзительный крик невестки и испугалась. В этот момент распахнулась дверь на улицу. Это с работы вернулся Нахамьё. Пронзительный крик Турунж врезался ему в уши. Так кричали женщины во время войны, когда получали похоронки. Он в ужасе бросился туда, откуда доносились вопли — в комнату сына, — и остолбенел. Такого в его доме никогда не случалось. Эрзол бил Турунж.

— Ты что делаешь?! — заорал Нахамьё.

Он бросился к сыну, перехватил его руку и оттащил от Турунж.

— Ты что делаешь?! Ты понимаешь, что это мать твоих детей!!!

Нахамьё что-то продолжал кричать. Эрзол не слышал. Перед глазами его стоял туман. Нахамьё схватил сына за ворот рубашки, сильно встряхнул.

— Приди в себя!

Тот, тяжело дыша, вдруг замер. Непонимающе посмотрел на отца.

— Ты что творишь?!

Эрзол словно почувствовал себя маленьким мальчиком. Гнев его испарился. Он обернулся в сторону Турунж. Она без сил лежала на полу. Лицо ее было залито кровью. Эрзол посмотрел на отца, увидел в проеме двери мать и выскочил из комнаты. Помчался на кухню. Вылил себе на голову ковш холодной воды и опустил на стул.

Как же ему все надоело! Он хотел закричать во все горло. Если бы это могло хоть что-то исправить! Все его несчастья происходили из-за того, что отец ошибся! Эрзолу так хотелось жить вольным человеком, работать от всей души, веселиться от всего сердца, а его с юных лет заставили нянчиться с женой, учить ее уму-разуму.

Ласковая рука легла на его плечо. Это была Хаво.

— Сыночек! Выпей воды. Успокойся.

Только мама всегда оставалась на его стороне, только она его понимала. Нет, никого лучше этой женщины ему не сыскать. Эрзол уткнулся в живот матери, как в детстве.

На кухню влетел Нахамьё.

— Что здесь происходит?!

Впервые Хаво видела его в таком состоянии.

— Что ты творишь??!

Нахамьё, который никогда в жизни пальцем не тронул своего сына, готов был отходить его ремнем. Глава семей-

ства со всего размаху ударил кулаком по столу. Происшедшее не укладывалось в его голове.

— Все посходили с ума, что ли? — бросил он Хаво. — Почему ты мне не рассказывала, что творится в нашем доме? Я думал, у Эрзола все с женой нормально! Что у вас происходит? Почему ты поднял руку на кормящую мать?!

Эрзол усмехнулся. Его злость прошла. Он даже не помнил повода, который привел его в такое бешенство. Он только помнил, как сильно хотел наказать Турунж, чтобы она больше так не делала, чтобы не смела оскорблять его мать.

— Ты знаешь, как она говорит с нашей матерью?

— Да пусть они между собой разбираются. Ты чего лезешь? Это их дела! — повернулся он к Хаво.

— Но, отец...

— Молчи! Что угодно говори, но бить ее я не позволю!

Турунж слышала из-за стены перебранку на кухне. Слышала и не понимала. Почему они кричали? Отчего?

Разве это ее дом? Ей сказали, что у нее тут нет никаких прав. Кто это сказал? Эрзол? Этого не может быть. Он же ее муж, отец ее детей.

Если это не ее дом, тогда где? Где-то он должен быть. Надо идти туда, домой, спастись!

Турунж рванула тугой воротник платья, ей было нечем дышать. На воздух, скорее на воздух, пока она не задохнулась от слез.

— Нет, — простонала она. — Нет!

Кому она это говорила? Что хотела забыть? Она и сама не нашла бы, что ответить.

— Нет, нет, нет... — опять повторяла она.

Турунж хотела бы вычеркнуть из своей жизни этот вечер, эту боль, — все, все, все... Повернуть время вспять, начать все сначала.

— Мама, — слабо позвала Турунж.

Быстрее к матери — она спасет, защитит! Она снимет эту страшную боль.

Пошатываясь, она двинулась к двери. Турунж потянула с вешалки плащ, вышла во двор. Холодный воздух остудил разгоряченное лицо.

«Быстрее домой», — с этой мыслью она закрыла за собой ворота.

Турунж не слышала шороха гравия под ногами. Она шла вперед, как ей казалось, очень быстро. Ветер дул ей в лицо, словно хотел задержать. Иногда она как будто слышала за своей спиной пронзительный крик Эрзола: «Как ты разговариваешь с моей матерью!», в испуге оборачивалась и старалась прибавить шаг.

Турунж повернула на знакомую улицу, вошла в родительский дом и тут почувствовала, как все начало плыть у нее перед глазами. Турунж зажмурилась, инстинктивно закрывая лицо рукой, и со всего размаху грохнулась на пол в беспамятстве.

Очнулась она оттого, что ей брызгали в лицо водой. Она разлепила веки и увидела склонившееся над ней лицо Мельке.

— Мама, — прошептала Турунж.

Больше она ничего не смогла сказать.

Мельке смотрела на окровавленное лицо дочери и ничего не понимала.

— Что с тобой сделали? — прошептала она в ужасе. — Кто? На тебя напали?

На ее крики выбежал Хезгиё. Увидев распростертую на полу дочь, он тоже закричал. Все страхи и ужасы революции и войны ворвались в его память.

— Тося, Тося! — закричала Мельке.

Из кухни выбежала Тося с полотенцем в руках. Увидев Турунж, она тоже завопила. Вдвоем с Мельке они кое-как подняли избитую женщину, отвели в комнату, уложили на кровать.

Тося уже успела принести мокрое полотенце, стала оттирать кровь с лица Турунж. Та подняла руку, слабо покачала ею перед собой, мол, не трогайте меня. Ее трясло. Она ничего толком не могла объяснить.

— Мама, мама... — прошептала она горько, и тут же озноб охватил все ее тело.

Она застучала зубами, так что не смогла больше произнести ни слова. Слезы железным обручем сдавливали ей горло, и она опять начала задыхаться.

— Доченька, доченька! — закричала в испуге Мельке, стала дуть в лицо дочери, махать полотенцем, нагоняя воздух.

— Кто это сделал?

Турунж покачала головой:

— Не знаю.

Она хотела сказать больше, но не могла найти слов. В самом деле, кто это сделал? Она уже сомневалась, что это все произошло с ней. Эрзол так не мог поступить.

— Это все они... — тихо повторяла Турунж, захлебываясь. Потом поняла, что скрывать больше ничего не имело смысла: — Эрзол...

И тут словно прорвало. Она начала рыдать, слезы потекли из глаз. Она схватила мать за руку и прижала к своей груди.

— Мама, мама!

Ошеломленная Мельке смотрела на дочь, на ее окровавленный лоб. Она не знала, как поступить.

— Как такое могло случиться? — повторяла она снова и снова.

— Эрзол не виноват... Это все она, она! — кричала Турунж в истерике...

— О ком говорит?... — спросил Хезгиё, который стоял рядом.

— Надо ее везти в больницу, срочно!

По счастью, в это время домой вернулся Даниил, который тут же прибежал в комнату, где лежала Турунж. Поняв, в чем дело, он крикнул:

— Я сейчас, — и убежал искать машину.

Турунж медленно подняли под руки и осторожно повели. Мельком женщина увидела свое отражение в зеркале. Зареванная, в кровоподтеках... Затем Турунж, Мельке и Хезгий уселись в машину и помчались по темным улицам. Автомобиль, попетляв по переулкам Махачкалы, затормозил у ярко освещенного подъезда двухэтажного здания городской больницы.

Там избитую проводили в кабинет дежурного врача, в котором неприятно пахло карболкой, и уложили на кушетку. Через минуту вошел и сам доктор.

Добродушный седовласый мужчина с усами сразу назвал Турунж дочкой и попросил не стесняться и рассказать все, что с ней приключилось. У нее распухла верхняя губа, и говорить было больно. Доктор внимательно осмотрел молодую женщину и озабоченно покачал головой.

Наконец он попросил Турунж осторожно подняться с кушетки и попробовать сесть перед ним на стул.

— У вашей дочери сотрясение мозга и множественные ушибы, — сказал врач, выходя из кабинета и обращаясь к родителям Турунж. — Еще немного, и она не сидела бы тут, а лежала бы без движения. Вы знаете, кто это сделал?!

Повисла пауза.

— Так вы не знаете, кто это сделал?! — повторил настойчиво доктор.

— Мы не знаем, она прибежала домой и потеряла сознание на пороге, — торопливо сказала Мельке, искоса поглядев на Хезгий.

Муж послушно согласился с тем, о чем решила умолчать жена.

— Она живет с вами?

— Да. То есть нет, — поправились Мельке. — Живет она в доме своего мужа, но сейчас у нас.

— Так кто ее так отделал? Муж? — спросил вдруг врач, пристально глядя на Хезгийё.

Тот замер, открыв рот и недоуменно переводя взгляд то на Мельке, то на доктора.

— Нет, что вы!

Мельке собиралась еще что-то сказать, но доктор прервал ее.

— Понятно, — с чем-то мысленно соглашаясь, закивал доктор.

— Что понятно? — испуганно спросила Мельке.

— У вашей дочери шок. Вот что мне понятно. Ей отлежаться надо, необходим полный покой, — снисходительно объяснил врач. — Дома условия есть? Или в больницу класть будем?

— Какую больницу? Конечно, дома! — обиделась Мельке.

— Значит, так. Вы ее сейчас домой забираете. Будете делать ей примочки вот этой настойкой, — доктор протянул Мельке рецепт, — а завтра и послезавтра надо будет сменить повязку.

Мельке засуетилась. Бросилась благодарить доктора, пока Хезгийё помогал дочери натянуть плащ.

— И вот еще что... — обратился к Мельке доктор. — Если вы вдруг захотите вспомнить, кто чуть не покалечил вашу дочь, я напишу справку о побоях. Завтра пойдете с ней в милицию.

Мельке, не глядя на доктора от смущения, закивала. Врач протянул листок Хезгийё. Тот торопливо сложил его вчетверо и сунул в карман пиджака.

Домой они добрались глубоко за полночь.

Увидев Турунж, все домочадцы облегченно вздохнули. Обессиленную женщину уложили спать. Потом потихонь-

ку уgomонились и остальные взрослые. Только Мельке и Хезгий все никак не могли успокоиться и уединились на кухне.

— Не понимаю, зачем ты сказала, что на Турунж напали?

— А ты хотел, чтобы я сразу заявила, что это сделал ее муж, и его бы забрали?

— Нет. Но... — Хезгий заволновался. — Ты понимаешь, что произошло? Турунж!.. Прибежала к нам... Потому что ее избили там... — Хезгий кивнул в сторону дома Бабаевых. Он кипел от гнева.

Мельке посмотрела на мужа с укором.

— Ведь Нахамье не такой... — не унимался Хезгий.

— Как бы там ни было, в последнее время отношения Турунж и Эрзола совсем не ладились.

— Что между ними произошло? Ты что-то знаешь? Рассказывай.

— Турунж мне на Хаво жаловалась. Я надеялась, что все образуется.

— Так они из-за его матери?..

— Откуда я знаю?!

Хезгий, не дождавшись объяснений, снова прервал молчание Мельке:

— И что теперь будет?

Мельке опять вздохнула:

— Не знаю, что там у них случилось, но, понятно, не от хорошей жизни.

— Что теперь-то делать? — переспросил Хезгий.

— Надо их мирить. Надо, чтобы она образумилась.

— Да она-то здесь при чем? — рассердился Хезгий!

— А ты не знаешь? В доме все от жены зависит. Захочет, мир будет. Захочет, война.

Нахамье помолчал, почувствовав скрытый намек. Мельке была права. И тут он всплеснул руками:

— А за детьми кто смотреть будет?

При слове «дети», словно она могла слышать, в своей комнате беспокойно заворочалась во сне Турунж.

— Наверное, с Эрзолом. Хаво за ними присмотрит, я думаю, — беспокойно ответила Мельке.

— Дети должны быть с матерью, — заволновался Хезгиё.

— Да-да! Я думаю, что мы должны их забрать. Вот только что делать будем, если не отдадут?

— То есть как не отдадут? Дети должны быть с матерью. Завтра же пойдем и заберем.

— Ты только не вздумай в милицию идти, — испугалась Мельке. — Это их дело, семейное, пусть сами и разбираются. А милицию сюда привлекать нечего. Что бы ни произошло, но Эрзол остается мужем и кормильцем. Его заберут, и некому будет прокормить семью.

— Да как же они будут жить после такого?!

— Ничего, будем молиться. Может, все образуется. Пройдет время... Нахамьё поговорит с Эрзолом, вразумит его. Не может же он быть таким зверем...

Мельке горестно вздохнула:

— Главное, завтра детей забрать! Они ни в чем не виноваты. Прямо с утра пойдем. Турунж пусть спит. А там, глядишь, дело само и сладится.

Утром, чуть свет, Мельке и Хезгиё собрались к Бабаевым за детьми. На сердце у родителей Турунж скребли кошки.

Дверь им открыла Хаво. Прямо с порога, не дав ей опомниться, Мельке начала кричать:

— Как он мог поднять руку на кормящую мать!

Хаво стояла, не зная, что возразить. Перед родителями Турунж она чувствовала себя виноватой. На шум вышел Нахамьё и, понутив голову, остановился позади Хаво. Мельке не унималась, распаляясь от собственного крика:

— Только из-за тебя, Нахамьё, я не сказала врачу, кто это сделал. Советовал сдать в милицию... За такое сажают! Где дети?! Мы их забираем, будут жить у нас!

Нахамьё и Хаво молча слушали гневные выпады Мельке.

Эрзол в тот день вернулся домой поздно вечером.

На кухне его уже ждала Хаво.

— Они забрали детей, — начала она с порога.

— Кто?

— Родители Турунж.

Эрзол на это ничего не ответил.

— Садуга надо кормить пять раз в день. Разве она будет это делать? — неожиданно в сердцах воскликнула Хаво. — Конечно же не сможет.

Эрзол молча ел и только изредка хмурился. Было заметно, насколько ему неприятен весь этот разговор.

Услышав голос Хаво, в кухню вышел Нахамьё.

— Ты должен пойти и попросить у них прощения.

Эрзол продолжал молча есть.

— Ты должен пойти и попросить у нее прощения. Ты что, не слышишь?

— Слышу, — пробурчал Эрзол.

— Тогда не сиди! Иди! — немного успокаиваясь, произнес Нахамьё. — Это хорошо, что они не пошли в милицию... Посадили бы тогда тебя!

— Не хочу я больше ничего! Ушла, значит, ушла. Один жить буду, как раньше...

— Нет, Эрзол, как раньше, ты жить не будешь. Что хочешь делай, но ты обязательно должен пойти к ним и заглаживать вину.

На следующий день после работы Нахамьё дождался, пока из бухгалтерии уйдут все посетители, и решительно постучался в кабинет к Ане. Увидев Нахамьё, она нахмурилась. Нахамьё помолчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Я присяду? — спросил он, чего прежде никогда не делал.

— Да, конечно, Нахамьё.

— Много работы? — сочувственно спросил Нахамьё.

— Сам знаешь, конец квартала.

Нахамьё кивнул. Снова повисла пауза.

— Мне очень больно оттого, что произошло между нами, поверь, — начал Нахамьё. — Ты знаешь, как хорошо я отношусь к вашей Турунж.

Аня взяла в руки какую-то бумажку, потом в сердцах кинула ее на стол.

— Я не понимаю, как такое могло произойти в твоём доме, Нахамьё!

— Аня, я сам переживаю за Турунж...

— Нахамьё, нам предлагали написать на него заявление, — сердито бросила Аня.

— Поговори со своими родителями, я готов уладить все... Я только за то, чтобы они помирились. Всегда мечтал, чтобы у моего сына была крепкая семья.

— Она боится возвращаться к нему, говорит, что Эрзол убьёт.

— Я поговорю с ним. Я не позволю поднимать руку на Турунж.

— Я передам сестре и родителям твои слова, Нахамьё, — ответила Аня и сделала вид, что с головой погрузилась в свои отчеты.

На том и расстались. Аня начала собираться домой. Заночевать решила у родителей. Ей надо было рассказать им о визите Нахамьё.

Как дочь и предполагала, стариков эта новость порадовала. Значит, не одни они стремились к миру. Были у Турунж союзники и на половине Бабаевых. Больше всего на примирение надеялась Мельке. Она верила, что все образуется и у молодых — Эрзола и Турунж — еще все

устроится. Какие их годы? Стерпится — слюбится! Единственное, чего она не учла, так это строптивного характера Турунж и материнскую любовь Хаво.

Тем временем дела Турунж пошли на поправку. С ее лица почти совсем сошли синяки и ссадины, перестала кружиться голова. И Мельке решила, что ей пора поговорить с дочерью.

Вечером, когда все в доме разошлись по комнатам и дети уже спали, мать подошла к Турунж.

— Спят? — кивнула она на малюток, которые лежали в кроватке рядом с Турунж.

— Да, — улыбнулась дочь.

— Что дальше делать собираешься?

— Не знаю, мама.

— Но ты понимаешь, что так не может продолжаться вечно.

— Что?

— Ты должна сохранить семью. Это главное. Тебе надо к нему... — Она сделала ударение на последнем слове. — Вернуться.

— Я не пойду к Эрзолу!

— Что значит «не пойду»? — удивилась Мельке. — Он твой муж. Содержит вашу семью, выполняет свой долг. Чего еще надо? Без него никуда.

Турунж посмотрела на нее ясными, широко открытыми глазами.

— Я боюсь его, мама! Он налетел на меня как бешеный! Ты не знаешь, что это такое! Это было страшно, мама! Я больше не переживу такого!

— А ничего больше и не будет подобного, моя хорошая! — Мельке прижала дочь к груди. — Ты только меня послушай. Ты же знаешь, как мы живем, — еле концы с концами сводим. Мы всегда будем тебе помогать. Аня, Даниил всегда рады тебя поддержать, но они же не могут

вечно тебе деньги давать. Пройдет немного времени, и возвращайся.

— Но мама! Дело не только в Эрзоле.

— А в ком?

— В Хаво.

— При чем здесь Хаво? — Мельке посмотрела удивленно на Турунж. Взгляд ее стал суровым. — Тебе надо найти с ней общий язык, и все!

— Это не все, мама! Разве ты не понимаешь?! Это Хаво настроила против меня Эрзола. Она, и никто другой. Она всегда мной недовольна, а Эрзол ее слушает. Если Хаво ему скажет: «Убей!», он меня убьет. Я это чувствую!

От прежней Мельке не осталось и следа.

— Не говори глупостей. Ты даже вечернюю школу не окончила. Профессии нет. Как же мы прокормим тебя и твоих детей? Нужно, чтобы ты вернулась к мужу. Ради детей.

Турунж уронила голову на руки. Видно было, как мучительны ее раздумья. Сердце подсказывало ей одно, голос разума говорил другое. Как поступить? Чьего совета послушаться?

— Мама, и все равно мне страшно. Я не знаю, почему он таким стал, — сказала она устало.

— Знаешь или не знаешь, а возвращаться все равно надо. Ты должна быть рядом с ним. Только так у вас все восстановится. А как иначе?

— Хорошо. — Турунж обреченно кивнула. — Я вернусь. А если Эрзол снова начнет?

— Не начнет, — отрезала Мельке. — Вот увидишь, не начнет.

На том они разговор и закончили.

Ночью Турунж долго не могла уснуть, все ворочалась с боку на бок, думала, может быть, в самом деле вернуться. И все образуется и пойдет на лад. Но на душе у нее как будто кошки скребли.

В доме на улице Ермошкина тоже было не все спокойно, несмотря на гробовую тишину, которая воцарилась в доме, после того как детей забрали Абрамовы.

Иной раз, проходя мимо опустевшей комнаты сына, Хаво нет-нет да и останавливалась по старой памяти, прислушиваясь, не услышит ли лепет Садуга или плач Одома. Помимо своей воли, она скучала по внукам.

Это открытие ее поразило. Когда их забрали, она все чаще и чаще стала вспоминать малышей и тосковать по ним.

Однажды вечером Хаво завела после ужина разговор с Эрзолом:

— Что же теперь будет?

— Мама, по-моему, отец сильно ошибся.

— В чем?

— В моей женитьбе.

— То есть как?! — всплеснула руками Хаво.

— А вот так. Надоело все — склоки, ругань. Я хочу спокойно приходить в свой дом и не ждать каждый раз очередного разбирательства или скандала!

Хаво замерла. Неужели родной сын сейчас ее упрекает?

— Не хочу я с ней жить.

Хаво облегченно выдохнула. К сожалению или счастью, но Хаво придерживалась того же мнения: во всем была виновата Турунж. Она посмотрела на сына. Увидела его ссутулившуюся спину, поникшую голову. Ну почему на его долю такое выпало? Почему ему досталась строптивая женщина? Если он решил окончательно расстаться с ней, что ж, так тому и быть. Она перечить не будет. Эрзол сам решил. Она его к разводу не подталкивала. Сам ей сказал четко и определенно.

Хаво положила ему руку на плечо.

— Успокойся, сынок. Все образуется.

— Хотелось бы, — пробормотал Эрзол, резко встал, словно куда-то торопился, поцеловал мать и ушел к себе.

Хаво осталась одна, привычно хлопоча по хозяйству. Только все равно на ее душе было беспокойно.

Дни потекли, как и прежде. Больше всего Хаво беспокоило то, что Эрзолу уход жены не принес ожидаемого облегчения. Что-то терзало его. Что именно, она понять не могла. Не мог бы ответить на этот вопрос и сам Эрзол.

Встречая на работе Аню Щербатову, он ловил на себе ее неприязненные взгляды. Оставаясь наедине с отцом, только и слышал: «Ты должен пойти извиниться!», а извиняться Эрзол не хотел. Он не чувствовал себя виноватым и не думал о примирении.

Они с Турунж разные люди, как огонь и вода. Где это видано, чтобы мужа и жену насильно сводили против их воли? Единственное, чего он иногда опасался, так это того, что Абрамовы все-таки захотят заявить о произошедшем в милицию.

Как-то он поделился своими опасениями с матерью. Хаво успокоила сына:

— Оставь! Нахамьё обо всем позаботился. Нет уже ничего. Все давно зажило. Что она предъявит?

— Ну, говорят, они провели медицинское освидетельствование.

— И что с того? Забудь о справке. Не пойдет она никуда жаловаться.

Нахамьё постоянно заводил речь о том, что сын непременно должен пойти и извиниться. Эрзолу вся эта история стала поперек горла. Ни минуты он не знал покоя. День и ночь размышлял, как поступить.

Выход для него оставался только один — бежать. Подальше от опостылевшей семьи, подальше от склок и скандалов. Только куда?

XXI

Однажды Эрзол обедал в столовой со своим однофамильцем Михаилом Бабаевым, который работал в той же артели, что и он.

Пряатель рассказывал о своем путешествии в Курск.

— Понимаешь, старик, на чепухе попался.

— Что такое? — лениво спросил Эрзол, тоскливо глядя в окно.

— Чтобы оправдать дорогу, взял с собой на продажу пару тапок. На рынок пришел, встал, торгую, вдруг милиция, облава. Представляешь...

— И что с того? Свернул бы лавочку и ходу оттуда...

— Я так и поступил, но милиции столько было! Ну, меня и задержали как спекулянта... Представляешь, в какую передрагу я попал?

— Да, брат, влип ты.

— Составили протокол. Представляешь?

— Даже не хочу представлять. И что?

— Отпустили. Я плакать начал, что первый раз. Мол, голод заставил, и все такое. Но только протокол о задержании они все равно в наше районное отделение пришлют.

— И что? — окончательно потеряв интерес к рассказу друга, тоскливо спросил Эрзол.

Ничего страшного он в этой истории не видел.

Его снадали другие проблемы, куда серьезнее.

— А то, что плохо теперь мне будет. Придет бумага в наше отделение милиции, так, мол, и так, спекулянт Бабаев. Просим разобраться. Спекулировал на базаре тапочками. Представляешь? Если начнут раскручивать, могут и посадить. Это дело нешуточное.

— Понятно, что серьезное. А что делать?

— Бежать надо.

— Бежать? — присвистнул Эрзол. — Я бы тоже хотел. Да только куда?

— Куда? — Миша загадочно улыбнулся. — Не слышал, что ли? В армию.

И он стал рассказывать.

Как раз в 1949 году был принят закон о всеобщей воинской обязанности, по которому все молодые люди, достигшие 18-летнего возраста, призывались на три года. Это был первый послевоенный призыв в армию.

— Понимаешь? — закончил Мишка. — Если призовут на службу, то прощай, милиция. Ты Родину защищаешь! Весь вопрос, как туда попасть?

— Куда?

— В армию. У меня же паспорта нет.

— Не бойся. Это мы придумаем.

Неподдельный энтузиазм Михаила невольно передался и Эрзолу. Вернувшись домой, он глубоко задумался.

Почему бы нет? Все его семейные обстоятельства показались такими простыми и легко разрешимыми. На работе перестанут смотреть волком... Эта Аня метала в его

сторону такие взгляды, что плохо становилось. И отец пилить прекратил бы... Одна Хаво грустить будет. Ничего, попечалится и перестанет. В конце концов, он же не на всю жизнь идет, всего лишь на три года.

С этой мыслью Эрзол заснул. Когда наступило утро, он осознал, что нашел единственный выход из создавшейся ситуации. И за завтраком Эрзол объявил родителям, что уходит в армию. Отец препятствовать не стал, а Хаво сначала испугалась. Еще были живы воспоминания о войне, и армия в ее сознании прочно соединилась со страхом смерти, который пришлось пережить многим. Она начала плакать, умолять сына этого не делать, но тот быстро успокоил мать, объяснив, что служба в современной армии ничуть не опаснее жизни на гражданке.

Эрзол вместе со своим другом-однофамильцем в тот же день отправились в военкомат. Зашли в кабинет военного комиссара и сообщили, что хотят идти в армию. Военком потребовал паспорта. Эрзол протянул один на двоих.

— А второй? — удивленно спросил офицер.

— Так он тоже Бабаев.

Слово за слово парни так задурили голову военному, что тот почел за благо выдать обоим повестки с предписанием через неделю явиться на сборный пункт.

Эрзол домой не возвращался, а летел на крыльях.

— Ну, вот и все, кончилась моя вольная жизнь. Через неделю отправляют в часть! — заявил он с порога отцу.

— Так быстро?!

— Зато тут все поутихнет, пока меня нет. Тем более по новому закону всех забирают. Никуда не деться. Так что тянуть смысла нет...

Отправили новобранцев служить в Туркмении. Большинство призывников было из дальних аулов, русского

языка почти никто не знал, но традиции отцов они почитали свято. В дорогу призывникам-мусульманам в качестве сухого пайка выдали свиную колбасу. Так в армии политработники понимали антирелигиозную пропаганду. Дагестанцы, которых было большинство, к ней и не притронулись. Тогда Эрзол вместе с Мишей Бабаевым решили ею распорядиться по-своему.

Во время остановки в Баладжари они вышли из поезда, прихватив с собой два ящика колбасы, взяли машину, поехали в Баку и на рынке продали оба ящика какому-то спекулянту. Радуюсь успешной сделке, друзья решили зайти в чайхану перекусить, а когда вернулись на станцию, состава на перроне и след простыл.

Эрзол и Миша переглянулись. Перспектива быть записанными в дезертиры не устраивала. Они бросились к дежурному по вокзалу, стали выяснять, что случилось. Оказалось, призывников пересадили в грузовики и отправили в морской порт. Тогда Эрзол с Михаилом поймали попутку и помчались туда. Еще издали друзья заметили пароход, на палубе которого толпились новобранцы в дагестанских папахах.

— Нам туда! — закричал Эрзол водителю, указывая на корабль, готовый к отплытию.

Матросы уже убрали трап, когда на пристани появились две фигуры, бегущие со всех ног к отходящему судну. Только тогда, когда парни ступили на палубу, корабль, дав отчаянный гудок, отчалил от пристани.

Сутки плавания, и зеленые от морской болезни новобранцы сошли на берег в порту Красноводска. Оттуда их пешим ходом направили на железнодорожную станцию и посадили в теплушку. Ночь они провели в пути, а в пять утра раздалась команда: «Всем выйти из вагонов! Стройся!»

На перроне офицеры провели переключку, призывников разбили на группы, и по команде: «Рота, вперед!»

новоиспеченные солдаты двинулись к месту прохождения срочной службы. Нестройными рядами они прошагали мимо лагерной зоны с вышками и вскоре оказались на территории воинской части. Там всех новобранцев отправили в баню, затем выдали солдатскую форму, не новую, но чистую.

— Деньги и часы сдать начфину! — прокричал начальник карантина, и все послушно пошли выполнять приказание.

Когда очередь дошла до Эрзола, он спокойно выложил на стол деньги, которые ему дала с собой Хаво. У начфина глаза чуть из орбит не вылезли, когда он увидел толстую пачку, перетянутую резинкой.

Пересчитав купюры, он прошептал:

— Восемь тысяч?!

Эрзол молча кивнул.

— Такие деньги я не приму.

— А куда мне их девать? — удивился Эрзол.

Начфин посмотрел на новобранца с опаской. Призывник с такими суммами в кармане попался ему впервые.

— Иди к начальнику карантина.

Тот тоже подивился состоятельности рядового, подозвал к себе старшину, велел отвести в сберкассу, чтобы новобранец положил деньги на счет.

Эрзол и его сопровождающий потопали в соседний городок. К слову сказать, помимо местного населения, там было много так называемого нетрудового элемента, как в те годы называли зэков и «врагов народа», которых определили на поселение. Неподалеку располагался и сам лагерь, так что из любого места в городе хорошо были заметны тюремные вышки, которые солдатам-новобранцам служили своеобразным ориентиром.

— Может, позавтракаем? — предложил мой отец старшине, выразительно кивнув на увесистую пачку денег.

— Давай, — согласился старшина.

Они зашли в какой-то ресторанчик, заказали хороший обед. Затем старшина пригласил новобранца к себе в гости. Там их встретила девушка (то ли жена, то ли гражданская спутница военного), накрыла на стол. Все, как полагалось: закуска, выпивка. Сели за стол. Сколько сидели, Эрзол не помнил. Прилег отдохнуть, проснулся, а старшины нет. Что делать? Вдруг его в части хватятся!

Эрзол выскочил из дома. На дворе стояла глубокая ночь, куда идти, было не понятно. Даже названия города, и то не знал, не то что номер части. Вспомнил только, что проходили мимо лагерного забора. Начал метаться по ночным улицам города. Прохожих попадалось мало, и те, кто встречался на пути, после его вопроса: «Где у вас тут тюрьма?» — шарахались от странного солдата как от прокаженного. Только под утро какой-то местный забулдыга объяснил, как добраться до лагеря. Попад в наконец в часть, Эрзол зашел в каптерку старшины и завалился спать.

Проснулся он часов в двенадцать дня, вышел из комнаты, а в казарме ни души. Что за дела? То он бегал от части, то часть от него. Зашел в столовую — там чистые столы, и тоже никого, словно во сне. Побродив по казарме, вернулся Эрзол в каптерку и снова уснул. Часа через два открылась дверь, и в комнату зашел негр.

От неожиданности Эрзол вскрикнул. Пригляделся, перед ним стоял знакомый старшина, только почему-то весь черный.

— Ты зачем в негра перекрасился?

Старшина расхохотался. Оказывается, вечером по тревоге подняли всех новобранцев и велели разгружать уголь из прибывшего состава. Старшина — душевный человек, уехал выполнять приказ и попросил подругу не будить Эрзола.

Так Эрзол избежал первой рабочей повинности.

После того как старшина принял душ, они опять отправились в город, поскольку до сберкассы первый раз так и не добрались. По дороге его провожатый встретил знакомого офицера. Эрзол с любопытством смотрел по сторонам, — все-таки первый раз в Средней Азии. Все вокруг было в диковинку. Вдруг заметил, что в одной из витрин висят кителя и сверху вывеска: «Мастерская военторга. Пошив одежды». Эрзол обрадовался, будто знакомых встретил. Стало любопытно. Недолго думая, боец нырнул в дверной проем ателье.

За прилавком сидел туркмен. Глаза раскосые. Лицо смуглое. На голове тубетейка. Все, как положено. Эрзол широко улыбнулся:

— Здорово, друг, — и с ходу рассказал, что он закройщик первой категории.

Туркмен обрадовался.

— Дарагёй. У нас такой мастер, как вода в пустынь нужна. Пошли, — говорит, — к началник военторга.

Не успели они за прилавок зайти, как откуда ни возмись перед новобранцем вырос офицер. Эрзол равнодушно на него посмотрел и хотел пройти мимо. Он еще не знал устав, а офицер очень удивился, что младший по званию к нему так непростительно равнодушен. Душа старшего по званию такое поведение одобрить не могла.

— Рядовой, — гаркнул офицер, — почему не приветствуете?

— Чего?.. — не понял отец.

Глаза у офицера налились кровью.

— Вашу увольнительную!

— У меня нет...

— Из какой части?

— Не знаю. — Отец растерялся. — Там тюрьма рядом, от забора дорогу покажу, а так...

Большей расхлябанности придумать было нельзя.

— За мной, — сурово сказал офицер.

Пришлось Эрзолу проследовать за ним в комендатуру.

Только минут через тридцать за своим рядовым приехал начальник карантина. Он был вне себя от ярости. Все, о чем он думал, было понятно без слов.

— Бабаев — разгильдяй!.. — загремел он, выстроив новобранцев на плацу.

Этого слова Эрзол не знал, но понял, что его не хвалили. Однако, когда последовала команда «разойтись», начальник карантина неожиданно остановил нарушителя и уже другим, дружелюбным голосом произнес:

— Бабаев, пойдем-ка со мной.

Так Эрзол оказался дома у командира воинской части полковника Денисова.

— Ну-у... — Командир внимательно посмотрел на Эрзола. — Слышал я, где тебя задержали. В мастерской военторга. Что умеешь?

— Я три года работал закройщиком мужской и женской верхней и военной одежды, — ответил отец.

— Н-да? — спросил он обрадованно. С прищуром посмотрел на бойца: — Не врешь?

— Да вы что, товарищ командир!

— Ну, тогда пошли ко мне.

Дома полковник достал отрез дорогой ткани.

— Видел такую когда-нибудь?

— Конечно. Я и подороже видел.

— Сможешь сшить из нее брюки?

Это была проверка. Эрзол огляделся по сторонам. Заметил, что на полу в углу стояла швейная машинка.

— Сантиметр есть и кусочек мыла?

Полковник принес.

Эрзол разложил перед собой ткань, начертил на ней мылом выкройку галифе, взял ножницы...

— Рядовой Бабаев! — Полковник испуганно замахал руками. — Это же дорогая ткань! Ты что же, вот так на глазок будешь резать? Может, мерку с меня снимешь сначала?

Эрзол посмотрел на него изумленно. Развел руками.

— Товарищ полковник. Что вы переживаете? Я вашу ткань не испорчу. Если что не так получится, оплачу. Вы же знаете, у меня деньги есть.

— Ну, делай как знаешь.

Подивившись на безрассудного, как ему казалось, новобранца, полковник отправился по делам службы. Эрзол тем временем раскроил ткань, сел за машинку. На шитье брюк ему требовалось не больше трех-четырех часов. В общем, к приходу Денисова военные галифе были готовы.

Полковник вернулся домой, вошел в комнату и остолбенел. На спинке стула висели новенькие галифе, как в сказке. Офицер недоверчиво покосился на Эрзола, потом дотронулся до обновки. Схватил брюки, убежал, примерил, прошелся перед Эрзолом туда-сюда, потом пару раз присел и изумленно посмотрел на рядового.

— Ну, Бабаев, — выдохнул полковник. — Я видел много мастеров, но таких, как ты, ни разу. Чтобы без всякой примерки, на глазок, галифе точно по фигуре сшить... Это надо отметить.

— Что вы, товарищ полковник, — смутился Эрзол.

— Разговорчики, — прервал объяснения довольный командир части.

Потащил рядового на кухню. Там уже жена накрыла на стол ужин. Полковник достал бутылку.

— Ну, за твой талант!

Так началось их знакомство. В конце застолья офицер неожиданно спросил Эрзола:

— А пальто с меховым воротником моей жене сшить можешь?

— Что за вопрос, товарищ полковник, — ответил Эрзол радостно.

— Ну, хорошо, завтра жду тебя в гости.

Всю следующую неделю, пока новобранцы потели на плацу, рядовой Бабаев ездил домой к командиру и шил его жене пальто. Кстати, жена полковника оказалась неплохим зубным врачом. Узнал Эрзол это случайно. Еще до армии он сделал себе по золотой коронке с каждой стороны — в те годы так модно было.

— Эрзол, — заметила как-то деликатная жена полковника, женщина со вкусом, — когда улыбаетесь, у вас коронки блестят, как клыки. Позвольте, я сделаю вам еще по коронке с каждой стороны, и тогда улыбка будет вам к лицу.

Эрзол изумленно посмотрел на жену начальника, потом довольно кивнул. В общем, пока Эрзол шил пальто, у него добавились на зубах коронки.

Спустя какое-то время его перевели в хозяйственное отделение. Поставили старшим в дивизионных мастерских, которые занимались ремонтом солдатской одежды и обуви.

Тем временем жизнь в доме Бабаевых шла своим чередом. Солнце всходило и садилось над улицей Ермошкина, мужчины уходили на работу, женщины становились к плите, не было только гнетущего состояния противоборства и склок.

Хаво все сильнее скучала по внукам, а найти причину сходить навестить малышей у нее не получалось. Когда она делилась с Нахамье своей заботой, тот вскидывал голову, смотрел на Хаво с укором и многозначительно говорил:

— Вот видишь!

Хаво только тяжело вздыхала. Жена сына — это одно, его дети — совсем другое.

Турунж, занимаясь Одомом и Садугом, раздумывала, как жить дальше. Как и говорила Мельке, время оказалось лучшим целителем. Прошлые обиды постепенно забывались.

Эрзол служил, и каждая минута его была расписана. И постепенно печали совместной жизни уходили из памяти.

Примерно через полгода после ухода Эрзола в армию, когда первые письма и телеграммы из части немного успокоили родных, Нахамьё с гордостью рассказывал, как Эрзол хорошо устроился. Получалось, что назначили кем-то вроде начальника гарнизонного ателье, и он обшивал не только солдат, но и командиров, и их жен, бабушек и дедушек. В общем, служил сын, как дай бог каждому. У него даже была своя каптерка.

— Значит, он не в общей казарме? — радостно спрашивала Хаво.

— Конечно нет, — отвечал Нахамьё гордо. — Эрзол показал себя мужиком. В части его все называют Алешей.

— Почему? Что это значит? — удивлялась Хаво.

— Не знаю, — пожимал плечами Нахамьё. — Может, русским и туркменам тяжело запоминать татские имена? Главное, чтобы ему было хорошо!

XXII

Мельке никак не могла примириться с тем, что дочь не возвращалась в дом супруга. В понимании бабушки семья была святыней, почитаемой и охраняемой всеми силами. Только в замужестве она видела счастье дочери.

— Доченька, как же ты теперь будешь?! Ну нельзя же так. Я желаю тебе и твоим детям добра, тебе надо как-то сохранить свою семью.

— Что я могу теперь сделать? Эрзол в армии.

— И что же?

— Через три года он вернется...

— Тогда неизвестно что будет! Сейчас надо что-то предпринимать!

— Да что я могу, мама?!

— Я слышала, многие ездят к сыновьям и мужьям туда, где они служат. Так тебе тоже надо навестить его.

Турунж опешила.

— Это как?

— Поезжай к Эрзолу, говорю. Там вы будете одни. Никто не сможет вам помешать помириться. Не будешь его упрекать, напоминать о прошлом, считай, половина дела сделана. Угодишь мужу, сможешь отвлечься от того, что ему надоело, и тогда он будет навеки твой. Это то, что нужно.

Турунж молча слушала, что говорила ее мать. Она даже не знала толком, где служил Эрзол. Нахамье как-то сказал, что в Средней Азии.

— Но ведь денег на дорогу нет...

— Поговори с Нахамье. Он добрый, к тебе с теплотой относится. Вот он-то и поможет.

— Ну, мама, просить денег у Бабаевых...

— Нахамье поможет. Тебе надо к Эрзолу ехать.

Турунж задумалась.

Время шло, и произошедшее стало стираться в памяти. Страх ушел, осталась лишь обида. Кроме того, ей все время приходилось думать о том, чем накормить детей, на что жить дальше.

На следующий день, оставив сыновей на попечение матери, Турунж отправилась в артель, где работали Аня и Нахамье.

— Здравствуй, Турунж! — Нахамье встретил ее с широкой улыбкой. — Как живешь, как внуки?

— Растут. Занята с ними целый день. — Турунж улыбнулась. — От Эрзола ничего не слышно?

Нахамье порадовался такому вопросу. Он готов был сделать все, чтобы прошлое забылось и семья сына воссоединилась.

— Только вчера прислал телеграмму. Пишет, что все хорошо.

— А где он служит?

— Где-то в Туркмении. Город Мары.

— Туда долго добираться?

— Ну, как говорил Эрзол, трое суток.

— А ехать как?

— Поездом до Баку, потом пароходом через море и дальше... не знаю. Тебе зачем?

— Нахамьё, я... — Турунж замялась. — Я собираюсь поехать к Эрзолу.

— Что ты говоришь?

Глаза Нахамьё округлились.

— Да. Думаю съездить, проведать его.

— Хм... Дело хорошее.

— Ты мне объяснишь, как туда добраться?

— Расскажу все. Это ты отлично придумала! До отпуска еще сколько времени, а вот если ты приедешь, его на некоторое время из части отпустят.

— Только... у меня денег нет.

— Ну, с этим я тебе помогу. Ты не волнуйся, дочка.

Нахамьё улыбнулся. Подошел к невестке, пожал нежно ей руку.

— Молодец, Турунж. Одобряю твое решение. Поезжай. Куда ехать, объясню. Денег тебе дам. Только на кого детей оставишь?

— На родителей.

— Ну-у... У них у самих забот полон рот. Если на то пошло, пока будешь там, приводи детей к нам. Хаво с удовольствием присмотрит за ними. Да ей в радость с внуками понынчиться!

Турунж на секунду засомневалась.

— Хорошо, пусть присмотрит, пока я не вернусь. А там видно будет.

— Ну и договорились. Скажи, как соберешься, я тебе билет куплю.

Турунж, возвратившись домой, вошла на кухню и с порога сказала Мельке:

— Я решила поехать.

— Да?! Вот и правильно, дочка. Это верно. Все будет хорошо у вас, вот увидишь.

Несколько дней ушли у Турунж на сборы. Она плохо представляла, как встретится с мужем, как они помирятся, как улыбнутся друг другу, обнимутся крепко-крепко. Она просто доверяла матери, ее житейскому опыту. А Мельке не уставала настаивать: там, вдали от всех, Турунж и Эрзолу никто не помешает общаться нормально, и это прямой путь к миру в семье.

К поездке Турунж готовилась тщательно, взяла с собой только то, что можно было долго хранить и не боялось жары — вяленое мясо, крупу, лепешки на первый день пути. Из вещей — чистые простыни, полотенца и ска-терть, — в общем, все, что требовалось, чтобы наладить нехитрый быт вдали от дома.

За день до отъезда Турунж собрала детей, взяла необходимые для них вещи и отправилась с ними к Бабаевым. Дверь открыл Нахамьё:

— О-о! А вот и мальчишки! Хаво!

На шум из кухни вышла Хаво. Увидев невестку с внучатами, она заторопилась:

— О-о! Заходите, заходите! Голодные?

— Можно и покормить, — ответила смущенно Турунж.

— Та-ак, сейчас разберемся. — Хаво радостно заметалась по кухне: как же, такое счастье — внуки в доме.

Тем временем Нахамьё достал из кармана билеты, купленные для Турунж.

— Это билеты туда. Только на поезд. На пароход нужно брать на пристани. Тут не продают. Вот, держи.

И передал какой-то пакет.

— Что это?

— Деньги. Тут достаточно. Без средств не останешься.

На следующий день Нахамьё вместе с Хезгийё и Мельке проводили Турунж на вокзале, помогли сесть в вагон.

Турунж, наблюдая в окно за проплывавшими мимо деревушками, городами, горами, даже не предполагала, что ехала по тем самым местам, по которым почти пятьдесят лет назад мчался ее дед Иллазар, мечтавший найти знахарку Иду. И внучка Иллазара, как и он сам когда-то, надеялась, что счастье придет в ее дом.

В Баку ее окружила и оглушила разноголосая толпа. Каждый не говорил — кричал, все куда-то рвались и искали своих родных, попутчиков. Столько людей Турунж еще не видела. Она спрашивала у первого, второго, третьего, как добраться до порта. Наконец молодая женщина оказалась на теплоходе, который отправлялся через Каспий.

Богом забытый город Мары встретил Турунж яркими лозунгами о счастливой жизни, которые соседствовали с пугающей нищетой большинства его обитателей. Попутку она не поймала, автобуса не было, и путешественнице пришлось свои тюки волочить одной. Силы ее закончились именно тогда, когда она подошла к высокому забору с железными воротами.

Турунж остановилась, недоумевая, как ей действовать дальше. В это время из-за ворот показался дежурный. Турунж поздоровалась.

Солдат, совсем еще молодой парень, внимательно на нее посмотрел:

- Что надо?
- Я к мужу приехала...
- Как фамилия?
- Чья? Моя?
- Мужа!
- Бабаев.
- Это Алексей, что ли?

— Эрзол, — поправила Турунж.

Потом вспомнила, что Нахамьё говорил, что в армии русские Эрзола зовут Алексеем.

— Жди, — коротко бросил часовой и позвал своего товарища, быстро переговорил с ним и куда-то убежал.

Через десять минут на КПП появился офицер и козырнул Турунж.

— Заместитель командира части Попов. Вы прибыли к мужу?

— Да, к Бабаеву. Эрзолу.

— Эрзолу? — Командир удивленно посмотрел на Турунж.

— Вы его зовете по-другому, Алексеем.

— Алексей Бабаев... Есть такой боец.

Попов смерил Турунж взглядом.

— Пройдемте со мной.

Турунж кивнула на вещи.

— Егоров! — крикнул командир. Боец вытянулся по стойке «смирно». — Помогите принести.

Солдат подхватил тюки и, согнувшись в три погибели, потащил их за Турунж, недоумевая, как женщина могла всю эту тяжесть донести одна.

В кабинете заместителя командира части было прохладно. Турунж с облегчением вздохнула. Солдат сложил тюки у ее ног и исчез.

Офицер жестом предложил путешественнице сесть на стул.

— Вообще-то у нас не положено так... без всякого вызова... к мужу. Вы откуда приехали?

— Из Махачкалы.

— Не самый ближний путь. — заместитель командира части вздохнул. — Хорошо. В общем, так... У нас здесь останавливаться негде, но увольнительную мы ему дадим. Снимете квартиру неподалеку от части, в городе.

— Да, конечно, — слабо понимая сказанное, согласилась Турунж.

Высокий мужчина в форме вышел в коридор. Турунж осталась сидеть одна, с любопытством осматривая помещение. За дверью офицер громко отдавал приказ. Послышался удалявшийся топот сапог. Кто-то побежал исполнять приказ.

В это время Эрзол Бабаев ел перловую кашу в столовой и ни о чем не подозревал. Аппетит у него был отменным. С утра ему принесли наряд на пошив трех шелковых платьев: жены командира, его бабушки и дочери. За шелком полагалось ехать в город. Значит, увольнительная, поход к Али на базар. У того все было на обмен: ты ему пару сапог, он тебе отрез шелка.

Мысли Бабаева прервал зычный окрик старшины:

— Бабаев!

Эрзол обернулся. Увидев старшину, встал из-за стола.

— Пойдем со мной.

— Что случилось, товарищ старшина?

Тот широко улыбнулся:

— Сейчас все узнаешь, рядовой.

Сбитый с толку Эрзол очутился перед кабинетом заместителя начальника части, постучал. Из-за двери слышалось: «Входите». Эрзол вошел, остановился, отдал честь, громко, как положено по уставу, произнес:

— Рядовой Бабаев по вашему приказанию прибыл!

И только тут он заметил, что в помещении находился еще кто-то, машинально повернул голову и обомлел — это была Турунж.

— Здравствуй, Эрзол, — отчего-то тихим голосом произнесла она.

— Ага.

От неожиданности Эрзол не знал, что сказать. Повисла пауза.

Комендант решил прервать неловкое молчание:

— Вот что, Бабаев. Бери увольнительную. Город ты знаешь. Снимешь комнату где-нибудь. Понятно?

— Так точно! — осипшим от волнения голосом произнес Бабаев.

Такого поворота он не ожидал.

— Но чтобы к концу увольнительной был в части!

— Есть!

Эрзол посмотрел на заместителя командира части, потом перевел взгляд на Турунж. Первый шок прошел. Он понял, что это не сон и перед ним стояла его жена.

К коменданту за увольнительной, потом пять минут на сборы под одобрительный смех и шутки товарищей — Эрзол проделывал все, как будто во сне, не до конца понимая происходящее. Наконец вышел к КПП, увидел Турунж, огромные тюки у ее ног.

Только тут он начал осознавать, что его жена действительно стояла с ним рядом.

— Ох, и ничего себе, это ты столько тащила одна!!! — Он подхватил тюки и вышел из части под палящее солнце.

На улице было пустынно. Эрзол шел молча. Он не понимал, почему его не предупредили. Он-то все для себя решил. Между ними все было кончено, выбор сделан, точка в отношениях поставлена.

А тут оказалось, что он ошибся. Турунж приехала и теперь молча шла за ним.

Часть пути до города они проделали на попутке, выскочили у рынка.

— Эрзол, мы куда?

— Сейчас найду Али-Мали, он нам подскажет, где угол снять. Он на этом рынке всех знает.

И они пошли на базар. Поспешая за Эрзолом, Турунж беспрестанно озиралась. Вокруг было столько всего нового. Взять хотя бы дыни, наваленные огромной грудой.

Рядом настил, на котором лежали в несколько десятков слоев круглые, как блины, ковры. Еще дальше торговали приправами, фруктами, урюком... В шумной толпе шныряли мальчишки с огромными деревянными подносами, на которых лежали горы свежих лепешек.

У лавки, где продавали ткани, Эрзол остановился. Позвал к себе продавца.

— Эй, Али-Мали, ассалам алейкум.

— Алейкум ассалам, Эрзол. Чем обязан? — Торговец не удивился появлению знакомого солдата.

— Жена приехала. Помоги мне комнату найти.

— Ох, Эрзол-джан. Конечно, дорогой. Тут одна старуха живет, у нее дом хороший, а жилья нет. Тебе вольно будет.

Тот, кого Эрзол назвал Али-Мали, провел их через весь базар и направил прямо к дому той хозяйки, которую рекомендовал. Эрзол недолго с ней говорил, затем похватал вещи и бросил коротко Турунж:

— Пойдем!

Они вошли во двор, сверху укрытый от зноя виноградной лозой. Хозяйка провела их в дальнюю комнату.

— Здесь, — буркнула она. — И выход в сад есть.

Турунж огляделась, собралась с мыслями и поняла, что теперь все зависело только от нее. Эрзол, что мог, сделал.

Когда они остались одни, Турунж принялась доставать гостинцы и письма из дома.

— Вот, держи, Нахамьё передал. — И протянула пакет, завернутый в газету, и вместе с ним письмо.

Эрзол взял пакет, оглядел с двух сторон конверт, развернул газету, увидел внутри деньги.

— Ты, наверное, голоден... Собрать на стол?

Эрзол улыбнулся, кивнул.

— Тебе надо умыться.

Он скинул опостылевшую гимнастерку, остался в белой нижней рубашке.

В это время Турунж выбежала во двор, набрала полный кувшин, поставила на табурет таз и стала лить прохладную воду на руки и шею мужа. Эрзол блаженствовал, разбрызгивая капли воды и отфыркиваясь. Турунж тут же подала ему полотенце. Эрзол невольно отметил про себя: что-то, а заботиться о муже его жена умела.

Молодая женщина проворно накрыла на стол, достав запасы, которые захватила с собой из дома. Эрзол сел к столу, подцепил помидор на вилку, отломил хлеба и принялся есть. И вдруг остановился:

— А ты что? Поешь.

Турунж подвинула свой табурет поближе к малюсенькому столу и отломил кусок хлеба. Она сидела и смотрела, как ел ее муж, перехватывала его взгляды. Как только Эрзол протягивал руку за чем-нибудь, Турунж тут же опережала его желания и подкладывала в его тарелку приглянувшийся кусок. Эрзол едва заметно улыбался. Раздражение, которое охватило его, как только он увидел Турунж, как-то незаметно растворилось. Своей несуетливой манерой заботиться о нем, Эрзоле, молодая женщина смогла заставить его забыть о прошлых неурядицах. Эрзол уже не ломал голову над тем, зачем приехала жена. Он просто наслаждался отдыхом от однообразных тяжелых солдатских будней.

Когда Эрзол насытился, Турунж вдруг спохватилась, вскочила, кинулась к последнему из нераскрытых тюков в углу. Долго копалась, потом достала оттуда лист бумаги и с улыбкой протянула мужу.

— Смотри!

— Что это? — удивился Эрзол.

— Как наши дети выросли!

С этими словами она развернула бумагу и положила ее на стол. На листе карандашом были обведены две небольшие ладошки — одна чуть больше другой.

Эрзол взял в руки бумагу, посмотрел на отпечатки ладошек и улыбнулся. Он вернул рисунок и взглянул на жену. И снова подумал, что присутствие Турунж нисколько его не обременяло, напротив, с ней вдруг оказалось на удивление просто и легко.

Он не стал задумываться о том, что мешало замечать заботу жены дома в Махачкале. Эрзол приветливо улыбнулся и снова посмотрел на лист.

— Растут, разбойники.

— Растут, — радостно ответила Турунж. — Садуг уже бегают. Бабушка догнать не может.

— А Одом?

— Одом?! Ну-у, — Турунж улыбнулась, словно увидела перед собой младшего, — Одом уже ходит.

— Не болеют?

— Нет, что ты! О них все заботятся. А Нахамьё прямо светится, когда видит их.

Эрзол, глядя на Турунж, вспомнил отца и дом, — все, по чему скучал, но о чем старался не думать.

Жена сумела вернуть его туда, откуда он так стремительно для себя улетел, — в родной дом.

— Я схожу на базар, надо купить еды, — с этой фразы Турунж начала утро следующего дня. — На солдатской-то кухне не очень хорошо кормят, а я приготовлю что-нибудь наше, испеку твоё любимое чудо.

— Я с тобой пойду.

Турунж прибралась, достала из потайного места в бауле тряпицу с деньгами, отсчитала несколько купюр.

— Да ты у нас при деньгах! — засмеялся он.

Они вышли на улицу. Среди чужой речи и лиц даже привычные двухэтажные каменные дома казались Турунж чем-то диковинным. На базаре Эрзол начал показывать жене финики, пахлаву, фрукты, овощи в таком количестве, в каком Турунж раньше никогда не видела. Какие-то ромби-

ки из теста, намазанные медом и усыпанные орехами, круглое печенье, обсыпанное сладкой белой крошкой, шарики в розовых лепестках. И все это можно было попробовать, угоститься. Турунж поначалу отказывалась, но торговцы не отпускали, заставляли откусить. Эрзолу хотелось удивить Турунж, показать ей все то, чему сам поначалу дивился.

Они накупили так много еды, как будто собрались оставаться здесь вечно. Эрзол то и дело предлагал жене попробовать все новые и новые лакомства, которые тут встречались в изобилии.

Вернувшись с базара, Турунж быстро натаскала воды, помогла мужу умыться, подала чистое домашнее полотенце, принялась стряпать на хозяйской кухне. Уже через час стол ломился от любимых блюд Эрзола. Он смотрел на свою жену и дивился. В его представлении на подобное была способна только Хаво.

— И почему ты от меня все это скрывала? — спросил он ее неожиданно.

— Что?

— То, что ты все умеешь?

— Я не скрывала. Может быть, ты просто не замечал.

— Зато сейчас вижу!

Когда они поужинали, Турунж быстро убрала посуду, скинула покрывало с настила на полу, служившего кроватью. Там уже было застелено свежее домашнее белье, привезенное из дома. Турунж ненадолго вышла, вроде как закончить кое-какие дела. Потом вернулась, задержала портьеру перед дверью.

Так незаметно пролетело три дня.

Когда было пора возвращаться в часть, Эрзол накупил подарков для родных, передал Турунж в дорогу деньги, посадил ее на автобус и отправился обратно в часть.

По дороге домой она все думала о том, что у нее обязательно получится собрать свою семью вновь, сделать так,

как велела ей мать. Главное произошло, они помирились. Она видела, как тепло Эрзол принимал ее заботу о нем, ни разу не упрекнув ее в неумении готовить, выполнять другую работу по хозяйству. Чем дальше она уезжала от Эрзола, тем сильнее становилась ее вера в то, что они будут счастливы вместе.

Турунж прямо с вокзала поспешила к детям. Ее встретила Хаво. На секунду Турунж замерла, но усилием воли подавила испуг, так некстати закравшийся в душу. Улыбнулась тепло.

Бросив на пол чемоданы, просто произнесла:

— Вот я и вернулась.

Хаво улыбнулась:

— Ну, входи.

Турунж сразу пошла к детям. Прижала их к себе, закрыла глаза. Она очень скучала по сыновьям. Ей показалось, что за время ее отсутствия мальчишки даже подросли.

В дверях появился Нахамьё.

— Ну что, вернулась?

— Да, прямо с поезда.

— Ну и хорошо. Проходи за стол, рассказывай, как Эрзол там поживает.

Малыши как будто прилипли к матери, так вместе и отправились на кухню. Хаво уже собрала на стол. Турунж присела.

— Добралась как? — приступил к расспросам Нахамьё.

— Хорошо. Ему сразу увольнение дали, как меня увидели. Мы сняли комнату в городе, там все время и жили.

— А что ели? — встрепнулась Хаво.

— Что на базаре покупали, то и ели.

— Так ты готовила ему?

— Ну конечно! Чтобы поел настоящей домашней еды, кошерной.

Хаво кивнула, мол, продолжай. Что-то в рассказе Турунж ее задело. Невестка рассказывала о встрече с сыном так, как будто он, Эрзол, уже целиком принадлежал ей, Турунж. Она хвасталась, как перестирала ему белье, как будто это не было обязанностью жены.

— Что-то не так? — спросила Турунж помимо воли.

— Да нет! Что ж, съездила и съездила, — сказала Хаво недовольно.

Получилось, что Турунж хотела утереть свекрови нос, рассказывая, как заботилась об Эрзоле. Хаво это было неприятно. Как будто невестка снова стремилась показать, что ее сын целиком занял сторону жены.

— А еще я ему напекла чуду, — продолжала радостно Турунж.

Теперь она рассказывала это больше Нахамьё, который каждое ее слово принимал с искренней улыбкой.

— Целая гора получилась. Он так доволен был, что все съел, хотя там на троих хватило бы. Так что поел он нашей домашней еды вдоволь.

— Ага, как же! — не выдержала вдруг Хаво. — Нашей домашней еды ты не умеешь готовить!

На Турунж как будто ледяной водой плеснули.

Улыбка исчезла с ее лица. Ничего не ответив, она еще что-то по инерции рассказывала, но разговор как-то сам сошел на нет. Встреча закончилась хуже, чем началась. Все те же ледяные нотки в интонациях Хаво, которые она замечала и раньше, вновь кольнули ее душу. Инстинктивно Турунж захотелось уйти из этого дома. Хаво вышла из кухни. Оставался только Нахамьё, с аппетитом потягивавший чай.

— Ну, я пойду.

— Как?! Куда?!

— К своим. Пока еще не совсем поздно...

— Да что ты говоришь! — вскочил Нахамьё. — Ночь уже на дворе. Дети давно спят. Зачем? Забудь, что было.

Да и куда ты на ночь глядя с двумя мальчишками на руках пойдешь... Оставайся. Если у вас с Эрзолом все налаживается, то и тебе следует быть тут. Ваш дом здесь! А завтра пойдешь своих проведаеть.

Турунж на секунду задумалась. Добродушный Нахамьё растопил ее сердце. Она чувствовала поддержку све-кра, и это придало ей уверенности.

— Наверное, ты прав, Нахамьё.

— Вот и отлично, дочка! Иди отдохни, смотри, как на-маялась в дороге-то.

Турунж вернулась в комнату, где сопели сыновья. Она с улыбкой на лице всматривалась в детские лица, что-то ласково шептала и поправляла им волосы. Она бы так и смотрела на своих мальчишек всю ночь напролет, но усталость сделала свое дело — глаза Турунж закрылись, и она крепко уснула.

Утром ее разбудил шум из кухни. Турунж быстро собралась и выскочила из комнаты. Хаво как раз куда-то вышла, и кухня осталась в распоряжении невестки. Она быстро приготовила поесть сыновьям, успела на бегу что-то перехватить сама и пошла умывать проснувшихся Садуга и Одома. Когда Хаво вернулась, ребята уже заканчивали завтракать.

— Молодцы! Уже на кухне! — широко улыбаясь, сказала бабушка.

— Поели, пойдем одеваться. — Турунж стала собирать детей.

— Куда это вы? — поинтересовалась Хаво.

— Да своих проведать хочу.

— Ну, иди. Не успела вернуться, уже уходит, — недовольно проворчала Хаво себе под нос.

Но Турунж уже не слышала этих слов.

Мельке хозяйничала на кухне, когда дверь открылась и на пороге показалась Турунж с малышами.

— Ну, наконец-то!!!

Мельке поспешила обнять дочь, внуков. Тут же усадила всех за стол.

Перекусив, Турунж начала рассказывать о своей поездке. Главный вопрос, который интересовал Мельке: как принял дочь Эрзол?

— Нормально, мама. Мы снимали комнату, его отпустили из части на несколько дней. Все хорошо.

— Ну и славно! Надеюсь, ты поняла, что с ним можно жить?

— Да, мама. Да.

— Надеюсь, когда он вернется, все пойдет нормально.

Турунж согласно улыбнулась. Мельке залюбовалась своей дочерью. Какая же она молодец! Смогла переступить через обиды. Послушалась совета матери, сделала так, как та советовала, и вот добилась своего. Теперь за дочь можно было не волноваться. Впервые за долгое время Мельке спала спокойно.

XXIII

Много раз Мельке повторяла дочери:
— Если хочешь собрать семью воедино, верни все, как было.

Однако исполнить пожелание оказалось проще, чем справиться с собственным характером.

Если Турунж что-то требовалось, ей приходилось обращаться к Хаво и каждый раз, когда она приближалась к свекрови, лицо той каменело. Это было серьезным испытанием для молодой женщины. Вместо того чтобы обратиться с просьбой, чего от нее ждали, Турунж начинала требовать: деньги на молоко, не для нее же, для детей Эрзола, или на новую одежду, и так далее.

Хаво считала все это лишним.

— Продуктов хватает. Распашонки-пеленки есть. Вот совсем недавно куплены. А если что-то нужно, я и сама могу купить детям. Ты только скажи.

Для внуков Хаво была готова на все. Им бабушка помогала, кормила, покупала игрушки, но сделать что-то именно для Турунж она не считала нужным. После слов сына, что он не хочет жить с женой, Хаво для себя решила раз и навсегда: этот брак распался. Тогда зачем давать деньги той, которая никогда не будет рядом с ее сыном? К тому же без денег Турунж была у свекрови как будто на привязи. Как Хаво скажет, так и будет.

Понимала это и Турунж. Получить независимость от Хаво — вот все, к чему стремилась молодая женщина. Желание стать свободной стало ее главной целью.

В Москве жила старшая сестра Рая. Она постоянно присылала посылки своим близким в Махачкалу, изредка приезжала сама и привозила дефицитные тряпки. Турунж знала, что сестра могла достать, что угодно.

Кроме того, перед ее глазами был пример Фиры, которая зарабатывала на жизнь тем, что перепродавала вещи. «И я могу поступать так же. Тем более есть деньги, на которые много чего можно купить».

В тот же вечер Турунж побежала к Мельке.

— Мама, мне надо поехать к Рае. Предупреди ее.

— А что такое?

— Эрзол дал немного денег. Я хочу купить в Москве что-нибудь детям.

Эта просьба не вызвала у Мельке никаких вопросов. Она тут же пошла к старшей дочери, у них в квартире работал телефон — большая редкость в те годы. Мать связалась с Раей, предупредила, что приедет Турунж.

Рая обрадовалась.

— Мама! Не волнуйся. Я встречу сестру. Главное, пусть приезжает.

Через несколько дней, достав с помощью Ани дефицитные билеты до Москвы, Турунж села в переполненный

поезд. Она не замечала неудобств. Ее вдохновляли и даже обольщали мечты, надежды на новую жизнь. Главное, чтобы дети были здоровы, сыты, обуты-одеты. Сыновей она на время своего отсутствия передала на попечение родителей.

На вокзале в Москве ее встретила сестра. Они обнялись, и Рая повезла Турунж домой. Водитель, пожилой мужчина в засаленной кепке, хмуро кивнул в знак приветствия. Столица из окон комфортабельного автомобиля казалась фантастической: большие дома, широкие проспекты, нарядные женщины, витрины магазинов, в них манекены, которых Турунж никогда до этого не видела.

Машина свернула с широкой улицы и понеслась по двору. Турунж зажмурила глаза от страха в ожидании неминуемого столкновения. У самого подъезда шофер лихо затормозил. Рая рассмеялась:

— Пойдем, трусиха, с мужем знакомить буду. Ты же маленькая была, когда он у нас гостил...

— Ну да.

У самых дверей внутри подъезда находилась будка со стеклянным окошком, за которым Турунж разглядела пожилую консьержку.

Турунж робко кивнула.

Хануков встретил младшую сестру жены церемонным поклоном. Так с Турунж еще никто не здоровался. Она остановилась в прихожей, не зная, что делать дальше.

— Чего встала, проходи! — пригласила Рая.

Турунж вошла в комнату и замерла. Таких высоких потолков она еще не видела. И хрустальная люстра поражала своим великолепием.

Рая смотрела на младшую сестру и улыбалась. В глубине души ей был приятен восторг Турунж. Хорошо живут, богато. Пусть хоть сестру это порадует.

— Ну, как тебе город? — спросил Хануков.

— Ой, такой большой! Как вы запоминаете, куда идти надо? Я бы точно заблудилась!

Хануков посмотрел на Раю:

— Слушай, Махачкала тоже вроде не деревня, ты чего так оробела? Привыкай. Скоро все города, как Москва, будут.

— Да ну!

— Вот увидишь. Не зря мы работаем... На благо трудового народа, так сказать... — Хануков закашлялся.

Иногда он сбивался на официальные фразы о всеобщем счастье.

— Ну что, будем обедать? — спросил Хануков.

Рая уже начала накрывать на стол.

Турунж подошла к шкафу с книгами. Такого количества томов она видела только в районной библиотеке. Пол был паркетным, в каждой комнате лежали ковры.

— Что, плохо живем? — с усмешкой спросил Хануков.

— Нам бы так! — восхищенно ответила Турунж.

— Ничего, будет и на твоей улице праздник.

Вечером, когда муж Раи пошел отдыхать, сестра начала расспрашивать Турунж:

— Ну как вы там?

Турунж начала рассказывать про первые два года замужества, рождение ребенка, про ее наивные надежды. Потом, совсем сникнув, про избиение. Лицо Раи мрачнело с каждым словом сестры.

Турунж перешла к рассказу про свою поездку к мужу в армию и примирение с ним.

— Теперь, я надеюсь, у нас получится жить мирно. Я думала, он не принимает того, что и как я делаю. А сейчас он ни слова не сказал поперек. Был тихим, спокойным. Он изменился. Если бы не Хаво... — добавила она со вздохом.

— А что Хаво?

— Тяжело с ней жить в одном доме. Она меня не выносит. Я понимаю, ей было бы лучше, чтобы меня вовсе не существовало. Но что делать? Сейчас, когда только все начало налаживаться, она опять придирается. Ей то одно не нравится, то другое. Не поймешь. И денег не допросишься. Я от нее во всем, даже в мелочах, завишу. Будь у меня доход, было бы проще наладить жизнь.

Турунж горько вздохнула.

— Значит, вся проблема в деньгах? — переспросила Рая.

Она ни словом не обмолвилась, что все уже знает от Ани. Неделию назад та позвонила и как бы между прочим рассказала про бедственное положение Турунж. Хаво нашла способ прищучить невестку — не дает ни копейки.

— Значит, ты думаешь, с деньгами тебе будет проще?

— Да. Ты могла бы помочь?

— Одолжить?

— Нет. Я знаю, как надо сделать. Вот Фира... сестра Эрзола. Она в Москву ездит. Шмотки дефицитные тут покупает, а на нашем рынке продает. Неплохие деньги делает. Почему я так не могу?

Рая помолчала.

— Твой муж... Он мог бы помочь. Ну, достать белье. Знаешь, у нас в магазинах нет никакого постельного белья. Если бы я со склада купила парочку простыней, наволочек, то дома с руками бы оторвали. Может, поможешь?

Рая задумалась.

— Давай попробуем. Найти то, что нужно, не проблема. А вот как все переправить? Слушай. — Сестра подняла палец вверх. — Я буду тебе это посылками передавать. С собой ты много взять не сможешь, да и тяжело! А посылками я тебе пришлю столько, сколько надо! По крайней мере, чтобы иметь свои деньги, хватит. Только

Мише, — Рая показал глазами на закрытую дверь, за которой отдыхал ее муж, — Михаилу мы ничего говорить не будем.

На следующий день с самого утра Рая потащила сестру показывать город. Турунж не переставала удивляться столичному великолепию. Магазины, бесконечные вереницы людей, автобусы, светофоры, сигналы, и все куда-то спешили, бежали. Никто ни с кем не здоровался.

Нагулявшись по городу, сестры зашли в кафе, заказали мороженое, кофе.

— Тряпок закупить мы успеем. — Рая хотела показать столичную жизнь сестре. Предлагаю вечером сходить в театр. Если уж приехала в Москву, то в Большой заглянуть надо обязательно.

— Я не против. А билеты дорогие?

— Да ты не волнуйся. Михаил сделает нам контрамарки. Они недорогие.

Вечером Турунж сидела в Большом театре. Она впервые видела такое огромное здание с колоннами, тяжеленными дубовыми дверями в полтора человеческих роста — настоящий дворец из сказки, отделанный внутри лепниной, золотом. Все в красном бархате: кресла, занавес, логи, даже женщины в зрительном зале и те в бархатных платьях.

Турунж смотрела на сцену во все глаза. Какие-то девушки в белых коротких юбках бегали по сцене, привстав на пальцах, их поднимали на руки, подбрасывали... Что-то она не понимала, но это было не важно. Сам факт того, что она присутствовала на балете, видела то, о чем другие только мечтать могли, переполнял ее восторгом.

Вечером, за чаем, Турунж впервые поделилась впечатлением с сестрой:

— Как же хорошо тебе, Рая. Ты живешь, словно в сказке. Твоя квартира, люстры... — все-все! Даже этот театр!

Я теперь точно знаю, что необходимо в жизни, — свобода. Только для этого надо иметь деньги...

— Ты все о своем. Понимаю, — с улыбкой произнесла сестра. — Чтобы двоих поднять, много чего нужно. Не волнуйся, завтра же мы с тобой начнем действовать. По-едем за всем необходимым.

С самого утра Рая обзвонила нужных людей, знакомых Ханукова, договорилась о встрече, и сестры отправились в путь. Они купили несколько комплектов постельного белья, полотенца, отрезы ткани разной фактуры.

Турунж счастливо улыбалась. Ей не терпелось обратно домой, в Махачкалу. Хотелось быстрее проверить, работает ли ее план. Да и дети там без нее... Оставлять ребят одних было тяжело. Но что делать? Все эти тряпки могли стать залогом ее спокойной жизни, подарить независимость. Турунж думала, что это необходимое условие, чтобы они вновь смогли с Эрзолом жить под одной крышей.

Через три дня Турунж прибыла в Махачкалу. Весь дефицит, который она привезла с собой, отдала знакомой, у которой было на рынке свое место. Та, не торгуясь, выдала ей сумму в два раза больше той, которую потратила Турунж в Москве.

В растерянности глядя на увесистую пачку купюр, которая лежала у нее на ладони, она не могла понять, как это получилось. Деньги возникли как будто ниоткуда, из воздуха. Мысль, шокирующая, освобождающая, наполнила душу легкостью, пронеслась и обожгла — всё! Она теперь ни от кого не зависела материально! У нее были свои деньги!

Это ощущение моя мама запомнила на всю жизнь! Отныне она не собиралась замечать недовольство свекрови. Турунж прекратит общаться с Хаво и станет терпеливо дожидаться возвращения Эрзола.

Конечно, Хаво заметила перемену в поведении невестки. Турунж смотрела увереннее, походка стала тверже. Может быть, она решила, что ей в этом доме все позволено? Может быть, она решила, что стала здесь главной хозяйкой? Как так? В Москве Турунж как будто подменили, и причину этих перемен Хаво понять не могла.

Тем же вечером Хаво осторожно спросила Нахамье:

— Ты не заметил, что она изменилась?

— Турунж?

— Ну да.

— Нет, а что?

— Не знаю. Я тебя хотела спросить. Она какая-то странная стала после поездки. Думала, ты знаешь!

— По-моему, она была рада увидеть сестру, побывать в столице — вот и настроение улучшилось.

— Ох, с чего ей такой быть? Двое детей, а она мотается куда-то. Дома надо работать. Место женщины на кухне!

— Что ты злишься. Ну, съездила, что не так?

— Да все не так. Еще упрямее стала.

— Не задевай ты ее.

— Мне-то что...

Часть денег, вырученных от продажи вещей, Турунж отложила, спрятала подальше, чтобы брать оттуда по мере надобности. И жизнь вернулась в прежнее размеренное русло.

Через две недели Хезгиё зашел после дежурства к дочери:

— Тебе квитанцию почтальонша принесла.

Турунж вскрикнула от радости.

— Это посылка из Москвы! От Раи. Она обещала, что вышлет... С разными вещами. Поможешь забрать?

— Конечно, не таскать же тебе тяжести. С утра могу.

— Хорошо, я зайду за тобой.

На следующий день Турунж с отцом принесли домой несколько увесистых баулов. Хезгиё помог занести вещи в комнату и, распрощавшись, пошел домой. Турунж принялась распаковывать тюки.

В это время в комнату заглянула Хаво и остолбенела от увиденного. На полу лежали аккуратно сложенные стопы новенького белья.

— Откуда столько тряпок? — спросила она удивленно. Турунж вздрогнула от неожиданности.

— Это сестра прислала.

— Понятно!

Хаво закрыла дверь и пошла на кухню. Она припомнила то, как Турунж уезжала в Москву как будто проведать сестру, а на самом деле за тряпками. Вид горы новенького белья все объяснил — Фира занималась тем же самым. Значит, Турунж решила подзаработать и для этого бросила детей на свекровь и умотала в столицу!..

Хаво пришла в бешенство. Надо же, прикидывается тихоней, страдальцей, денег просит, а у самой все есть!

Тот случай стал переломным моментом. Ни о каком мире не могло идти и речи. Две женщины вновь стали врагами.

Как, почему произошло именно так, кто теперь скажет. Важно, что хрупкий мир разбился. Зыбкое перемирие закончилось. И взаимная неприязнь вспыхнула с новой силой, как будто кто-то сгорал от зависти, что в семье Абрамовых и Бабаевых царил до поры мир.

Опять начались неприязненные взгляды Хаво, поджатые губы Турунж, взаимные уперки. Они задействовали весь небогатый, но действенный арсенал средств, который издревле используют женщины, желая продемонстрировать недовольство друг другом.

Это не замедлило сказаться на настроении Турунж. Молодая женщина опять стала грустить, переживать,

нервничать. От нее дурное настроение передалось детям. Они капризничали...

Турунж все чаще задавалась вопросом о том, как ей действовать дальше. Жизнь в доме, под одной крышей с Хаво, опять стала казаться невестке невозможной. Все, что невестка могла сделать для примирения, она делала. На все возможные жертвы пошла! И что? Результат нулевой. Все оказалось тщетным и напрасным.

Она не только не смогла заслужить симпатии Хаво, но даже ее одобрения.

И что оставалось делать Турунж?

Только идти другим путем. Строить свою жизнь, оградив себя от указаний и поучений Хаво. Единственный выход Турунж видела в том, чтобы получить материальную независимость от свекрови. Чтобы добиться этого, требовались сила, воля и помощь близких.

Решительности и настойчивости Турунж было не занимать. На помощь родных она надеялась. К тому же она была убеждена в том, что ей по плечу осилить любые проблемы. Препятствия, встававшие у нее на пути, только раззадоривали ее.

Один раз вкусив запретного плода самостоятельности, молодая женщина уже не могла забыть очарования этого момента. Она точно знала, как ей следовало поступить. Не останавливаться, двигаться вперед ее заставлял один из самых сильных инстинктов — материнский. Она, Турунж, сможет вырастить своих детей только при условии, что у нее будет достаточно средств. Значит, следовало продолжить заниматься торговлей дефицитными товарами. В этом Турунж видела единственный путь достижения поставленной цели.

Однажды утром она почувствовала, что опять беременна. Время шло, живот рос, и это обстоятельство не

могла не заметить Хаво. Поняв причину внезапной полноты невестки, свекровь схватила за голову.

— Ну какие дети? Он же не хочет с тобой жить!

Турунж ожидала что угодно, только не таких слов. Земля ушла из-под ее ног. Прошло несколько месяцев. Деньги, которые Турунж заработала после поездки к Рае, закончились. Обращаться с просьбами к Хаво Турунж категорически отказывалась, а надо было готовить приданое для еще не родившегося ребенка, да и старшие подрастали. Одежда на них просто горела. Это означало, что, несмотря на большой срок беременности, ей необходимо было ехать в Москву.

Однажды вечером Турунж отправилась к Мельке.

— Мама, — начала она, как только Хезгиё ушел в свою комнату, — мне надо поехать к Рае.

— Ты с ума сошла?! На сносях ехать в такую даль!

— Мама, это не важно. Если я не поеду к сестре, мне не на что будет кормить этого ребенка. Позвони Рае, предупреди, что я приеду, пусть встретит.

— Не собираюсь никому звонить, и не думай!

— Мама! Ты не понимаешь!

— Дочка, что ты такое говоришь?

— То, что чувствую. Все не так. С Хаво мне не жить в одном доме.

— Ты же ездила к Эрзолу, у вас же все наладилось...

— Наладилось или нет... я теперь не знаю. Хаво сказала, что жить со мной он все равно не будет. Откуда ей это известно? Может, письма ей пишет...

— Языком мелет. Не обращай внимания.

— Но мне беспокойно, мама.

Мельке не знала, как утешить дочь. С одной стороны, все, что та говорила, могло быть страхами беременной женщины, которые не имели под собой никаких оснований. Мало ли что в таком состоянии померещится. С другой стороны, мать знала, что Турунж никогда не была па-

никершей. Может, она действительно чувствовала чуть больше, чем могла выразить словами?

Ай, будь что будет. Как говорил Хезгиё, положишься на Бога, если не уверен в себе, и делай то, что считаешь нужным. Если Турунж решила ехать, значит, пусть едет. Мельке должна была сделать все, что от нее зависело.

С тяжелым сердцем мать пошла звонить Рае, сообщить, что к ней собиралась приехать Турунж. Пусть встречает.

Раечка, добрая душа, как всегда, обрадовалась приезду сестры.

Поезд подошел к перрону московского вокзала, и Рая увидела выходящую из вагона Турунж с огромным животом и кинулась к ней:

— На таком сроке кто ездит?!

— Да ничего. Пока есть время.

— Ты с ума сошла, Турунж! А вдруг в дороге растрясет... Начнутся преждевременные роды — что делать будешь?!

— Да рожать буду. Мне деньги очень нужны. С грудничком-то нескоро выберусь.

Потеряв возможность иметь своих детей, Рая принимала мать своих племянников с обожанием. Она не позволяла сестре носить тяжести, оберегала ее, выполняя всю работу сама. Когда все необходимое было куплено и Турунж могла возвращаться в Махачкалу, Рая воспротивилась отъезду.

— Я не пушу тебя, даже и не думай. Родишь здесь. Так будет лучше.

Рая хотела, чтобы Турунж разрешилась от бремени в Москве. Та не очень-то и сопротивлялась.

Примерно через неделю начались схватки. Поддерживая обеими руками большой живот, как будто боясь выро-

нить сокровище, она дошла до кровати, присела и громко крикнула в сторону коридора:

— Рая!

На ее крик с кухни тут же прибежала сестра:

— Что случилось?

— Кажется, началось...

— Ох!

Рая побежала к телефону, позвонила мужу:

— Миша! У сестры начинается. Позвони своему знакомому, который обещал пристроить в роддом.

Рая выслушала ответ мужа, вставляя время от времени короткое «хорошо», и положила трубку:

— Не волнуйся. Сейчас вместе поедем в роддом. Все будет хорошо. Тут замечательные врачи и отличные условия.

Рая взяла сестру за руку:

— Может, посадить тебя поудобнее?!

— Нет, все нормально.

Через пятнадцать минут в дверь позвонили. Это был шофер, присланный Михаилом Хануковым. Турунж медленно вышла в коридор и спустилась по лестнице.

Через двадцать минут она уже сидела в приемном отделении. Раю дальше не пустили.

— Успели. Не волнуйся, — успокоила Раю акушерка. — Когда все закончится, сообщим!

К вечеру Турунж родила сына. В этот же вечер по телефону Рая сообщила новость родным в Махачкале.

На четвертый день Турунж выписали домой. Забирала ее из роддома Рая все с тем же добродушным шофером.

— Ну что, дочка, родила?! Малец — это хорошо! Богатырь будет!

— Как мальчишку назовешь? — поинтересовалась Рая, когда они приехали домой и первые волнения улеглись. Новорожденный спал безмятежным сном.

— Не знаю. Надо с Эрзолом посоветоваться. Но ведь он в армии...

— Хочешь, Мишу попрошу? Он узнает телефон части. И ты сможешь с мужем поговорить.

— Прямо отсюда?

— Ну да.

Вечером Хануков пришел с радостным известием.

— Я заказал разговор с частью в Марах на семь часов. Через десять минут должны соединить.

— Поверить не могу, — только и смогла проговорить Турунж. — И что, будет все слышно?

Хануков рассмеялся.

— Увидишь, точнее услышишь.

Ровно в семь вечера телефон издал три характерных коротких гудка. Хануков схватил трубку.

— Слушаю. Да! Я! Да, соединяйте! — Повисла пауза. — Алло! Говорит заместитель министра райпотребсоюза СССР Хануков. Попросите срочно к аппарату рядового Бабаева!

На том конце провода повисла пауза. Телефонист, поднявший трубку, не мог представить, что по войсковой связи хотят связаться с рядовым бойцом, проходившим срочную службу. Из Москвы! Заместитель министра.

И телефонист помчался в столовую, где в это время ужинали солдаты, вбежал в помещение, огляделся и, заметив Эрзола, кинулся к нему:

— Бабаев, срочно за мной!

Почти бегом, ничего не понимая, Эрзол поспешил за сослуживцем. Войдя в комнату связи, тот схватил трубку:

— Алло! Передаю трубку рядовому Бабаеву! — Он обернулся к Эрзолу: — На вот, держи. Чего встал? — и почти силой вложил трубку в ладонь растерявшегося Эрзола.

— Да!

— Эрзол?!

— Это я. Кто это?

— Говорит Михаил Хануков, муж Раисы Абрамовой. Поздравляю с рождением сына!

— Кого?!

— Да мальчик у вас родился, настоящий богатырь. Турунж тебе сама сейчас все расскажет. Передаю трубку.

— Алло?! — раздался в трубке еле слышный голос.

— Да, слушаю!

— Эрзол, это ты?!

— Ну да! Кто же еще? — изумленно спросил Эрзол. Он не мог поверить, что слышит Турунж. — Как ты оказалась в Москве?

— Вот приехала погостить к Рае, а она меня непустила домой, оставила рожать тут. У нас все хорошо, мальчик здоровый. Эрзол, как назвать ребенка?

Эрзол, растерянный, сбитый с толку, помолчал, пытаясь собраться с мыслями.

— Геной!

— Эрзол, ведь это не еврейское имя, отец будет ругаться.

— Да что он понимает! Сына запиши Геной. И все!

— Хорошо. Как мальчик окрепнет, я приеду к тебе навестить, гостинцев привезу.

— Хорошо.

— Ну, прощай.

— Прощай! Поздравляю!

Турунж протянула трубку Михаилу. Тот опустил ее на рычаг.

— Ну, вот видишь, поговорила. А боялась, что ничего слышно не будет. Какое имя решили дать?

— Гена.

— Ну и замечательно! Есть повод!

В этот же вечер известие о рождении третьего ребенка дошло и до Махачкалы. Мельке была вне себя от счастья. Хаво восприняла эту новость без особой радости.

— И зачем она это делает? Не нужны им дети. Двое есть, и хватит!

— Хаво, что ты такое говоришь? — удивился Нахамьё.

— Да зачем они тут?

Хаво в сердцах махнула рукой и не стала продолжать разговор.

Через две недели после выписки Турунж с новорожденным на руках приехала в Махачкалу. Когда она пришла в дом Бабаевых, Хаво даже не подошла посмотреть на ребенка.

У Турунж сердце сжалось от такого приема.

— Это Гена, — произнесла она наконец.

— Как? — скривилась Хаво. — Гена?!

Даже Нахамьё, который всегда становился на сторону невестки, услышав имя, пришел в негодование.

— Как Гена?! — заявил он. — Так нельзя!

Но Турунж настаивала на своем.

— Так Эрзол захотел.

Хаво, вспыхнув, ничего на это не ответила.

— Откуда нам знать? — сказала она недовольно. — Может, это ты его так назвала?

— Я ему звонила в часть.

— Тоже мне! Мы, его родители, не можем позвонить. С тобой соединили...

— Мне помог Хануков! Он замминистра...

Только через пару дней, когда Турунж не было в комнате, бабушка неслышно вошла в детскую и склонилась над колыбелью, в которой спал Гена. Она с пристрастием посмотрела на детское личико, словно определяя, на кого внук больше похож: на Абрамовых или Бабаевых? И чем больше она смотрела, тем мягче становилось выражение ее лица, но только до тех пор, пока в дверях не появилась невестка. Тут же Хаво нахмурилась и поспешно удалилась.

Эрзол отпраздновал рождение сына в части. Прямо в каптерке собрали нехитрую закуску, из-под полы достали водку и вместе с сослуживцами весело провели время до утра, поднимая тосты за новорожденного и его отца.

К этому времени в положении Эрзола произошли большие изменения. Дивизия, в которой он проходил службу, состояла из десяти полков. В каждом была своя мастерская, где работали по двое портных и сапожников. Дивизионная мастерская, которой заведовал Эрзол, располагалась в хозблоке при штабе, под его началом было десятеро портных и пятеро сапожников. Все они жили в казарме, размещенной в здании бывшей мельницы, и только один Эрзол спал в мастерской.

О пошиве новой одежды сначала речи не заходило, портные умели только латать: солдат явится, ему поставят на гимнастерку заплату, сапог порвался — починят. Понадобилось много времени, пока Эрзол научил их шить. Помимо выполнения своих прямых обязанностей, они стали брать и частные заказы и зарабатывать дополнительные деньги (на них закупали продукты на базаре).

Припасы требовалось каким-то образом сохранять... В одной из подсобок ребята вскрыли полы, вырыли глубокий погреб. Даже в самую сильную жару там было прохладно. Время от времени Эрзол посылал солдат на бахчи, чтобы они поменяли старое обмундирование на дыни и арбузы, которые в изобилии росли в этих краях. Неподалеку от их части размещалась Первая дивизия реактивных истребителей. Узнав, что Эрзол хорошо шьет, к нему часто приходили летчики и их жены. В обмен на платья и костюмы заказчики снабжали портного деликатесами. Даже заместитель командира дивизии по тылу частенько заходил в мастерскую и спрашивал: «Ну, Бабаев, что в погребе вкусенького?»

Не забыл Эрзол и о своем махачкалинском друге, который оказался в этой летной части. Однажды командир эскадрильи обратился к Эрзолу с просьбой сшить ему шинель.

— Да у меня времени свободного нет, — ответил Эрзол, — но для вас сделаю. Только помощник мне нужен. У вас служит мой брат, Бабаев его фамилия, он портной. Если на две недельки командируете его к нам, тогда он станет выполнять мою работу, а я успею сшить шинель.

— Хорошо, — говорит, — завтра его привезут к вам.

— Тогда сейчас сниму с вас мерки, с братом пришлете отрез.

Эрзол выкроил шинель, дал Мише Бабаеву подготовить ее к примерке. Тот был умелым портным, за этот срок он мог и четыре такие шинели сшить, не то что одну.

Ровно через две недели явился за обновой летчик. Примерил шинель, посмотрел на себя в зеркало.

— Хороша! — причмокнул он от удовольствия и полез в карман за деньгами...

— Товарищ полковник, — сказал Эрзол, — денег не надо. К вам просьба одна: переведите брата в полковую мастерскую.

— Хорошо, завтра будет приказ. Но деньги все же возьми. — И протянул пятьсот рублей.

Эрзол взял пачку, вынул из нее две пятидесятирублевые купюры.

— Одну, — показал, — нам с Мишей обмыть шинель, вторую — вам обмыть обновку. А остальные — вот... — и положил деньги в карман новой полковничьей шинели.

И на следующий день вышел приказ: «Рядового Бабаева Михаила перевести старшим портным в полковую мастерскую».

XXIV

Турунж продолжала жить у Бабаевых. Все свое время она посвящала заботам о малышах и хозяйстве. Атмосфера в доме царила не самая праздничная. Холодность Хаво была настолько явной, что невестка ни секунды не могла расслабиться, постоянно находилась в напряжении. Единственным среди Бабаевых, кто относился к Турунж с заботой и теплотой, был Нахамьё.

Но днем он пропадал на работе, и полноправной хозяйкой в доме становилась Хаво. Турунж всё пыталась наладить отношения с ней. Шутила, подхватывала разговоры, старалась первой поздороваться. Но на свекровь это не действовало. Моя мама по-прежнему не понимала своей ошибки: ей следовало подчиниться.

Хаво жила с твердым убеждением, что только она знала, как вести дом, тратить деньги и воспитывать детей. Отличная хозяйка, она успевала и приглядеть за малыша-

ми, и что-то для них сделать. Садуг и Одом уже достаточно подросли, чтобы самостоятельно прибегать на кухню. Они точно знали, что бабушка специально для них уже приготовила что-нибудь особенно вкусное.

И Хаво не забывала при этом упрекнуть невестку:

— Берите, мои дорогие, совсем голодные! Турунж, что ты там копаешься? Дети есть хотят! С двоими не могла справиться, еще и третьего родила, сумасшедшая!

— Не голодные они! Недавно ели! И не надо мне указывать, что делать! Я мать, лучше знаю.

Чем больше Турунж демонстрировала, что ей тоже было известно, как воспитывать детей, как вести хозяйство, тем большее сопротивление она встречала.

Хаво все больше убеждала себя, что Турунж и Эрзолу вместе не жить. Материнское сердце ей подсказывало, что сын уже достаточно возмужал, он теперь не тот мальчишка, который безропотно будет следовать указаниям отца. Эрзол уже вкусил плодов свободы, и ничто не удержит его в подчинении.

Хаво недовольно жаловалась Фире:

— Она думает, что, родив Гену, Эрзола к себе крепче привязала. Но я чувствую, у него нет желания жить с ней под одной крышей. Не нужен ни ему, ни ей третий ребенок! Зачем родила, непонятно.

До слуха Турунж долетали обрывки подобных разговоров, и она негодовала:

— Как можно так говорить?! Я родила ребенка, наследника, а тут такая встреча!

Одно ей стало ясно: Хаво относилась к ней как к нежеланному человеку в доме.

В смятении Турунж спросила совета у матери:

— Что же делать? Она совсем не принимает маленького Гену. Да и на меня смотрит так, что лучше бы я не жила на этом свете!

— Ну, ей не по нраву может быть многое. Ты знай свое. У тебя семья. С ней не ссорься. Она старше. А у нас всегда старших почитали, ты и сама знаешь.

— Я стараюсь. Только без скандала не получается, — вздыхала Турунж.

— А ты не перечь. Не дразни Хаво. Не согласна — промолчи! А поступай так, как считаешь нужным. Будь мудрее.

— Да я так и веду себя. Только невозможно что-то сделать незаметно от Хаво. Она все видит. И она совсем не рада появлению Гены. Почему?

— Ну, ее радость для тебя не главное. Важно, как отреагирует Эрзол. Ему еще долго служить? Гену еще кормишь?

— Нет, молоко пропало.

— Раз отняла от груди, значит, можешь поехать к Эрзолу. Главное, как он отнесется... Примет — ты на верном пути. Третий мальчик должен его порадовать.

— Ты думаешь, мне ехать?

— Конечно. А то забудет, как ты выглядишь.

Так, по совету матери, Турунж снова засобиравалась в путь. Опять в ее душе затеплилась надежда на совместную жизнь.

О своей задумке Турунж решила сообщить свекру.

— Нахамьё, я собираюсь поехать к Эрзолу. Хочу повидать его. Рассказать о Гене. Узнаю, как он там.

— А как же младенец? Он же молока материнского требует.

— Уже нет. Может и без меня несколько дней побыть.

— Ты мать, тебе виднее. Хочешь, поезжай. Денег я тебе дам.

— Спасибо, Нахамьё. Что бы я без тебя делала.

— Да что уж там. Хаво я сам скажу. Об этом не беспокойся, дочка, собирайся спокойно.

Как и в прошлый раз, Турунж, оставив детей на попечение Хаво, отправилась в Туркмению.

Через три дня она оказалась на знакомой проходной войсковой части. Попросила сообщить рядовому Бабаеву о своем приезде.

Эрзола она увидела издали. Он быстрым шагом направлялся к пропускному пункту. Еще издали махнул Турунж рукой.

— Ну, здравствуй! Умеешь ты удивить, — сказал он просто.

Турунж смутилась.

— Ты подожди меня здесь. А я сейчас, быстро оформлю увольнительную и приду.

— Ты не торопись. Я подожду.

Эрзол управился быстро. Уже через полчаса они вместе шли знакомой дорогой к тому дому, где снимали комнату в первый приезд Турунж. Казалось, там ничего не изменилось.

Пока Эрзол ходил на базар, Турунж поставила тесто, смахнула пыль, протерла полы, постелила чистое белье, кинула на пол легкую циновку, которую привезла с собой из дома, чтобы было уютнее.

— Можно сказать, домой приехал, — расплылся в улыбке Эрзол, увидев знакомую циновку на полу.

Турунж побежала на кухню — быстро тесто замесила, начинку приготовила. Не помня себя от счастья, она пекла чуду — любимое блюдо Эрзола. Быстро управилась, снова вернулась к мужу, спросила, что он хочет.

Эрзол мотнул головой, мол, все нормально, и тут же спросил:

— А почему ты в Москве рожала?

— Я к Рае ездила. Она не пустила меня обратно, боялась, что в дороге рожу. И все так здорово получилось. Миша Хануков меня в такую больницу устроил!

— Что отец сказал по поводу имени?

— Ничего, но ему это не понравилось. Только повернуть уже было нельзя. Я, как вернулась, сразу пошла и записала его Геной. Как ты сказал...

— Вот и молодец. Меня тут все Лешей зовут. Сложно русским с нашими еврейскими именами. Некоторые и выговорить их не могут.

— А как же кошер? Как наши законы? Как адат? Традиции?

— Времена меняются. Традиции пусть остаются, а вот имена нужны те, с которыми проще. Ты молодец! Третьего парня родила. Не всем дано такое.

Турунж улыбнулась. Ей было приятно, что, в отличие от Хаво, Эрзол принял рождение Гены, как следовало, с радостью.

Она с удвоенным усердием принялась ухаживать за мужем. Рядом с Эрзолом все было легко и просто. И следа не осталось от прежнего непонимания, недоверия, которое сдерживало его в первый приезд Турунж. С удовольствием он расслабился в атмосфере тепла и уюта, которой жена с большим желанием и умением окружила его. Эрзол на время позабыл, что служил в армии. Рядом с Турунж он почувствовал себя как дома, где малейшее его желание немедленно замечали и старались исполнить.

— Эрзол, хочешь супчик? Я сварила компот. Может быть, перекусишь? — Сколько раз за день повторяла эти слова Турунж.

— Ты прямо как Хаво! — сказал он ей однажды. — Порхаешь вокруг меня. Успокойся. Все нормально.

Ему понравилась такая забота. Это были простые и теплые отношения двух по-настоящему близких людей. Еще один шаг к заветной цели Турунж — воссоединению семьи. Она была счастлива тем, что Эрзол принимал все, что она ему предлагала. И справедливо считала это своим достижением.

Турунж с удовольствием смотрела, с каким аппетитом муж ел приготовленные ее руками блюда. Подмечала, как он улыбался, если она успевала предупредить его очередное желание. Он цокал языком и говорил: «Ну, ты даешь! Дела!..»

Турунж слушала, и ее сердце наполнялось надеждой: дальше будет только лучше. Только пусть приедет домой, и она ему покажет, на что способна.

Для Турунж и Эрзола дни свидания сжались в одно мгновение. Казалось, только приехала, а уже наступило время собираться в обратный путь.

Перед самым расставанием домой Эрзол собрал ей в дорогу деньги и подарки, среди которых был и роскошный туркменский ковер, сотканный вручную. Он к нему давно примеривался, приходил на базар, гладил тыльной стороной руки мягкий ворс, поддакивал продавцу, расхваливавшему свой товар. Эрзол сбивал цену, как и полагалось на восточном базаре. Спорили долго, потом ударили по рукам, довольные отлично проведенным временем, и ковер перешел в собственность Эрзола. Он шепнул Турунж, которая присутствовала при торге, что ковер стоит раз в десять дороже, чем они заплатили.

Наконец пришло время прощаться. Эрзолу было пора возвращаться в часть, а Турунж торопилась успеть на вечерний автобус. Он проводил жену до остановки. Дождался, пока жена войдет в салон, и помахал рукой на прощанье.

Турунж ехала домой с легким сердцем. И дорога показалась короче, чем в первый раз. Все, что она везла с собой, было для нее не просто подарками. Она думала о том, что, если продать вещи, переданные Эрзолом, купить на вырученные деньги простыни, наволочки — в общем, дефицитное барахло, которое легко доставала сестра Рая,

и перепродать все на рынке в Махачкале, то ей, Турунж, удалось бы заработать кругленькую сумму, которой вполне хватило бы до возвращения Эрзола.

И тогда она была бы избавлена от необходимости просить подачки у Хаво. Не унижаться, не слышать ее обвинения, не ловить взгляды, которые, словно сухая трава, кололи лицо Турунж. А там, даст бог, все наладится. Эрзол ее защитит, не даст в обиду. При муже уже не придется ничем торговать. Они заживут спокойной семейной жизнью, как ее мама и папа, да, если говорить по правде, и как Нахамьё и Хаво, — друг к другу они вон как хорошо относились.

XXV

Так Турунж вернулась домой на улицу Ермошкина. Хаво встретила ее неприветливо.

Бедная моя мама, она ничего не могла понять. После четырех лет совместной жизни с Эрзолом все Бабаевы, за исключением добродушного и спокойного Нахамье, оказались на стороне Хаво. Смириться с таким положением вещей, продолжать жить, как будто ничего не происходило, было тяжело. Тем не менее моя мама пошла на эту жертву ради нас, детей. Мельке она рассказала об этом почти спокойно.

— Значит, так тому и быть, — вздохнув, подвела итог Турунж. — Как-нибудь не пропаду. Я не собираюсь с Хаво ругаться и не буду обращать на нее внимания.

Мельке страдальчески посмотрела на дочь. Ну в кого у нее такой строптивый характер? Почему она не могла вести себя, как другие молодые женщины, которые приходили в дома своих мужей? Терпели поначалу, а потом все образовывалось.

Турунж ласково улыбнулась Мельке.

— Не беспокойся за меня, мама. Я выберусь из этой истории.

В последующие дни она со спокойной душой продала часть подарков, переданных Эрзолом для всей семьи, в том числе и туркменский ковер. На вырученные деньги съездила в Москву, накупила с Раей соблазнительных тряпок, дамского белья, пододеяльников, наволочек, простыней и сдала оптом все той же торговке на рынке.

Ах, как обострились отношения между двумя сильными женщинами! Об их взгляды можно было высекать искры. И тут у Турунж начали сдавать нервы. Во время ссор со свекровью невестка не слишком выбирала выражения, ей ничего не стоило повесить голос на Хаво, и это не могло не порождать обратной реакции, не могло не ухудшать и без того тяжелые отношения. Хаво эта борьба тоже непросто давалась. Она уже не знала, как обуздать эту девчонку, и, точно так же, как и невестка, с нетерпением ждала приезда Эрзола, чтобы он как судья рассудил обеих.

Удивительно, что Нахамьё — глава семьи — не замечал надвигавшейся бури.

Через пару месяцев после возвращения из Туркмении Турунж вновь поняла, что беременна. Это открытие настолько ее потрясло, что она оставила детей под присмотром Хаво и побежала к матери за советом прямо среди бела дня.

— Мама, кажется, я опять беременна, — с порога сообщила она Мельке.

Та радостно всплеснула руками:

— Какое счастье. Помяни слова матери, Эрзол будет только рад.

— Я думаю о другом. Хаво!!! От нее это лучше скрывать.

— Да ты чего так испугалась, дочка?! Тебя же за такое не убьют.

— Не знаю.

— Пе-ре-стань!

— Ох, мама, ты не представляешь, до чего дошли наши отношения. Рождению детей можно не только радоваться...

Мельке нахмурилась.

— Я прошу тебя, успокойся. Спокойно вынашивай ребенка. Не волнуйся. Если что, зови, приду, помогу. Деньги у тебя есть?

— Да.

Растерянная Турунж вернулась в дом Бабаевых. Теперь она опасалась Хаво как никогда, боялась того момента, когда свекровь все заметит. Только поскорее бы разрешиться от бремени и дожждаться приезда Эрзола. Большого Турунж не хотела.

Прошло два месяца, и свекровь отметила про себя изменившуюся походку Турунж и растущий живот.

— Что с тобой?! Ты что-то располнела!

— Да.

— Ты что, опять беременна?! — всплеснула Хаво руками.

Турунж молча кивнула.

— Ты совсем с ума сошла! — закричала Хаво. — Зачем ты допустила такое?! Как же нам теперь детей поднимать? Ты что, хочешь и четвертого повесить на шею Эрзолу?! И третьего-то рожать не стоило, а ты еще одного собралась...

— Но ведь я не виновата, — начала было оправдываться Турунж.

— Замолчи! Лучше тебе не рожать этого ребенка! Не нужен он вам, не нужен! — отрезала Хаво и быстро ушла из кухни.

Турунж от нервного потрясения бил озноб, лицо ее покраснело от гнева, еще немного — и она бы набросилась на Хаво.

Через четыре месяца после известия о рождении сына как отличнику боевой и физической подготовки Эрзолу дали отпуск домой. О своем возвращении он поспешил предупредить домашних.

Хаво, как только узнала, что увидит сына, начала считать минуты до его приезда: готовилась, прибирала дом, хлопотала на кухне, придумывая, чем бы вкусненьким угостить ненаглядного Эрзола.

Он появился на пороге дома на четвертые сутки, после того как родители получили от него телеграмму. Повзрослевший, возмужавший, он, сверкая коронками, широко улыбался.

— Здравствуй, мама! — пробасил он.

Хаво обернулась, и, увидев сына, бросилась к нему с радостными причитаниями:

— О-ой, сыночек!

Она обнимала и смотрела на своего Эрзола, будто не веря своему счастью.

— Доехал! Возмужал-то как! Голодный?! Сейчас будет готов ужин.

Хаво не знала, что еще сделать, что предложить, как улыбнуться сыну, приезд которого в один миг сделал ее счастливой, гордой, а главное, уверенной, что кому-то очень скоро не поздоровится.

— Да, подкрепиться не мешало бы. Совсем я отвык от твоей стряпни, — улыбаясь, ответил Эрзол. — Только вот умоюсь и переоденусь с дороги.

Пока мать торопливо готовила на кухне, он прошел на свою половину. В комнате сидела Турунж и кормила Гену молочной кашкой. Садуг и Одом спали в кроватке.

— Вот и я! — провозгласил Эрзол.

Турунж испуганно подняла лицо и расплылась в улыбке. Сердце ее радостно забилося, но она не стала подниматься, боясь потревожить сына.

— Здравствуй! Извини, не могу встать, сам видишь. — Она указала взглядом на младенца. — Доехал как?

— Да все нормально, — успокоил ее муж, проходя в комнату. Он остановился рядом с Турунж, возвышаясь над ней, как сказочный великан.

— Вот, значит, ты какой, Гена Бабаев, — сказал он с нотками восхищения и радости, глядя на сына.

— Да, быстро растет.

Эрзол погладил мальчика по голове.

— Я пойду, умоюсь и поем, проголодался с дороги. Ты приходи потом.

— Уж лучше ты возвращайся сюда скорее. Я не голодна, за ребятами пока посмотрю.

— Хорошо.

Эрзол, прихватив полотенце, вышел и притворил дверь. На пороге появился Нахамьё.

— О-о, кто явился!!! Ну ты посмотри! Все, настоящий мужик. Бравый вид! А?! Вот что значит служба! — Отец с силой похлопал сына по плечу. — Ну, давай закусим.

— А что, есть что закусывать?! — хитро прищурился Эрзол.

— Ну-у, по такому поводу можно немного выпить. Такой праздник не каждый день бывает!

Мужчины сидели за столом, радовались, шутили, смеялись... Эрзол откупорил водку, налил себе и отцу, и они, посмотрев друг на друга, выдохнули.

— Ну, с приездом! — поднял стакан Нахамьё.

— Давай! — с улыбкой ответил сын.

И разом опорожнили стаканы. Началось продолжительное застолье, бесконечные расспросы о службе, работе, знакомых и родственниках.

— Ну, как там цех мой?

— О-о! Без тебя не справляются, так много заказов. Все ждут твоего возвращения. Говорят, появится Эрзол, тогда раскрутимся.

Нахамьё сыпал шутками, громко смеялся. Новость о прибытии Эрзола моментально распространилась по кварталу. Не успели они поднять третью рюмку, как в дверь постучали, и на пороге появился приятель Эрзола, за ним второй. Народ все шел и шел.

Неожиданно он понял, что оказался в привычной для себя обстановке теплого дружеского застолья, веселых, острых шуток, бесшабашного веселья и ощущения того, что там, где он находился, жизнь была беззаботна и прекрасна.

Турунж так и не вышла из своей комнаты. За шумом, весельем, разговорами и расспросами Эрзол не обратил на это особого внимания. Каждую секунду его кто-то тормозил, перебивал, задавал вопросы, как там в армии. Он отвечал, спрашивал, в свою очередь: «А как ты? А как та? А как тот?» Немного утомившись от застолья, он вместе с друзьями решил прогуляться по городу. Вернулся поздно, когда на кухне была только мать, убиравшая со стола.

— Ну, теперь можно и поговорить, мама! — Он поцеловал ее. — Как ты тут? Все также со всем справляешься?!

Хаво растроганно на него посмотрела. Глаза ее сияли.

— Да, сынок, все сама. Как всегда. Как же я рада, что ты приехал! Скорее бы закончилась эта служба.

— Да уже немного осталось. А ты, как прежде, у плиты, всегда дела себе находишь? — спросил, улыбаясь, Эрзол, оглядывая кухню. — Все в порядке?

— Конечно. А разве есть такой человек в доме, за кем могу спрятаться? Да и кому еще по дому хлопотать?

Эрзол коротко хохотнул. Вопрос матери он воспринял как шутку.

— А как же Турунж?

— А что она? Она своей жизнью живет. Куда ей помогать, некогда.

Беззаботная улыбка сползла с лица Эрзола. Ему свело скулы, как будто он съел кислую ягоду. Он поморщился, как от зубной боли, но быстро справился с раздражением.

— Ну, конечно, — пробасил Эрзол. — У нее же трое ребят. Нужно за ними приглядывать, воспитывать... Это времени требует.

— Да если бы она о них заботилась! А то, как ни посмотрю, запрет детей в комнате, а саму поминай как звали, — пробурчала Хаво.

— Как ты сказала? — не понял Эрзол. — Запирает детей в комнате, а сама уходит?

Раздражение в нем нарастало. Хаво вытирала стол и чутко прислушивалась к настроению сына.

— И куда же она ходит? — спустя какое-то время спросил Эрзол.

— А я откуда знаю? Она мне ничего не говорит. Ведет себя так, как будто рядом с ней нет никого. Если за двумя плохо следила, зачем третьего родила?

— Так ты скажи ей.

— Да она себе на уме! Когда приспичит, бросит детей и уезжает в Москву!

— Так ее сестра приглашала. Это же хорошо. В нормальных условиях Гену родила.

— Да, а дома кто делами заниматься должен? И потом, только я начну ей помогать, так сразу кричит на меня, к детям не подпускает.

— Кричит?

— Да она же меня ни во что не ставит. Пререкается постоянно. И как только нахальства хватает! Дети на оборванцев похожи. Никудышная она мать!

Эрзол поморщился, как от нестерпимой головной боли. Ему вдруг до тошноты стал неприятен весь этот разговор. Зачем он спросил? Усилием воли подавил раздражение.

Все-таки женщины — странные существа. Сами себе праздник портят. Он молча оглядывал знакомую с детства обстановку, вспоминал, как с сестрой Фирой устроили однажды беготню вокруг стола и случайно опрокинули полный до краев кувшин молока. Ох, и попало им тогда... А сейчас весело было вспоминать. Тепло на душе становилось.

Неожиданно он вспомнил, что отправлял подарки с женой.

— А где тот ковер, что я передал с Турунж?

— Какой ковер, Эрзол? — удивилась Хаво. — Ничего не было. Турунж ничего не передавала.

— Ну как же? Я же специально покупал в подарок. Роскошный, пушистый такой. Ручной работы.

Хаво пожала плечами.

— Ни про какие подарки я ничего не знаю.

Эрзол побагровел. Хаво сделала вид, что не заметила произошедшей перемены.

— Чему ты удивляешься? Что хочет, то и делает. Мне ничего не говорит, за человека не считает.

— Но я же передавал ковер, подарки, денег ей дал.

— А-а! — махнула рукой Хаво. — Ничего удивительного. Себе все забрала. Она ни словом не обмолвилась о подарках и ничего не передавала.

— Но как так?! — вскрикнул Эрзол.

— Она никого не слушает. Сама себе на уме. С ней жить нормально невозможно!

На Эрзола накатила волна ярости, радость от встречи с родителями, семьей, друзьями, которая переполняла его с того самого момента, когда он переступил порог родно-

го дома, улетучилась. И вместе с радостью ушло и теплое чувство к Турунж, которое возникло, как только он увидел ее с Геной на руках. Его мать унижали в его отсутствие!.. И кто? Его жена! Не успел порог дома переступить, как на него обрушили целую лавину проблем. И из-за кого? Из-за жены! Самый родной человек, его мать, страдала. И опять во всем была виновата Турунж! Всегда она!

Черт! Эрзол со всей силы стукнул кулаком по столу. Вскочил. Теперь никогда она его не обманет! Он не позволит ей притворяться, будто бы она заботится о муже. Все это лицемерие, если о нем заботились, а мать его ни во что не ставили!

Нетвердой походкой Эрзол вышел из кухни. Он был настроен окончательно разобраться с Турунж. Она должна была узнать свое место.

Эрзол в бешенстве распахнул дверь в комнату, где Турунж только что уложила спать детей и сидела у их кроваток, напевая колыбельную.

Эрзол разглядел в сумерках ее силуэт. Его рука скользила по стене в поисках выключателя. В глаза Турунж ударил яркий свет.

— Где деньги?! — зарычал Эрзол с порога.

Испуганная Турунж от ужаса сжалась в комок.

— Где ковер, что я тебе передал?! Куда все это пропало? Как ты посмела не отдать матери то, что я ей посылал с тобой! Воровка! — Эрзол подошел к Турунж.

Она порывисто встала со своего места, скорее инстинктивно, чем осознанно, словно закрывая собой детей, и с ходу получила кулаком в лицо.

Перед глазами все закружилось, поплыло.

— Не смей меня бить, я беременна! — закричала она пронзительно.

Она вскинула над головой руки, пытаясь защититься от ударов. Боль и отчаяние были в этом крике. Все, чего

она добивалась, все, на что она надеялась, разом испарилось, рухнуло: ее надежды, теплое отношение, заботы...

— Так ты еще и беременна?! — заорал Эрзол. — Уходи из этого дома! Мне не нужен еще один выродок!

Он продолжал осыпать ее проклятиями. Бил и бил ее, выкрикивая:

— Я не хочу этого ребенка. Делай аборт!

После очередного удара Турунж потеряла сознание. Очнувшись, Эрзол в растерянности посмотрел на распростертую на полу жену, развернулся и, ничего не говоря, вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Когда Турунж очнулась, она поняла, что больше в этом доме жить не станет. Она уже не хотела ничего: ни сохранять семью, ни пытаться удержать мужа. Все ее надежды рухнули. Турунж понимала, что в один прекрасный день муж ее может убить.

Комната кружилась и плыла перед глазами. Собрав последние силы, она поднялась, одела сонных детей, побросала их вещи в сумку, схватила Гену и Одома на руки, Садуг ухватился за юбку, и, в чем была, ушла из дома. Ушла от мужа, его необузданного гнева, страха перед Хаво... Моя мать бежала, гонимая страхом за себя и будущее своих детей, в том числе нерожденного ребенка, которого носила под сердцем.

Нахамье узнал о происшествии на следующий день. Не было ни скандалов, ни сцен. Все понимали, что это окончательный разрыв. На следующее утро Эрзол торопливо собрал вещи, пошел на вокзал, купил билет и отправился обратно в свою часть, стараясь как можно скорее забыть о произошедшем.

Через полгода Турунж родила девочку. Назвали ее Эллой. Моя мама прекрасно сознавала, что рассчитывать она могла только на свои силы. Четверо детей, мал мала

меньше, — Турунж не могла отлучиться ни на минуту, не то что уехать в Москву. Слава богу, помогала сестра Рая, присылала бандероли с дефицитом.

Турунж прямо с почты шла на рынок и передавала посылки торговке. Только благодаря вырученным за тряпки деньгам Турунж могла хоть как-то свести концы с концами. Прокормить четырех детей одной было не так-то просто.

По действовавшим в Советском Союзе правилам при разводе дети почти всегда оставались с матерью. Отца обязывали выплачивать алименты на их содержание. Но любую помощь со стороны Бабаевых Турунж категорически отвергала. Она не могла пересилить свою обиду и гордость. Турунж была уверена в своих силах, ждала того момента, когда отнимет от груди Эллу и поедет к Рае. Турунж знала, что обеспечит себя и детей, если сможет привезти из Москвы и продать большой тюк с дефицитным товаром.

Тем временем Хаво, хотя ее прогноз полностью оправдался и брак сына не спасло даже рождение Гены и Эллы, тоже не чувствовала особой радости в душе. Хаво не давала покоя мысль о том, что дети, к которым она очень хорошо относилась и помогать которым считала своим долгом, находились вне стен ее дома. На старших внуков, Садуга и Одома, она насмотреться не могла, таяла от счастья, когда они рядом были.

Внуки вдруг стали для нее важнее всего на свете. Хаво была уверена, что только одна она могла воспитать детей правильно, дать им образование, вывести в люди.

Турунж в ее глазах была никудышной матерью, в нищете детей держала. Однако изменить что-либо в сложившейся ситуации Хаво была не в силах.

И тогда ей в голову пришла мысль забрать детей к себе во что бы то ни стало.

Когда Эрзол наконец вернулся из армии и радостное волнение улеглось, Хаво завела с сыном разговор о судьбе его детей:

— Это твои родные дети, твои кровинушки. Надо попытаться их спасти! Ты пойми, они же прозябают в бедности. Надо их забрать, чтобы дать им возможность жить достойно.

Эрзол покачал головой.

— Я ничего не хочу. Не буду никого возвращать, я хочу жить своей жизнью. Если хотите, то узнайте, сколько должен я им платить, пусть живут там!

— Ну нет, этого не будет! — отрезала Хаво. — Она не имеет средств на содержание детей! Турунж перепродает какие-то вещи, зарабатывает на этом копейки, бедные дети чуть ли не голодают, ходят в обносках. Пойми, они носят фамилию Бабаевых! Такое недопустимо. Мы должны сделать все, чтобы твои дети жили достойно. Вы, родители, не смогли наладить нормальные отношения, но дети тут ни при чем. Они не виноваты! Нужно договориться с Турунж, убедить ее в том, что в нашем доме внукам будет лучше.

— Так вот я и собираюсь платить, чтобы дети были сыты и обуты, — попытался противостоять напору матери Эрзол.

— Этой сумасшедшей нельзя доверять детей! Ты что?! Тебе ничего не нужно будет делать! Живи как живешь. Работай! Я их воспитаю. Они ничем тебя беспокоить не будут, все заботы я возьму на себя!

— Да, детям будет лучше с нами. Что она, Турунж, может? Ничего! — вторил жене Нахамье.

Он был сердобольным человеком и все время пытался сделать так, чтобы его внуки ни в чем не нуждались.

— Оставьте меня в покое! — вскрикнул Эрзол и убежал из дома прочь.

Ему надоели вечные напоминания о жене, детях — всем том, что связывало его с прошлым. Любое напоминание о браке с Турунж он воспринимал очень болезненно.

Однажды вечером за ужином Хаво опять завела разговор с Нахамьё:

— Мы должны спасти детей.

— От кого? — изумленно спросил Нахамьё.

— Она же не может их воспитать! Ты что, не понимаешь?! Она же оборванка! Это недопустимо, чтобы Бабаевы жили в нищете! Надо тебе идти к Абрамовым. Скажи, если наши дети не могут жить вместе, то надо поделить внуков. Садуга и Одома можем взять мы, а Гену и Эллу пусть оставят себе. И им будет легче поднимать двоих. И мы хотя бы двух поднимем.

— Делить детей? Разве это нормально?!

— Они не смогут всех их вырастить. Четверых поднять тяжело. Не можем же мы бросить их! Нужно спасти хотя бы двоих! Сходи поговори с Хезгиё. Он добрый, в отличие от его женщин...

— Да, но двое детей... Это тоже обуза. Своих пятерых вырастила, и опять пеленки стирать?

— Ничего, справлюсь. Пусть Хезгиё уговорит Турунж отдать нам двоих старших. Может, хотя бы отцовского слова она послушается...

На следующий день Нахамьё после работы направился к Абрамовым. Он долго раздумывал, как лучше подступиться к делу. Для незлобливой и добродушной Бабаева-старшего это было испытанием. Нахамьё не знал, как объяснить то, с чем он пришел к невестке, но и оставаться в стороне он тоже не мог. Хаво была права: без денег четверых детей не прокормить.

— Есть кто дома?! — громко спросил он, войдя во двор.

На крыльцо вышел Хезгиё.

— А-а, Нахамьё, с чем пожаловал?

— Тут такое дело... — не находя нужных слов, начал свекор.

— Пойдем-ка лучше в доме поговорим. Не враги же мы друг другу. Это Эрзол у тебя бешеный... А ты всегда был добр.

— Зачем ты напоминаешь? Мне и так не по себе от всего произошедшего. Думаешь, я хотел, чтобы случилось именно так?

— Не обессудь... Хорошо, так что ты хотел?

Они прошли в комнату Хезгий и сели напротив друг друга.

— Как Турунж? Как наши внуки? — начал Нахамьё издалека.

— Да ничего, растут. Они спят, потом проходи посмотри на них. Кажется, Эллу Турунж кормить должна.

— Тяжело ей с четырьмя-то?

— Да ничего, справляется. Она сильная. И хозяйка хорошая.

Нахамьё недовольно хмыкнул.

— Хезгий, я все понимаю, но она не работает, дохода нет. Одеть, обуть, накормить-то толком не можете. Я же все знаю... Признай очевидный факт: не поднять вам четверых. Мы можем помочь. Возьмем себе старших двух ребят, а младшие у вас останутся. И нам радость, и вам легче. Как думаешь?

— Э-э, дорогой... Это с Турунж надо говорить. Это ее дети. Как она решит, так и будет.

— И ты можешь сказать свое отцовское слово.

— Отец-то отец, кто же спорит. Но в этом вопросе я на нее давить не стану. Подожди-ка, я ее позову сюда. Или к ней на кухню пойдем.

Мужчины вышли в кухню. Турунж хлопотала по хозяйству.

— Здравствуй, дорогая, — обратился Нахамьё.

Он всегда с большой нежностью относился к Турунж. Дети, которых она родила, его внуки, были для него самыми дорогими существами на земле. И как жаль, что его сын не смог найти общего языка с их матерью.

— Здравствуй, Нахамьё, — ответила Турунж, гадая, зачем свекор явился в их дом. Ничего хорошего от Бабаевых она не ждала. — Что привело в наш дом?

— А почему бы не прийти? Что бы там у вас с Эрзом ни случилось, тебя я всегда рад видеть. Ты умница. Вон сколько у тебя забот — четверых растишь. Я человек пожилой, много всего видел и знаю, что четверых поднять на ноги очень тяжело. Особенно если все заботы тебе одной достаются.

Турунж недоверчиво посмотрела на Нахамьё, недоумевая, к чему весь этот разговор.

— Ничего, справляюсь. Своя ноша не тянет, это мои дети. Сама родила, сама поставлю на ноги.

— Я знаю, ты гордая, — с улыбкой согласился Нахамьё. — Но я о другом речь веду. Послушай меня. Поверь, я тебе ничего плохого не желаю. Я лишь хочу помочь. Четверо детей, да их мать без работы... Ты посмотри, как они одеты. Времена такие, что и себя прокормить тяжело, а с детьми и подавно. Вот что я предлагаю: мы возьмем себе Садуга и Одома. Ты знаешь, что мы живем хорошо, и внуки ни в чем недостатка знать не будут. А младшенькие при тебе останутся. Тебе легче будет, да и детям хорошо! Мы всегда сможем договориться.

Турунж слушала и не верила своим ушам.

— Нахамьё, да что ты такое говоришь?! С ума посходили?! Нет, этого не будет никогда! Я сама их всех выкормлю и выращу, без вашего участия!

— Да пойми же, никто не желает деткам зла, — уговаривал ее Нахамьё. — Мы же не отбираем внуков, просто возьмем на воспитание, поможем. С двумя легче будет.

— Нет! Не бывать этому! Своих детей я никогда никому не отдам. Я их мать, и они должны быть со мной.

Нахамьё только и оставалось, что сокрушенно качать головой.

Хаво копалась в огороде, когда он вернулся домой. Нахамьё не знал, как сообщить жене, что ее план провалился. Стараясь избежать тяжелого разговора, он прошел на кухню, где в это время сидели Эрзол и закадычный друг семьи Исай Адамов. Они выпивали, шутили, хохотали...

— Здравствуй, Исай, по делам или как?

— Да с Эрзолом вот встретились, он пригласил меня посидеть.

— Это хорошо, что зашел, гостям рады. Ну, как там на работе, сынок?

— Да все нормально, познакомился с одним человеком, он нам поможет с тканью.

— Это хорошо.

На кухню вошла Хаво, увидела мужа и сразу же вопросительно подняла брови: какой результат?

— Я ходил к Абрамовым, — начал Нахамьё, пристально глядя на сына.

При упоминании фамилии Абрамовых Эрзола передернуло. Он даже забыл про свой чай. Хмуро посмотрел на отца. Первой не выдержала Хаво:

— Ну, не тани, говори! Что?

— Она не хочет отдавать даже двоих. Отказалась наотрез.

— Как это отказалась? — разволновалась Хаво. — Ты говорил с Хезгиё?!

— Тише ты, — оборвал ее Нахамьё. — Говорил. С него и начал. Толку никакого. Не хочет она отдавать Садуга и Одома, и все тут. А Хезгиё сказал: «Как дочь решит, так и будет».

Хмурый Эрзол вмешался в разговор:

— Я не понял, а кто хочет забрать детей у Турунж?!

Хаво налетела на сына:

— Я не допущу, чтобы наши внуки жили в нищете!

— Да что ты, мама, Турунж же сама собралась их растить, так и не мешай ей. Пусть делает, что хочет, — возразил Эрзол.

Он сидел с отсутствующим видом, и это равнодушие выводило Хаво из себя.

— Как ты можешь так говорить? Этой оборванке нельзя доверять детей! У нее же за душой ничего нет. Внуки мои ходят голодные, грязные. Да где это видано, чтобы дети росли в таких невыносимых условиях. Они носят нашу фамилию. Ты не понимаешь? Мы должны сделать так, чтобы они жили у нас.

— Но если она не хочет их отдавать, мама? — укоризненно возразил Эрзол.

— Это не ответ. Что угодно делай, хоть всех забирай, но дети должны жить с нами! — отрезала Хаво.

Эрзол одним глотком допил остывший чай и встал с места.

— Пойдем пройдемся, — кивнул он Исаю.

Исай торопливо попрощался с гостеприимной Хаво, грустным Нахамье, и, заговорив о чем-то своем, парни вышли из дома. Над Махачкалой сгущались вечерние сумерки.

XXVI

Друг Эрзола и Нахамьё Исай Адамов был презанятной личностью, о которой хочется рассказать подробно.

В паспорте Исая указаны дата и место рождения — 7 мая 1927 года, город Махачкала. Однако настоящую дату рождения Исая не знал никто. В Дагестане в 1920-х годах такой графы в документах просто не существовало. Когда в республике проводилась массовая паспортизация, мать Исая всем своим четверым детям поставила один и тот же день рождения.

Родители его были горскими евреями. Мать звали Дору, отца — Ботоем Адамовым.

Дед Исая Адам Адамов был до революции состоятельным, уважаемым всеми человеком. Занимался виноградарством, владел более полутора тысячами гектаров земли и считался крупным помещиком.

Семья жила в двухэтажном каменном доме с огромным двором, обнесенным глухим забором. Во дворе стоял флигель для прислуги.

Детство Ботоя было беззаботным. Он рос, ни в чем не зная отказа. Так продолжалось до той поры, пока в Дагестан не пришла советская власть, и положение Адамовых, как и всех людей с состоянием, резко изменилось. Когда началась коллективизация, Адам, поняв, что бороться с новой властью бессмысленно, принял решение передать все свои земли колхозам, обратился в соответствующие органы и оформил дарственную. Он надеялся если не заслужить уважение новых начальников, то хотя бы добиться того, чтобы его оставили в покое. Только он просчитался, вчерашние голодранцы, заседавшие в советах, обладали бóльшим аппетитом, чем ему казалось.

Новым начальникам приглянулся огромный каменный дом, в котором жила семья Адамовых. Свое желание власть высказала вполне определенно и настойчиво, и Адамовы перебралась в тот самый флигелек, который до революции занимала их прислуга. В бывшем фамильном доме разместили детский сад. По иронии судьбы спустя много лет именно в этот садик ходили дети работников фабрики Третьего Интернационала, на которую устроился работать Исай Адамов.

У Ботоя и Доуро было двое детей. Кроме того, с ними жили младшие брат и сестра Ботоя. После смерти матери старший брат взял их под свою опеку.

Ботой не мог смириться с тем, что устроила с его имуществом новая власть.

— Как они могли сотворить такое?! Мой отец отдал им все наши виноградники — поддержал новую власть в трудное время, так они за это отняли у него еще и дом, детей малых на улицу выкинули!

Он повторял эти слова не раз и не два, не щадя Советы и кляня их на чем свет стоит. И слова Ботоя дошли до ушей тех, против кого они были направлены. Суд был скорым. Против отца Исая быстро сфабриковали дело, обвинив его в пособничестве кулакам. Решением революционного трибунала его осудили на десять лет тюрьмы и отправили в одну из колоний под Архангельском.

Для семьи Адамовых настали тяжелые времена. Дед Адам сильно сдал после того, как он на старости лет остался без всего. Доуро вынуждена была искать работу, чтобы хоть как-то прокормить детей. Зарплату она получала маленькую, и Исай с остальными детьми, вместо того чтобы учиться, вынужден был искать средства на пропитание. Мал мала меньше, какую работу им могли доверить? И дети рыскали по улицам, собирая металлолом и тряпье, чтобы сдать в пункт вторичной переработки. На заработанные копейки семья жила и даже старалась откладывать на черный день. Однажды Доуро даже удалось съездить в далекий Архангельск на свидание к мужу.

К слову сказать, Ботой в заключении не унывал. Не представляя, как можно оставаться без дела хотя бы минуту, он и за решеткой трудился не покладая рук. Все, кто отбывал срок вместе с ним, удивлялись его работоспособности и находчивости. Непонятно, из каких соображений русские прозвали его Виктором. Против этого Ботой, который легко находил общий язык со всеми, не возражал. Самоотверженный труд Ботоя-Виктора был отмечен и лагерным начальством, и через четыре года Ботоя освободили. Исаю к тому времени исполнилось тринадцать.

После освобождения Ботой устроился работать в отдел снабжения объединения «Дагкурорт» в родной Махачкале. Инициативный сотрудник и здесь не остался в тени, ему назначили хороший оклад, постоянно выдавали пре-

мии за перевыполнение плана, и семья вновь обрела достаток.

Налаженная с таким трудом жизнь рухнула в одночасье. В 1949 году Ботой купил дом на улице Сулеймана Стальского — крепкое каменное строение, которое, как оказалось, приглянулось не только ему. В один из вечеров к нему подошли двое кумыков.

— Дорогой, ты должен поменять этот дом на другой, мы скажем, какой.

— Как это так? Почему? Это мой дом!

— Мы тебе говорим, меняй.

— Зачем?

— Если не поменяешься, тебя убьют!

— Уходите туда, откуда пришли! — бросил Ботой гневно.

Поддаваться на угрозы каких-то урок он не собирался. И как оказалось, напрасно.

С того дня минул год. Однажды Ботой до вечера задержался в одном учреждении на окраине Махачкалы. Когда собрался возвращаться, стемнело. На улицах было безлюдно. Ботой решил сократить путь и направился напрямик через заброшенный пустырь. Тут его окликнул незнакомец.

Ботой обернулся и успел услышать лишь одну фразу:

— Надо было соглашаться!

Тишину пронзили три выстрела. Ботой упал замертво, а бандиты бесследно растворились в темноте. Его тело нашли только утром. Началось следствие. Вскоре сыщики вышли на след банды, которая промышляла разбоем и грабежами. Преступников арестовали и предали суду, но Ботоя было уже не вернуть.

Однако вернусь к рассказу о сыне Ботоя Исае. После окончания десятилетней школы в 1941 году Исай добровольцем ушел в армию. На передовую его не послали,

а прикрепили к госпиталю в качестве коменданта по хозяйственной части. Это было большим везением. На этом поприще Исай отличился, сумев наладить бесперебойное снабжение больницы. Его талант заметило руководство, и Исаю назначили на более ответственную должность заместителя начальника по продовольственно-фуражному снабжению полка (ПФС). Через короткий срок он стал начальником ПФС в Махачкале.

В этой должности Исай встретил известие о нашей победе. Вскоре он демобилизовался и устроился начальником артели «Красный Восток». На новом рабочем месте Исай развернул бурную деятельность.

Артель выполняла и перевыполняла план, не в последнюю очередь благодаря деловой хватке и умению Адамова наладить бесперебойную работу того участка, за который он отвечал.

К тому времени Исай вступил в ряды коммунистической партии, что в те годы было совершенно необходимо для успешной карьеры. Когда при Министерстве местной промышленности организовали Горшвейкомбинат, в горкоме партии подбирали кандидатуру руководителя предприятия и остановили свой выбор именно на Исае Адамове. Так он стал директором фабрики, на которой трудилось около тысячи человек.

Именно тут судьба свела его с Нахамьё Бабаевым. Было это так.

Однажды Нахамьё пришел на прием к Исаю.

— Здравствуйте, меня зовут Нахамьё Бабаев, — представился мой дед.

— Здравствуй. Ты еврей? — сразу огорошил хозяин кабинета Нахамьё.

— Да, — удивился тот. — Наш род принадлежит к горским евреям.

— Очень приятно видеть почти родного человека: я тоже из горских евреев. Так с чем ты пришел?

Мужчины поняли, что могут говорить откровенно.

— Исай, я хотел бы потолковать о делах. Думаю, что мы можем быть друг другу полезны.

— Вот и хорошо, Нахамьё. Предлагаю пойти пообедать. Заодно обсудим наши дела.

Исаю всегда нравилось побалагурить, пошутить во время разговора, даже очень серьезного. Тем самым он располагал к себе собеседника.

Нахамьё улыбнулся и согласился. Направились в ближайший ресторан, заказали блюда.

Исай заинтересованно спросил:

— Ну что там у тебя стряслось?

— Да, как всегда: тяжело приходится. Фондов выделяют мало, ткани хватает лишь на десятую часть плана. Другое дело у тебя. Большое предприятие, с большими фондами... Я бы мог покупать у тебя излишки. Можем расплачиваться без оформления бумаг...

Исай заинтересованно прищурился. Это было хорошим предложением. Он прекрасно понимал сложность проблемы, о которой говорил Нахамьё. Трудности со снабжением швейных артелей он знал не понаслышке, столкнулся с ними во время работы на «Красном Востоке».

Исай был гениальным снабженцем. В условиях тотального дефицита он умудрялся выбить фонды, умело используя для этой цели многочисленные контакты, уходящие высоко вверх по иерархической лестнице советской номенклатуры. Что немаловажно, у него получалось так ловко распределить между цехами добытые с огромными трудностями сырье и фонды, что выполняли план все без исключения.

Никто внакладе не оставался.

...Директор фабрики некоторое время помолчал, словно взвешивая все «за» и «против».

— Знаешь, я со своего человека денег брать не буду. Я бы предпочел, чтобы ты отплатил мне услугой за услугу. Согласен?

Нахамьё широко улыбнулся. Он-то шел на встречу, надеясь уговорить директора фабрики оказать разовую помощь артели, а тот предлагал постоянное сотрудничество.

— Ты хочешь, чтобы я тебе потом продал эту же ткань? — спросил Нахамьё, и собеседники громко расхохотались.

Исай оценил находчивость Нахамьё.

— Нахамьё, я собираюсь расширять производство. Будем открывать новые цеха, понимаешь? Понадобятся портные, закройщики. В твоей артели, я слышал, работают толковые работники. Я мог бы направлять к вам людей на обучение, или даже так: ты мог бы направлять своих закройщиков ко мне. Я буду обеспечен рабочими, а ты сырем для работы.

— По рукам, — ответил Нахамьё.

Упускать золотую рыбку, которая сама плыла в руки, было глупо.

Так началось их сотрудничество.

Исай распорядился отпустить для артели Нахамьё ткань из фонда своей фабрики, потом познакомил его с руководителем артели «Третий Интернационал». На этом производстве Нахамьё покупал бязь. В те годы этот сорт ткани стоил очень дешево. Из нее шили дефицитное постельное белье: пододеяльники, простыни, наволочки. Недорогое сырье позволяло держать низкие цены на товар, поэтому продукция расходилась быстро. При таком быстром обороте средств и Нахамьё не оставался внакладе.

Так между Бабаевым и Адамовым завязались тесные отношения. Мужчины стали чаще встречаться, дружить домами.

Нахамьё интересовало, как Исай смог стать таким успешным человеком. Люди рассказывали разное: Адамова знали и как успешного руководителя, водившего знакомство с начальством, и как человека, который попал в переплет, окончившийся арестом и судом.

Произошло это так. Как и многие предприимчивые люди, Исай, наряду с официально оформленным товаром, который выпускало его предприятие, пропихивал на продажу и так называемую неучтенку — продукцию, которая была произведена из материала, приобретенного на свои средства, без оформления положенных накладных и других сопроводительных документов. Когда товар из официальных партий заканчивался на складах магазинов, с фабрики подвозили сверхплановую «неучтенку». Зарабатывать деньги таким образом было достаточно просто, но от организаторов требовалось наладить надежное прикрытие со стороны милиции и прочих проверяющих органов. За подобную деятельность можно было легко и тюремный срок заработать.

Но кто не рискует, то не пьет шампанского. Деятельная натура Исая требовала выхода, и дело было поставлено на поток.

Однажды через своего хорошего знакомого, занимавшего пост министра просвещения Дагестана, Исай получил заказ на пошив текстильной продукции для детских оздоровительных лагерей, школ и детских садов. Понятно, что, помимо отпущенного по смете, Исай продал неучтенный товар.

Оборот был таким большим, что требовалось вести черную бухгалтерию, которую хранил Лазарь, муж тети Иры, которая росла в доме Адамовых вместе с Исаем.

И вдруг случилось непредвиденное. На одной из сделок по реализации партии неучтенного товара попался заведующий складом предприятия, которым руководил

Исай. Закрутилось следствие. Адамов не смог ему ничем помочь. Самые лучшие адвокаты были бессильны.

Понимая, что обречен, завскладом под давлением «следаков» начал давать показания, в том числе и на Исаю.

И 9 января 1948 года в дом директора фабрики нагрянули с обыском. Самого Абрамова дома не оказалось, поэтому милиционерам пришлось общаться с матерью Исаи Доуро и ее братом Олшолом. Так совпало, что именно в этот день их намеревалась навестить будущая невестка Нина.

Подойдя к дому, девушка почуяла неладное. На первом этаже никого не оказалось, тогда Нина поднялась на второй этаж и увидела, как на придвинутых к стене стульях сидели Олшол и Доуро с перекошенными лицами, рядом с ними — несколько милиционеров, в центре комнаты у стола расположился следователь с бумагами. Увидев Нину, сыщик тут же переключился на нее.

— Вы кто такая будете?

Нина оробела.

— Я их невеста, пришла в гости.

— А кто ваш жених?

— Амай Адамов.

— Проходите и садитесь. — Указав Нине на стул, следователь велел начать обыск.

Сотрудники органов принялись за работу. В нескольких потаенных местах в доме нашли тюки с разным товаром и тканью. Но хозяева дома и их родственники сидели спокойно, только молили Бога, чтобы «сыскарям» не удалось обнаружить главного — огромную сумму в 100 тысяч рублей новыми купюрами.

Тем временем Исай находился на работе. Как только он услышал шум за дверью кабинета, тут же сообразил, что пришли за ним. Кинулся к телефону.

— Алло! Это Исай! Передайте моим, меня арестовали. — И кинул трубку на рычаг как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и на пороге показалась милиция.

Исая забрали. Находясь в следственном изоляторе, он все время искал выход из сложившейся ситуации. Адамов не мог поверить в то, что не сможет выкарабкаться.

Его адвокат через свои связи в милиции познакомился с человеком из органов по фамилии Алхазов. От имени Исая адвокат ему пообещал:

— Он тебя отблагодарит, если ты поможешь избежать приговора. Он не убийца и не представляет никакой опасности для общества, просто попался на грешке. Этим многие занимаются. Зачем хорошему человеку мариноваться на нарах? Пусть лучше работает! А твое доброе дело он не забудет, отблагодарит. Познакомишься с ним, сам поймешь, что правду говорю. Подружитесь — считай, жизнь свою устроил.

Алхазов недоверчиво хмыкнул. Потом кивнул.

— Хорошо. Я с ним встречусь, переговорю. Я знаю «следаков», что ведут его дело...

Уже на следующий день Исай сидел напротив Алхазова.

Тот молча посмотрел в глаза Исаю, а потом тихо произнес, деловито перелистывая страницы дела:

— Прочитайте вот эти показания.

И положил перед Исаем листок, на котором было написано:

«Я тебе помогу, если ты не поскупишься на благодарность!»

Исай дважды пробежал глазами написанное и уставился на Алхазова, не понимая: издеваются или в самом деле помочь хотят.

Опытный работник, Алхазов прочитал сомнение в глазах арестованного.

— Все возможно, — сказал он со значением. — Нужно только ваше согласие.

Исай, все еще сомневаясь, молча смотрел на следователя, вызвавшего его на допрос. Потом решился и как можно безразличнее бросил короткое:

— Сколько?

Алхазов вывел на том же листе бумаги цифры и повернул к Исаю. Тот посмотрел, кивнул, потом так же молча приложил ладонь к груди. Мол, слово чести. На этом допрос закончился.

В этот же день Алхазов встретился с адвокатом арестованного и рассказал ему о том, как Исай должен был себя вести, чтобы выйти на свободу.

— В махачкалинской тюрьме эпидемия туберкулеза. Если человек не опасен для общества, его не держат за решеткой, отпускают, лишь бы результат медицинского обследования подтвердил диагноз. Исаю нужно постараться сделать так, чтобы в его больничной карте оказались данные человека, который действительно болен. Договариваться следует с главврачом тюремной больницы. Зовут Заремой. Надежный человек.

На следующей встрече с Исаем адвокат изложил ему план, придуманный Алхазовым. Поразмыслив, Исай согласился — шанс выбраться на свободу был. Через пару недель в его медицинской карте значился неутешительный диагноз — туберкулез в открытой форме.

Через день Исай уже был на свободе.

Впоследствии Алхазов не раз помогал Адамову выходить сухим из воды в самых сложных ситуациях.

Когда волнения, связанные с арестом и освобождением Исаю, закончились, его мать задумала остепенить сына, женив на хорошей девушке. Стала присматривать невесту. Доуро знала, что Исай работал с Нахамье, часто появлялся в доме Бабаевых. Это семья известная, уважае-

мая, но чтобы там были невесты на выданье, она не слышала.

И вдруг одна из приятельниц Доуро, когда та поделилась с ней своими мыслями, подсказала:

— Так у Бабаевых есть дочь Лиза! Она как раз невеста на выданье! Если Исай дружит с Нахамьё, то молодым будет несложно договориться. Бабаевы — хорошая семья, под стать вашей.

Доуро, немного поразмыслив, решила, что Лиза — лучшая кандидатура, и другой искать не надо. Придя домой, она объявила на семейном совете:

— Я хочу, чтобы Исай сватал Лизу Бабаеву. Лучшего варианта не придумать.

Нина, которая к тому времени вышла замуж, удивилась:

— Стоило так долго искать?! Я Лизу прекрасно знаю. Мы с ней вместе росли. Хорошая девушка. Но дело в том, что у нее уже есть нареченный — Енкур. Бабаевы собираются Лизу выдать за него.

Доуро была озадачена, но от плана отступить не стала.

— Ничего. Я все равно расскажу Исаю про Лизу, а там решим, что делать.

Когда сын вернулся с работы, Доуро рассказала ему о своем решении:

— Тебе надо жениться. Иначе ты со своей работой этого никогда не сделаешь.

— И кого же ты подобрала мне в жены? — удивленно спросил Исай.

— Лизу Бабаеву, дочь Нахамьё.

Исай был изумлен и заинтригован. Он давно знал Нахамьё, но не припомнил, чтобы тот говорил о своей дочери. Исай загорелся желанием увидеть ту, которую его мать выбрала в невесты.

В то время девочка еще училась в школе. Исай выяснил адрес учебного заведения и направился на смотрины.

Придя в школу и увидев дежурного, Исай остановился, соображая, как ему объяснить причину своего появления.

— Здесь учится дочь моего знакомого, — начал он, — меня просили срочно передать ей известие от родителей. Где ее найти? Лизу Бабаеву...

Дежурный с уважением посмотрел на степенного мужчину.

— Вон в том кабинете ее класс занимается, сейчас закончатся занятия.

Когда из кабинета стайкой высыпали ученицы, Исай в растерянности начал гадать: кто же из них Лиза. В недоумении он остановился, понимая, что выглядел глупо. И вдруг он увидел красивую девушку с копной рыжих волос. Он взгляд оторвать от нее не мог.

Вдруг кто-то окликнул школьницу:

— Лиза, ты идешь с нами?

Та молча покачала головой и пошла вперед.

Исай пошел следом, стараясь ничем не выдать своего присутствия. В голове крутилась только одна мысль: его мать — великая женщина, если среди всех девушек нашла ему такую невесту.

В тот же миг он решил действовать без промедления.

Вечером он направился к Нахамье и сразу завел разговор о Лизе:

— Нахамье, я видел твою дочь.

Нахамье внимательно посмотрел на Исаю.

— Она мне очень понравилась. Отдай ее за меня.

Нахамье был немало удивлен такому повороту событий. О судьбе Лизы они с Хаво уже думали, но им и в голову не приходило связать ее судьбу с Исаем. Нахамье даже не сразу нашелся, что ответить.

— Я бы с радостью, Исай, но Лиза уже засватана за Енкура. Мы уже обо всем договорились и, когда она окончит школу, свадьбу сыграем.

— Нахамьё, — горячо возразил Исай, — ты знаешь, кто я такой. Нет нужды лишний раз говорить... Со мной твоя дочь ни в чем не будет нуждаться. А кто такой Енкур? Я ни в коей мере не сравниваю нас, но подумай сам, — настаивал Исай.

На том разговор и закончился. Нахамьё не сказал ни «да», ни «нет». Исай недовольный ушел. Выходя за ворота, столкнулся с Лизой, которая беззаботно возвращалась от подружки. Это был знак свыше. Взволнованный Исай решил пойти ва-банк.

— Ты Лиза Бабаева?

— Да! — немного испуганно ответила девушка.

— Я хорошо знаю твоего отца. Мы много общаемся по работе. — Исай сделал паузу, а потом выпалил: — Ты мне очень нравишься, и я собираюсь тебя сватать.

Ошеломленная таким поворотом событий Лиза молча прошла в дом, не ответив ни слова. Исай остался на улице, проводив девушку взглядом. Адамов боялся говорить об этом, но что-то ему подсказывало, что девушке он тоже приглянулся.

После первой встречи Исай решил быть настойчивым. Он заходил за Лизой в школу, поджидая, когда у нее закончатся уроки. Сначала девушка ничего не отвечала, потом начала бросать в ответ две-три короткие фразы и тут же убегать.

Нахамьё долго не мог решить, как ему поступить. Он рассказал о разговоре с Исаем Хаво, та передала новость Фире.

Бабаевым было о чем задуматься. С одной стороны, Исай был преуспевающим человеком, умным, с достатком. С другой — успел побывать под следствием, поси-

деть в тюрьме. Могло статься, что подобное повторится. Тогда Лиза будет всю жизнь несчастной. Тем более уже сговорились с родителями Енкура... Парень хорошо учился, подавал большие надежды — в общем, можно было надеяться, что он станет опорой для Лизы.

Но Исай не отступал, видимо, решив добиться поставленной цели во что бы то ни стало! Он все чаще заходил в гости к Бабаевым, познакомился с Эрзолом, Фирой и Хаво. Исай был открытым и общительным человеком, не упускал случая упомянуть о своих связях, предложить помощь в решении проблем.

Постепенно его знакомство с Эрзолом переросло в крепкую дружбу. Моего отца тянуло к находчивым и опытным людям, и Исай был именно таким — профессионалом в своем деле, к тому же умным и хитрым. Он понял, что, помогая Бабаевым решать их житейские проблемы, он сможет добиться и разрешения на брак, и расположения Лизы.

Однажды Эрзол рассказал другу о своих семейных проблемах:

— Понимаешь, женили, не спросив моего желания. Представь мою ситуацию! Не мог же я пойти поперек отцовского слова! Да-да! Вот так я и попал впросак. Не хочу даже вспоминать об этом. Родили четверых, а жить вместе не будем.

— Эрзол! Так в чем проблема? Разведись, и дело с концом.

— Да, но мать постоянно твердит о том, что надо забрать у нее детей. Как это сделать, ума не приложу. Любой суд оставит детей матери, а меня обяжет платить алименты.

— Это точно.

— Но мать настаивает, чтобы дети воспитывались у нас. Понимаешь? Мы не можем допустить, чтобы наши

дети росли беспризорниками. В их жилах течет бабаевская кровь. Мы должны взять их в наш дом!

Исай задумался.

— Всегда можно что-то придумать, если постараться. Ты хочешь сказать, что будешь зарабатывать на жизнь, а твоя мать готова их воспитывать?

— Ну да. Турунж живет с детьми у родителей. Денег у них мало. Она перебивается случайным заработком — перепродает вещи на рынке. Получает какие-то копейки! А как сделать так, чтобы дети были с нами, не представляю.

Исай закивал и хлопнул Эрзола по плечу.

— Ты знаешь, неразрешимых ситуаций нет. Дай время. Я что-нибудь придумаю.

На этом разговор закончился.

Через некоторое время Эрзол решил переселиться в Москву. Там жили родственники, и он принял решение поселиться у них, осмотреться, а потом постараться начать новую жизнь.

Нахамьё, узнав о решении сына, отреагировал мгновенно.

— Раз ты решил, едем вместе!

Не желая откладывать дело в долгий ящик, Нахамьё на следующий день оформил отпуск и купил два билета на поезд.

В Минеральных Водах, где предстояло пересесть на другой поезд, на перроне их встретил товарищ Нахамьё — директор базы Крайпотребсоюза. Он тепло поприветствовал отца и сына и расспросил о планах.

— Да вот, собрались ехать в Москву, хотим там попробовать поработать, — признался Нахамьё.

— Наум Давидович, — неожиданно возмутился его приятель, — если не останешься у меня, порву билеты, и ты никуда не уедешь. Что тебе в Москве делать? Есть

Пятигорск, Кисловодск. Побудь два дня, осмотрись. Вдруг здесь пригодишься? Если не понравится, поедете дальше.

Предложение было неожиданным и резонным.

— А что, Леша, давай задержимся. Два дня ничего не решают, — предложил Нахамьё.

Пока они ходили в железнодорожную кассу, компостировали заново билеты, товарищ деда написал рекомендательное письмо председателю пятигорской артели «Швейник» Николаю Александровичу Кобелеву, к которому и направил своего друга с сыном.

Кобелев внимательно изучил трудовую книжку Эрзола, диплом закройщика, а потом сказал:

— Алексей, а иди-ка ты ко мне заведующим производством! Мне такие грамотные люди, как ты, нужны. Принимай руководство хоть завтра.

Это предложение отцу пришлось по душе. Недолго думая, он согласился. Было только одно «но».

— Я-то согласен. Мне только надо вернуться в Махачкалу уволиться.

Но сказать было проще, чем сделать. Из «Красного Октября» отца отпускать не хотели. Председатель заупрямился, припомнил, что артель изрядно потратилась, отправив его на курсы в Москву, — в общем, всячески препятствовал отъезду ценного сотрудника.

Еле-еле Алексею удалось оформить увольнение. Отец сдал цех и наконец перебрался в Пятигорск.

В должности заведующего производством на «Швейнике» Эрзол пробыл недолго. Его сменил Нахамьё, а сам перевелся руководить домом быта, в строительстве которого он принимал деятельное участие.

С друзьями Кутузовым, Кобелевым, главным бухгалтером артели и Нахамьё они шумно отмечали переход Эрзола на новую работу. Застолье долгим не получилось — где-то через час Кутузов забрал моего отца из рестора-

на — по делам, Кобелев тоже заторопился домой. А Нахамьё, хоть пил он крайне редко, предложил бухгалтеру еще немного задержаться.

Утром Нахамьё проснулся с больной головой, жаловался на плохое самочувствие от выпитого накануне.

— Папа, — не удержался Эрзол от шутки, — это еще цветочки, а дальше будет целый букет. Крепись, привыкать надо — должность такая.

В доме быта работало несколько цехов: головных уборов, легкого платья, женской грации. В штате числилось сто человек. Предприятие постоянно выполняло и перевыполняло план и через несколько месяцев было признано лучшим, получило переходящее Красное знамя.

Отец трудился в доме быта на полставки и еще по совместительству работал закройщиком верхней мужской и женской одежды, где зарплата шла от выработки. Эту профессию он терять не хотел, на долгие годы она в прямом и переносном смысле стала для него хлебной.

XXVII

Турунж, стремясь обеспечить четверых детей самым необходимым, часто ездила в Москву за дефицитными вещами. Вот и на этот раз Рая встречала ее на вокзале. Турунж была не одна, на руках у нее сидела маленькая Элла, которую мать не могла оставить на попечение родителей.

Чтобы многодетная мать долго не задерживалась в Москве, Рая сама купила все необходимые вещи, упаковала их в тюки. Турунж оставалось только забрать баулы и увезти их домой.

У сестер был единственный вечер, когда они могли наговориться вволю, излить друг другу душу.

На следующее утро Рая проводила гостей до вагона, на прощанье обняла сестру, поцеловала племянницу.

— Как доедешь, обязательно дай знать, — напутствовала Рая.

— Не волнуйся, все будет хорошо. Уже привыкла к этим поездкам. Спасибо тебе, родная.

— Иди, занимай место, а то мало ли что...

Поезд увозил Турунж с Эллой из столицы. Она ехала в прекрасном настроении! Возвращалась к детям, по которым очень скучала. Ей досталось боковое место в середине вагона. Хорошо, что нижнее. Эллочка, немного похныкав, успокоилась.

Грузчики, нанятые Раей, сноровисто распихали тюки с тряпками по углам. Часть закинули на третью боковую полку, остальное затолкали на верхние полки купейного отсека к неудовольствию тех, кто сидел под ними.

Особено злобствовала одна пассажирка. Но Турунж не было дела до ее причитаний. В душе царили спокойствие и веселье. Турунж смогла сделать то, что наметила. Спасибо Рае!

Все свое внимание Турунж сосредоточила на Эллочке, которая пыталась избавиться от опеки матери, сползти с ее колен и отправиться исследовать железнодорожный вагон.

Состав тронулся с места. За окном проплывал неяркий пейзаж средней полосы. Наблюдая за тем, как жили другие люди, Турунж волей-неволей задумывалась о своей судьбе. Все должно было устроиться. У нее появилась уверенность в этом. Она посмотрела на тюки, свешивавшиеся с верхних полок: там лежали простыни, наволочки, пододеяльники. Все это оторвут с руками на базаре, только разложи на прилавке. И в них заключался залог ее будущего.

Она начала мечтать о том, как приедет, увидит своих мальчишек, в которых заключался весь смысл ее жизни... Ее дети должны быть самыми красивыми, ухоженными, она, мать, должна все сделать для того, чтобы они были счастливы. Скользнула взглядом по тюкам.

«Сколько денег получу?» Она начала прикидывать в уме величину выручки и сбилась. Но главным было то,

что теперь она становилась сама себе хозяйкой. Прощай, зависимость от всех. Она сама сможет обеспечить детей всем необходимым. Она улыбнулась своим мыслям.

Не так просто ее скрутить в бараний рог. Турунж найдет способ доказать Эрзолу, что он был не прав. Они могли бы жить вместе, если бы не вмешивалась его мать...

Сколько раз за месяц она сможет обернуться туда и обратно? Сколько еще привезет? Жизнь можно будет наладить. А там и дети подрастут. Главное, они с ней.

Незаметно для себя заснула. В дорожной суете прошли сутки, вторые. Утром третьего дня ее разбудил громкий крик: «Махачкала! Через час Махачкала!»

За окном тянулись серые кустарники и унылая равнина. Недалеко уже... Соседи по вагону просыпались... Турунж снова посмотрела в окно. Вот и первые приметы приближения города.

Турунж подумала о том, что хорошо бы, чтобы ей кто-нибудь помог вынести все из вагона. Посмотрела по сторонам. Может, попросить дюжих мужиков, что ехали в соседнем купе? Вон того, рыжего, заросшего щетиной. Он сильный... И его чернявого товарища тоже Бог здоровьем не обидел. По два тюка подхватят и понесут.

Конечно, мать и отец должны встречать на перроне. Но разве им такие тяжести можно поднимать? Отец совсем слабым стал. Все время кашлял.

Завернутая туго в одеяло, заворочалась Эллочка.

Турунж стала ее баюкать, успокаивать. Пока занималась дочкой, незаметно для себя и сама задремала. Поезд дернулся. Турунж тут же очнулась. Эллочка тоже открыла глазки и, посмотрев на мать, улыбнулась. Сердце Турунж переполняла нежность. Стоило кому-то из ее детей подать голос, как она забывала обо всем. Мысли сразу переключались на сыновей. Как там они без нее?

Турунж выглянула в окно. Слева и справа от нее торжественно проплывали составы, замершие на запасных путях.

Поезд, кряхтя и лязгая буферами, подкатил к платформе. В окне показались фигуры встречающих. Вагон в последний раз дернулся, пассажиры по инерции подались вперед, и состав остановился. Через окна доносился голос диктора, объявляющего о прибытии московского поезда. В вагоне поднялась суeta — люди торопились поскорее выбраться из душного вагона. Самые нетерпеливые уже стояли у дверей, когда там началось столпотворение — все замерли, словно кто-то перекрыл выход. Еще через мгновение толпу волной качнуло назад, и все рванувшие вперед с тюками, чемоданами и сумками начали пятиться. В вагоне тут же поднялся недовольный ропот. Кто-то с кем-то ругался, требуя пропустить. Турунж посмотрела в окно. Вроде бы мелькнул платок Мельке. Эллочка что-то агукнула во сне.

Вот и конец пути. Теперь оставалось только вытащить то, что она с собой привезла.

— Простите, вы мне не поможете? — обратилась Турунж к рыжему верзиле.

Мужчина обернулся.

— Вон те мешки... — Турунж указала рукой.

Рыжий хмуро кивнул.

— Спасибо, — поблагодарила Турунж. — Одна не справлюсь.

Она снова выглянула в окно. Родителей не было видно. Завтра же побежит на рынок, передаст товар продавцам. За детьми присмотрит Мельке...

Люди, столпившиеся в узком проходе, по-прежнему наседали друг на друга, но с места не двигались. Эллочка начала плакать. Турунж принялась ее укачивать. «Тихо, девочка моя! Угомонись. Скоро выйдем, домой придем».

В вагоне становилось душно.

Вдруг по вагону пронеслась зычная команда: «По местам! Всем разойтись по своим местам!»

— Что такое?

Турунж привстала с Эллочкой на цыпочки, сляясь рассматривать, что происходило.

В самом начале вагона, у двери в тамбур, она увидела двух высоченных мужчин в синей милицейской униформе.

«Проверка документов, что ли? Или ищут кого? — подумала Турунж. — Она скользнула взглядом по своим случайным попутчикам. — Может, бандит какой с нами едет или грабитель? Их так много развелось, если верить всему, что рассказывали на рынке».

— Всем по местам! — пронеслось по вагону.

— Да что же это такое?! Приехали, а выйти честным людям не дают! Я на работу опаздываю! — громко возмутилась женщина, которая в начале пути была сильно недовольна тем, что Турунж пристроила часть своего багажа над ее полкой.

— Наверное, «зайцев» ищут! — ухмыльнулся рыжий верзила.

Турунж сидела на своем месте и равнодушно смотрела на то, что происходило в дальнем конце вагона. Милиционеры поочередно, не торопясь, подходили к пассажирам, требовали документы, изучали, переходили к следующему.

«И долго они так собираются нас мурыжить», — подумала Турунж, глядя на Эллочку.

Не ровен час ребенок проснется.

Милиционеры продвигались к центру вагона.

Турунж со спокойным сердцем смотрела, как капитан с лошадиной челюстью и его напарник обходили одно купе за другим, то исчезая, то появляясь в проходе.

Документы у всех были разными. Кто-то протягивал справки из мест освобождения, кто-то зеленые паспорта с изображением серпа и молота.

Турунж спохватилась, где же ее документы?! Полезла в сумочку.

Огромный милиционер (Турунж затруднилась определить, что это за чин с четырьмя звездами на погонах) вошел в соседний отсек. Оттуда послышался гнусавый мужской голос: «Гражданин начальничек, я здесь не при делах. Я только с зоны откинулся. Если кого почистили, то это точно не я». Равнодушно-грубое «Документы давай» прервало поток излияний говорливого урки.

От громких голосов проснулась Эллочка. Турунж начала ее укачивать. Без всякого беспокойства посмотрела на второго милиционера, который подошел к их отсеку, бросив такой же безразличный взгляд на молодую мамашу с ребенком. Милиционер пристально посмотрел на ту самую тетку, что всю дорогу выражала недовольство тюками Турунж.

— Что везешь? — грубо спросил он, пнув ногой ее чемодан.

В это время капитан с лошадиной челюстью, закончив разбираться с гнусавым уркой, подошел к Турунж.

— Ваши документы, — бросил он, угрюмо оглядывая оставшиеся полвагона.

Турунж торопливо полезла в сумочку. Достала паспорт. Протянула милиционеру. Застенчиво улыбнулась, показав глазами на спящую Эллочку. Мол, не видите, какой драгоценный груз. Кормить пора.

Милиционер с каменной физиономией, скосив глаза на Эллочку, развернул паспорт. Пробежал взглядом по странице. Потом посмотрел на Турунж. Потом снова в паспорт. Будто не умел читать. Обернулся к своему напарнику, что проверял документы в отсеке напротив.

— Егоров!

Егоров оторвался от скандальной дамочки, которая что-то объясняла, тыча в паспорт толстым пальчиком.

Капитан протянул напарнику паспорт Турунж.

Тот с таким же безразличным выражением лица смотрел в паспорт, потом вернул его своему сослуживцу.

— Вы Бабаева? — спросил капитан равнодушно.

— Бабаева, да... — улыбнулась Турунж. Она никак не могла взять в толк, что этим милиционерам от нее надо.

Что-то в ее улыбке смутило проверяющего. Он полез в китель. Достал оттуда сложенную бумажку, развернул, прочитал. Потом снова вперился в паспорт.

— Бабаева Турунж Хезгияевна? — спросил он.

— Да, Бабаева Турунж.

— Одна едете?

— Вот дочка!

От духоты малышка начала ворочаться. Сейчас раскапризничается, и все.

— Вещи какие с собой везете?

— Да вот же... — Турунж неопределенным кивком головы указала на верхнюю полку, потом на чемодан, что стоял у ее ног.

— Это все?

Турунж смутилась и кивнула на пару тюков, что козырьком нависали над ее головой.

— Вон и вон.

Милиционер посмотрел на верхнюю полку.

— Это все?

Выражение лица у Турунж стало упрямым, как у капитана, что вдруг к ней пристал.

— Ну да.

Капитан обернулся. Посмотрел на отсек, где сидели верзила с товарищем и скандальная тетка. Шагнул в него.

— Это чьи вещи? — хмуро спросил он, указывая на мешки с третьей полки.

Верзила и его напарник испуганно отвели глаза в сторону, словно чего-то испугались и отвернулись друг от друга, словно не слыша вопроса.

— Так чьи же это вещи? — с металлом в голосе спросил милиционер.

— Вот ее, — указала пальцем на Турунж скандальная тетка.

Милиционер перевел взгляд на Турунж.

— Ваши?

Турунж испугалась. Невольно мотнула головой влево-вправо, мол, нет. И тут же поправилась:

— Мои...

Лицо капитана стало совсем каменным.

— Где еще ваши вещи? Показывай.

Турунж, робея, принялась показывать.

— Вот, вот и вот...

С каждым ее словом глаза милиционера становились все злее и азартнее, как у гончей, взявшей след.

— Шесть тюков, — насчитал капитан. — Все ваши?

Турунж почувяла неладное.

— Да. Это подарки. Родне.

— Собирайтесь. Разберемся, — приказал капитан.

— Где разберемся? — не поняла Турунж. Она вдруг испугалась. — Мне идти надо. Меня родители ждут! Мне ребенка пора кормить.

Она приподняла Эллочку, словно это был щит, за которым можно было спрятаться от надоедливого милиционера. Ей захотелось убежать из этого душного вагона.

Она вдруг подхватила один тюк, словно во сне. Соседний отсек был уже почти пуст. Люди, у которых уже проверили документы, со злорадным любопытством уставились на Турунж, словно застали ее за каким-то

неприличным занятием. Вдруг она изо всех сил рванула вперед.

— Эй, ты куда?

Милиционер грубо ухватил ее за рукав.

— Стоять!

— Что я вам сделала? — Глаза Турунж наполнились слезами. Она не на шутку испугалась.

— Я могу идти, гражданин капитан? — спросила скандальная тетка и зло посмотрела на Турунж, словно это она устроила всю эту задержку.

— Минутку, — грубо оборвал ее капитан. — Егоров, выпускать остальных.

— Открывай двери! — крикнул сержант проводнице через весь вагон. Люди сразу засуетились, желая поскорее выбраться, пока их снова не задержали. Те, кого отпустили, сразу показались Турунж отстраненными и чужими. Косясь на молодую мать, как на прокаженную, они бочком огибали капитана, пропихивая вперед свои пожитки.

— А вы останьтесь, — капитан ухватил за рукав того самого мужика, которого Турунж хотела просить помочь, и его чернявого напарника.

Те непонимающе уставились на капитана.

— Эта женщина ехала с вещами? — обратился высокий в милицейской форме к мужику с рыжей щетиной.

Тот нехотя посмотрел на вещи.

— Не видел.

— А если подумать? — с угрозой в голосе произнес капитан.

Он перекрыл выход из отсека.

— Кто может подтвердить, что эта женщина ехала с этими вещами? — спросил он грозно всех троих.

— Я! — с готовностью ответила скандальная попутчица. — С этим она ехала. И с этим. А про это ничего не знаю, — кивнула она на самый дальний тюк.

— Хорошо, — пробасил капитан. — Пойдете с нами. Понятыми будете. Подпишете протокол.

— А я-то чего? — запротестовала тетка. — Я ей нянька, что ли?! Я просто сказала, что видела.

Младший сержант на скандалистку шикнул, и та сразу замолчала.

— Забирай, Егоров, — кивнул капитан на тюки Турунж.

Егоров послушно ухватился за два мешка, потянул на себя и чуть было не завалился под их тяжестью.

— Тяжелые, товарищ капитан, — смутившись, пожаловался он.

— Ты что, Егоров! — презрительно оскалился капитан. — Баба одна справилась, а ты, мужик, не можешь? А ну тащи, — рявкнул он.

Мужичок в милицейском кителе подхватил мешки и потащил их по коридору волоком.

«Как тащишь? Там же новые простыни, испачкаешь, порвешь!» — чуть не крикнула Турунж, но вовремя сдержалась. Надо было думать о другом.

— Какой протокол? — взмолилась она, обращаясь к милиционеру с лошадиной челюстью. — У меня ребенок! Мне его кормить надо!

Турунж умоляюще смотрела то на капитана, то на его помощника.

— Не волнуйся. Сейчас нас отпустят, — шепнула она Эллочке, словно та все понимала.

— Потом покормишь. Давай двигай. — Капитан подтолкнул Турунж в спину.

Турунж одной рукой подхватила чемодан, другой — прижала к себе Эллочку. Мир, до этого такой светлый и радостный, вдруг сразу стал страшным и унылым.

Оказавшись в тамбуре, Турунж сразу увидела стоявших на перроне отца с матерью. Лицо Мельке стало встре-

воженным, когда она увидела свою дочь в сопровождении двух милиционеров.

— Мама! — прошептала Турунж.

Мельке бросилась к ней.

Огромный капитан преградил ей дорогу.

— Вы кто такая?

— Я ее мать.

Только Хезгиё, еще ничего не понимая, громко спросил:

— А где же вещи?

Турунж стояла, не зная, что ответить. Мельке первой почувствовала неладное.

— Да оставь ты эти вещи! — досадливо крикнула она Хезгиё и потянула дочь за рукав.

— Пойдем домой.

— Задержанная пройдет в отделение милиции, — пробасил милиционер.

— Как задержанная? — ахнула Мельке. — За что? Что вам надо от моей дочери?! — вдруг закричала она. — Не видите?! У нее грудной ребенок! Ей кормить дитя пора!

— Так, гражданка, заберите младенца и отправляйтесь домой. А ваша дочь пройдет с нами для выяснения всех обстоятельств.

— Каких обстоятельств? Что вы делаете? — заголосила Мельке.

— Бабаева, — рявкнул капитан, — передай ребенка гражданке.

Турунж, как во сне, послушно передала Эллочку матери.

— Каких таких обстоятельств? — все повторяла Мельке. — Куда вы ее тащите?

Все, кто стоял на перроне, обернулись в их сторону. Капитан ухватил Турунж за рукав и бесцеремонно потащил за собой.

— Егоров, бери носильщика и за мной, — бросил он сержанту, который заметался по перрону, не зная, что делать: то ли бежать за капитаном, то ли сторожить тюки, на которые с интересом поглядывали непонятные личности, моментально нарисовавшиеся на горизонте.

Турунж, не смея от стыда оторвать глаз от земли, покорно шла рядом с капитаном.

— Да что вы ее, как преступницу, ведете? — кричала Мельке, семена за дочерью. — Она же молодая мать.

Капитан не обращал внимания на эти крики. Это было настолько привычно, он просто делал свое дело. Дома его ждала жена и друзья, отмечали ее день рождения, а он должен был заниматься какой-то спекулянткой.

Турунж стало мутить. Она все еще не могла взять в толк, что эти люди в синей форме от нее хотели.

Отделение милиции располагалось в здании вокзала.

Капитан вошел в кабинет и указал Турунж на стул. Сам уселся напротив, за желтый, весь в царапинах канцелярский стол, на котором стояла чернильница с трещиной да лежала забытая кем-то кепка-аэродром.

Безо всякого интереса он рассматривал Турунж в цветастом платке. «Еврейка или даргинка?» — гадал он. Без ребенка на руках Турунж чувствовала себя беззащитной. Разболелась голова.

Капитан достал из ящика стола пачку «Беломора», хорошо продул и ловким движением прикусил самый кончик. Затянулся. Часы показывали без десяти минут одиннадцать. День был в разгаре.

Капитан заметил, что задержанная начала паниковать. Она никак не могла взять в толк, за что ее арестовали.

«Либо притворяется, либо мы дали промашку», — подумал милиционер.

Смутно в голове Турунж всплыли обрывки давнего рассказа отца о том, как он сидел в тюрьме.

Дверь распахнулась, и на пороге появился сержант.

— Товарищ капитан, понятых куда?

— Пусть посидят в соседней комнате.

— Понял.

Капитан затаился, выдохнул прямо Турунж в лицо.

— Ну что, приступим к досмотру? — спросил он безразлично. — Что в мешках?

Задержанная как будто не слышала. В этот момент дверь распахнулась и на пороге появилась ее мать. На руках она держала орущего ребенка.

В комнате на секунду заговорили все сразу. Турунж бросилась к Эллочке. Капитан, перегнувшись через стол, попытался ухватить ее за плащ. От напряжения Мельке вдруг заголосила на еврейском.

Капитан взревел:

— Егоров!

В комнату тут же ворвался сержант. Мать и дочь прижались друг к другу. Эллочка кричала все требовательнее. Сержант в растерянности замер, не зная, что делать.

— Освободить помещение! — ревел капитан.

Обе женщины сразу же затихли. Орала только Эллочка.

— Егоров, всех из кабинета вон, кроме задержанной!

Егоров вытолкнул Мельке. В комнате снова остались только Турунж и капитан.

— Черт знает что такое, — рассердился милиционер.

Турунж испуганно молчала.

— Что в мешках, рассказывай?

— Товарищ начальник, я же говорила. Это подарки!

— Откуда?

— В Москве купила.

— В Москве, значит, купила? Какие именно вещи находятся в тюках?

— Постельное белье, нательное белье, сорочки, ночные рубашки.

— А для кого везла?

— Я же сказала: для родственников.

Капитан замолчал. Сел за стол. Стал заполнять какие-то бумаги.

— Егоров! — крикнул он.

Милицейский старшина тут же вошел.

— Вскрой, — приказал капитан.

Старшина подошел к ближайшему тюку, достал перочинный нож и как заправский хирург взрезал первый мешок. Оттуда посыпались вещи: сложенные заботливой Раиной рукой наволочки, простыни, дефицитные женские комбинации.

Сержант проделал то же самое со вторым тюком, с третьим. И так до последнего. Из всех них сыпались десятки простыней, женских ночных сорочек, простыни, наволочки...

— Вот это родня!.. Человек пятьсот! Да, товарищ капитан?! — ухмыльнулся сержант.

Турунж с ненавистью посмотрела на капитана. Что он делает?! Это же ее сокровище! Надежда на спасение. Хотят это забрать?

— Это все в подарок, да? — угрюмо спросил капитан.

Турунж ничего не ответила. Закусила губу. Ее еще сильнее замутило.

— Знаешь, как это называется?! — заорал вдруг капитан. — Спе-ку-ля-ция. Понятно? Зови понятых, — приказал он к Егорову. — Будем составлять протокол об изъятии.

Турунж попыталась протестовать, но капитан на нее прикрикнул, и она замолчала. Изредка дверь открывалась и закрывалась, в кабинет входили и выходили какие-то люди в форме, с любопытством поглядывая на ворох белья, лежащий на полу. В такие моменты до Турунж доносился плач Элочки, и она видела в проеме двери испуганное лицо матери.

Все, что она теперь могла, — это только молчать.

Слово «спекуляция» в те годы было страшным. За спекуляцию золотом сидел ее отец. И вот теперь его дочь по такому же обвинению попала в милицию.

Турунж стало тоскливо и обидно. Почему это случилось именно с ней? И именно сейчас, когда жизнь только-только стала налаживаться. Что она плохого сделала? Она же ничего не крада. Купила на свои, честно заработанные. Кому будет хуже, если она станет чуть сытнее жить. Ведь все делалось ради детей!

— Товарищ милиционер, я не спекулянтка! Мне детей кормить нечем. Это на хлеб.

— На хлеб?! — злорадно спросил капитан. — Знаешь, сколько этого хлеба можно купить на твой товар? Да тебе его столько не съесть.

Он что-то еще кричал. Турунж плохо понимала происходившее. В голове вертелась одна мысль: что будет с детьми, если ее задержат? Кто их будет кормить? К кому бежать за помощью?

Она видела, как оба понятых подписали какие-то бумаги и вышли из кабинета. Они снова остались втроем: капитан, она и его помощник, фамилию которого она никак не могла запомнить.

— Подпиши, — толкнул тот вдруг Турунж. — Не слышишь, что ли?!

Она вздрогнула. В самом деле, ничего не слышала.

На ватных ногах встала, подошла к столу, перед глазами все расплывалось.

— Прочитай и подпиши, — велел капитан.

Турунж с испугом смотрела на корявые буквы капитана и ничего не понимала: что она тут могла прочесть.

— Вот здесь... — ткнул пальцем капитан в бумагу. — Это подписка о невыезде. Будешь являться в следственную часть по вызову, поняла?

Эта фраза «подписка о невыезде» показалась Турунж спасительной. Значит, не арестовали. Отпустили... Ей сразу показалось, что в комнате стало светлее. Значит, с детьми ничего не случится. А там, даст бог, и вещи вернут. Надо будет позвонить Рае, спросить, что делать. У нее муж влиятельный! Он подскажет.

Турунж торопливо подписала корявым почерком бумагу. И с надеждой посмотрела на капитана: «Я могу идти?»

Тот тяжело посмотрел на нее.

— Можете, гражданка Бабаева, но ненадолго. Когда понадобится, вас вызовут.

— А вещи как же? Вещи я могу забрать?

— У, прыткая какая! Это теперь вещдоки, — усмехнулся капитан.

— Какие же это вещдоки? Это простыни, наволочки. За них же деньгами плачено. С миру по нитке родственники собирали.

Турунж разрыдалась. В тот момент ей казалось это самой страшной потерей.

В Москве в кабинете супруга Раи Михаила Ханукова раздался телефонный звонок. Он привычным движением руки снял трубку:

— Слушаю!

— Здравствуй, Миша, это Толя.

— Да, Толя, слушаю тебя.

— Миша, нам надо поговорить.

— А что случилось?

— Случилось. Давай встретимся через полчаса у памятника Пушкину.

— Хорошо. Буду через двадцать минут.

Он встал из-за стола, накинул пиджак, висевший на спинке кресла, и вышел из кабинета.

— Я обедать, — кинул он секретарше в приемной.

Путь до памятника Пушкину Хануков проделал почти бегом. Его старый знакомый, сыщик из следственного отдела на Петровке, просто так звонить бы не стал. Через двадцать минут он уже пожимал руку своему товарищу Анатолию, который был ему обязан за помощь в устройстве дочери в институт. С тех пор мужчин связывали добрые приятельские отношения.

— Миша, даже не знаю, как тебе сказать...

— Говори как есть.

— Я сегодня узнал, что на твою жену Раю выписан ордер на арест.

— Да ты с ума сошел! Как?! За что?

— Я и сам поражен. Мой знакомый из следственного отдела сказал, что она замешана в спекуляции какими-то тряпками. Она здесь покупала вещи, и потом ее сестра продавала их в Махачкале.

Хануков тут же вспомнил последние визиты Турунж в Москву, их поиски подарков для многочисленной родни, как упаковывали их... Вспомнил, как Рая просила машину, чтобы доставить Турунж на вокзал. Дело принимало дурной оборот. И это был не навет.

— Как думаешь, у моей жены есть шансы выбраться?

— Миша, я тебе очень обязан, но здесь ничем не могу помочь. Если бы это дело поручили мне, я бы ее вывел, но оно у других, и ему уже дан ход. Ничего не сделаешь. Я бы советовал во всем признаться. Дадут по минимуму. И главное, надо отвести тебя. Она покупала вещи на твоих же базах. Ты понимаешь, чем это может обернуться?

— Я тебя понял. Спасибо, что предупредил. Держи в курсе дел.

Михаил быстро попрощался и помчался домой.

Приехав, он с порога крикнул жене:

— Рассказывай, что вы там с Турунж затеяли? Что натворили?

— О чем ты? Что значит «натворили»?

— Она же приезжала, чтобы купить вещи и потом перепродать их в Махачкале?

— Кто тебе это сказал?

— Это уже не важно. Вся беда в том, что это знаю не только я...

— Боже мой! Но как же они могли узнать?! Мы были осторожны, никому не говорили, и потом, кто будет за нами следить, если таких, как мы, в Москве сотни?! Все что-то покупают, туда-сюда с тюками ездят...

— Не знаю. Непонятно, почему за вас взялись. Как будто кто-то настучал. Да и какая к черту разница?! Плохо то, что все известно органам. Я говорил с Толей Лаптевым, он мне все рассказал.

— И что? Он же твой друг, сможет помочь!

— Толя был бы рад. Ты же знаешь, он и ко мне, и к тебе хорошо относится, все понимает. Он сам был немало удивлен такому повороту дела. Что самое ужасное, по его мнению, у тебя нет никаких шансов избежать суда.

Рая, услышав последние слова, на секунду окаменела. В памяти всплыли самые страшные дни ее жизни — заточение в камере смертников, ожидание скорого конца, потеря ребенка.

— Но ведь надо что-то делать? Позвони своим друзьям, пусть они тебя выведут на большое начальство. У следователей тоже есть начальство! Если договориться, можно все уладить. Мы же не воровки, не убийцы... Все можно объяснить!

— Рая, спустись с небес на землю. Толя слишком поздно узнал об этом деле. Раньше еще что-то можно было сделать, сейчас уже невозможно. Время упущено.

Михаил прошелся по комнате к окну, посмотрел на улицу, отодвинув дефицитную тюлеву занавеску. За окном все так же ходили люди. И никому не было дела до его трагедии.

— Учитывая то, что они все знают, надо во всем со-
знаться. Там, в Махачкале, это дело уже крутят местные
следователи. Договориться со всеми невозможно. А если
ты сознаешься и попросишь возможность искупить вину,
за это могут скостить срок. Я уверен. Если ты этого не
сделаешь, то будет только хуже. Ты только подумай: ты на
моих же складах добывала вещи, через мои связи. Если
ниточку захотят потянуть, то и меня могут вплести в это
дело. Если мы оба окажемся по ту сторону решетки, то это
будет крах. Нам никто не поможет. Тогда прощай все. А так
я что-нибудь для тебя придумаю. Обязательно придумаю.

Михаил немного помолчал, испытующе глядя на пол-
ный ужаса взгляд жены. Он не испытывал к ней жалости.
Сама виновата. Так глупо попасться. Тоже мне, сестра ми-
лосердия. Желание помочь родственнице притупило чув-
ство осторожности? Думала, его высокий чин отведет от
них любую беду?!

Он налил Рае воды. Та судорожно отпила глоток и с
надеждой посмотрела на мужа. Поняв, что жена способна
воспринимать советы, он продолжил:

— Главное явиться с повинной прежде, чем за тобой
придут. У тебя остались какие-то вещи Турунж?

— Нет, она все забрала.

— Это хорошо. Значит, тут ничего не найдут. На до-
просах только говори, что я ничего не знал. Об этом на-
шем разговоре и не вспоминай. Я постараюсь создать нор-
мальные условия, если тебя осудят. Не волнуйся, я тебя не
оставлю.

На следующий день Рая явилась с повинной.

Весь процесс занял немногим более двух часов. Рая
была потрясена тем, что следствию было известно все.
Против сестер были неоспоримые улики.

Рая во всем следовала указаниям мужа. Сразу заявила,
что хочет сделать признание. Попросила занести в прото-

кол, что не перепродавала вещи, а лишь помогала сестре покупать, чтобы свести концы с концами, после того как муж ее оставил без средств к существованию. После этих слов Раю тут же арестовали. Копии протоколов ее допросов, в которых она полностью признала свою вину, следователи незамедлительно направили в Махачкалу.

XXVIII

Стояло солнечное утро. Пока закипал чайник, Мельке хлопотала во дворе. В это время раздался стук в калитку. Моя бабушка подошла к ней, откинула щеколду.

— Здравствуйте! — буркнула почтальонша. — У меня заказное для Турунж Бабаевой.

— Турунж, дочка! — прямо со двора крикнула Мельке. Сердце ее заколотилось от волнения.

— Что?! — ответила с крыльца Турунж.

— Тебе письмо принесли.

Она, вытирая о фартук руки, вышла к почтальонше.

— Распишитесь здесь и здесь, — протягивая химический карандаш, сердито сказала разносчица почты.

Турунж неуверенной рукой вывела фамилию. Отдала карандаш и взамен взяла маленький серый конверт, с испугом на него глядя.

Мельке накинула щеколду и обернулась к замершей дочери.

— Что там?

Турунж надорвала письмо и вытащила бумажку. Это была повестка к следователю — назавтра.

Весь оставшийся день Турунж была сама не своя. Все валилось из рук. Даже когда она одевала ребятишек, кормила малютку Эллочку, она думала о том, что ее ожидало. Было страшно.

До прокуратуры Турунж провожала Мельке. В само здание мать не пустили.

На негнущихся ногах Турунж поднялась на второй этаж. С трудом нашла нужную дверь. По коридорам передвигались какие-то люди в военной форме. На несчастную женщину никто не обращал внимания.

Она постучала. Из-за двери, обитой коричневым дерматином, раздалось:

— Войдите.

Турунж потянула на себя ручку. Она ожидала увидеть того самого капитана, который задержал ее на вокзале, но вместо этого увидела грузного человека в штатском с лысиной, который сидел и что-то читал.

Через секунду он оторвался от своего занятия и окинул взглядом посетительницу.

— Садитесь, — сказал хозяин кабинета, кивком указав на стул.

Турунж робко села на краешек стула.

— Моя фамилия Сергеев, я следователь, — сухо бросил хозяин кабинета. — Давайте повестку, — добавил он, мягко протягивая руку.

Турунж отдала листок.

Тот небрежно бросил его на стол.

— И паспорт...

Турунж достала документ и протянула следователю. Тот открыл, пролистал все страницы, что-то списал. Почесал затылок.

— Вас задержали в поезде из Москвы?

— Да.

— Зачем ездили в столицу?

— Повидаться с сестрой.

— У вас был багаж?! — спросил, подсказывая ответ, следователь.

— Его забрали на вокзале.

— То есть то, что у вас забрали, это были все ваши вещи?

— Да.

Сергеев тут же сделал какую-то пометку на листе. Не отрываясь от бумаги, он продолжил:

— Что за вещи, откуда взяли?

Турунж дрожащими руками сняла платок, снова его повязала, принялась теребить узел. Вздохнула, постаралась взять себя в руки, запинаясь, начала объяснять:

— Я покупала... Покупала в Москве вещи... для своих детей и родных...

— Сколько, когда, где?

Турунж постаралась повторить то же, что рассказывала капитану, который расспрашивал про ее багаж в отделении милиции на вокзале. Опустила некоторые детали. Сказала, что действовала через одного знакомого, который работал на складе. Внезапно следователь прервал ее:

— Вы везли эти вещи с целью продажи?

— Нет, — быстро выпалила Турунж.

— А кто помогал вам их покупать?

— Да я почти все сама покупала, только один мой знакомый немного помог упаковать, поднести к вагону...

— А ваша сестра? — Следователь посмотрел в бумаги, что лежали перед ним на столе. — Раиса Ханукова?

— Я ездила только с ней повидаться. У нее же и жила. Она тут вообще ни при чем. Я одна четверых детей воспитываю.

— А что с мужем?

— Мы с детьми живем отдельно, у моих родителей...

— Понятно. — Следователь сделал паузу. — Так вы утверждаете, что все, что было при вас, — это ваши личные вещи и везли для своих родных?

— Да. Я подарки везла. Мне родственники деньги собрали, чтобы я что-нибудь купила. В квартире у Раи я только жила.

Следователь открыл ящик стола, достал папку, вынул из нее какой-то документ:

— Вот опись того, что вы везли: тридцать комплектов постельного белья, сорок комплектов женского белья, тридцать мужских сорочек. Тут много чего, — сказал он, повернув исписанный лист к Турунж. — Многовато для родственников будет... — как бы между прочим заметил следователь.

— Но так и есть.

— Вы уверены, что вы все рассказали? — Он оторвал взгляд от бумаг и пристально посмотрел на Турунж. Зрачки его сузились.

— Да.

— Ну хорошо. — Он устало вздохнул. Потом вытащил из папки какие-то бумаги и неожиданно, ударив рукой по столу, рявкнул: — Хватит врать!

От неожиданности Турунж вздрогнула.

— Вот корешки посылки, которые отправлялись из Москвы. Подпись ваша?

Турунж посмотрела и узнала свою руку.

— Да...

— Почти каждые два месяца отправляли посылки. Вы очень заботитесь о своих родственниках... — с ехидной улыбкой подметил следователь. — А вот, — продолжил он, достав еще одну бумагу, — опись вскрытых посылок в почтовом отделении Махачкалы, которые были отправлены перед самым вашим отъездом из Москвы.

Турунж дрожащей рукой взяла лист и мельком прочитала. Вспоминать ей и не требовалось — она и сама все помнила.

— И, наконец, протокол допроса вашей сестры.

Он протянул Турунж несколько листов.

Буквы плясали перед глазами Турунж. Она с трудом разобрала свое имя, перечень вещей, которые они с Раей покупали, адреса складов, по которым ездили.

Следователь ткнул в низ листа.

— Вы узнаете подпись своей сестры?

Земля ушла из-под ног Турунж. Это был почерк сестры.

— Видите, Раиса Ханукова признает, что вы покупали вещи в Москве, для того чтобы перепродать их здесь.

Лезвием полоснула последняя фраза. Слезы сами собой покатались из глаз. Всхлипывая, умоляющим голосом Турунж пыталась говорить:

— У меня четверо детей, мне нужно их чем-то кормить, на все нужны деньги...

— Все вы так говорите! Ну ладно! Хватит лить крокодиловы слезы. — Следователь стукнул ладонью по столу. — Прочитайте протокол и распишитесь. Через два дня снова явитесь на допрос.

Последние слова следователя Сергеева придали Турунж сил. Значит, ее не посадят.

— Из Махачкалы уезжать никуда нельзя. Формально вы под следствием. Идите.

Турунж вскочила со стула и поспешно вышла из кабинета — скорее на воздух, скорее к детям.

На улице к ней кинулась Мельке.

— Ну что там?!

— Идем домой... Рая арестована.

Мельке вскрикнула, зажала рот рукой. На глазах ее выступили слезы, но она быстро совладала с собой.

Подхватила дочь под руку, точно ища опоры, и они торопливым шагом пошли прочь от здания прокуратуры.

Турунж не могла знать, что их дело было раскрыто практически моментально. Все, что требовалось следователю Сергееву, — это ее признание.

История была заурядной. Необычным оно могло стать, только если преступница действовала в сговоре с другими. Напрасно Турунж раскаивалась и на последующих допросах брала всю вину на себя.

— Все делала я, понимаете, только я! — плача, повторяла она. — Я перевозила вещи, а Рая только помогала мне упаковывать да привезти на вокзал. У ее мужа машина. Я одна не справилась бы.

Турунж не понимала, что сотни деталей, которым она не придавала значения, соединялись в цепь улик, которые были известны следствию. За сестрами давно следили, их всюду видели вместе.

Каждый день Турунж со страхом смотрела на почтовый ящик, с ужасом ожидая еще одной повестки. За почтой стала ходить Мельке.

Турунж сказала, что не может попасть в замочную скважину — у нее дрожали руки.

Однажды Хезгиё и Мельке сообщили, что Раю перевели в Махачкалу и поместили в следственный изолятор. Когда мать с отцом услышали об этом, они пришли в ужас. Их дочь опять сидела в тюрьме, где уже погиб Раин нерожденный ребенок и его мать сама чуть не отправилась на тот свет.

Вопрос о том, почему арестовали жену замминистра, в семье Абрамовых не обсуждался. Все были уверены, что даже высокопоставленный Хануков, — могущественный в представлении Хезгиё и Мельке, — ничего не смог сделать.

Родители стали хлопотать, пытаясь добиться свидания с дочерью. Попутно, всеми возможными путями, они вы-

ясняли, что известно сыщикам и почему на них обрушилось такое горе.

Следствие по делу Раи и Турунж вел Сергеев. Обвиняли их в том, что Рая помогала покупать вещи «левым образом» с государственных складов, Турунж переправляла товар из Москвы в Махачкалу и перепродавала на рынке.

Схема преступления была несложной.

Это Абрамовы и сами прекрасно все знали! Сложнее было объяснить другое: зачем было доносить на людей, которые никакой опасности для общества не представляли. Кто был инициатором этого дела? В те годы в еврейской среде подобной деятельностью занимались чуть ли не все.

Хезгиё и Мельке еще долго не могли оправиться от шокирующего факта, что Рая сидела, а Турунж находилась под подпиской о невыезде.

Абрамовых бросало в дрожь от одной мысли, что их внуки могли остаться без матери. Надо было что-то делать.

Хезгиё долго думал, чем можно было помочь его дочерям. Никаких знакомых, которые могли бы закрыть дело... Никаких денег, с помощью которых можно было бы кого-то подмазать... Однажды, взвесив все «за» и «против», он сказал Мельке ужасающее своей безысходностью предложение:

— Мы уже пожилые люди, нам много не дадут. А ей детей растить надо. Если ее посадят, то кто будет о них заботиться? Давай скажем, что это мы продавали вещи, договаривались с продавцами, получали деньги. Скажем, что Турунж только ездила в Москву и передавала нам тюки. Нас видели на вокзале — это будет просто доказать.

Мельке тоскливо посмотрела на своего мужа. Ей казалось, что другого выхода не оставалось. Она обреченно кивнула и мысленно со всем смирилась.

В потоке нахлынувших трагических событий Мельке и Хезгиё не могли здраво рассуждать, как им следовало поступать. Они не разбирались в законах и основывались лишь на своих, казавшихся им логичными, выводах о том, что из себя представляло советское правосудие. Их ослепляла любовь к детям, безотчетная забота, которая навечно поселилась в их крови, сделав наивными и неосмотрительными.

Через несколько дней старики Абрамовы уже сидели у следователя Сергеева.

— Мы пришли сделать явку с повинной, — путаясь в формулировках, начал Хезгиё.

Следователь удивленно посмотрел на них.

— Ваши слова будут записаны в протоколе.

Абрамовы молча переглянулись.

— Наши дочери выполняли лишь наш приказ, — выпалил Хезгиё и замолчал.

Следователь внимательно слушал.

— Мы люди старые, — ободренный его вниманием, продолжил старик. — Дорогу не переносим, да и дома привыкли жить. Дохода нет. Нам очень трудно. Перебиваемся, чем Бог пошлет. Вот и решили делать, как уже привыкли... Решили перепродать вещи. Мы же ничего плохого для людей не делали...

Следователь отложил ручку и изумленно слушал. Когда старик замолчал, он почесал затылок.

— Это все?

— Все!

— Вы можете быть свободны. — Он помолчал и тяжело вздохнул. — Я вас понимаю. Дочери. Родная кровь. Но у вас ничего не получится. Они совершили преступление и ответят перед законом. Из вашей затеи ничего не выйдет. Забудьте о том, что тут говорили, в протокол я это не запишу, — строго повторил он. — Идите.

С этими словами он прогнал их из кабинета.

Обескураженные Мельке и Хезгиё пошли к двери. Тем временем Турунж понимала, что ее дела не совсем плохи, иначе ее бы арестовали, как Раю. Чем больше проходило времени, тем сильнее она обольщалась радужными надеждами. Может быть, у следствия недостаточно улик? Постепенно Турунж уверовала, что ее простят, войдут в положение, ведь на руках у нее были маленькие дети — Эллочка, Игорек, Славик...

О походе родителей к Сергееву она не знала.

Иногда Абрамовы, собравшись вместе, обсуждали произошедшее и пытались успокоить сами себя. К тому же Хезгиё и Мельке очень надеялись, что их разговор со следователем поможет их дочерям. Кто-то из знающих людей им говорил, что срок для двух сестер будет условным. И тогда Раю выпустят на свободу. Люди верили, что Хануков сможет что-то предпринять, чтобы спасти свою жену.

Турунж тоже пыталась убедить себя, что этим дело и закончится. Не раз и не два она представляла, как бы они жили сейчас с детьми, если бы она смогла продать все то, что везла из Москвы.

Но больше всего ее пугали мысли о том, что она может потерять детей. Турунж боялась, что Бабаевы воспользуются ситуацией и отнимут у нее малышей. Она не знала, как именно они будут действовать, но была уверена, что если бы ее арестовали и осудили, то им было бы проще забрать малышей у нее, их матери. Психика Турунж не могла долго выдержать такого напряжения. Ее душа ныла, сердце разрывалось от одной только мысли, что дети будут не с ней. Эта боль в душе матери разжигала неудержимый гнев.

В один из вечеров невестка Исая Адамова Нина, заметив, что Лиза собиралась вечером идти домой, предложила проводить ее.

— Лиза, дело к вечеру — засватанной девушке незачем появляться на улице одной.

Лиза смутилась. Начала отнекиваться, настаивая, что еще не совсем поздно. Ей — ангельской душе — самому доброму человеку в семье Бабаевых, было крайне неловко утруждать загруженную домашними делами будущую родственницу.

— Да зачем, Нина? Не надо. Я сама спокойно доберусь. Звезды вон какие яркие.

Лиза была голубоглазой белолицей девушкой со светло-рыжими волосами. Она любила отца, и своего брата, и нас (чем сильно отличалась от сестры Фиры). Своей добротой, нежностью, готовностью всех прощать Лиза напоминала Нахамьё. Это был бриллиант рода Бабаевых, человек, который никогда никого не обидит.

Наскоро собравшись, она выбежала на улицу. Дул ветер. Запахнувшись поплотнее, Лиза поспешила домой.

Она успела пройти совсем немного, когда навстречу ей кто-то вынырнул из-за поворота. Лиза сначала испугалась, но, присмотревшись, успокоилась. Это была женщина. Она снова задумалась о чем-то своем и не заметила, как поравнялась с незнакомкой.

Вдруг та неожиданно сделала шаг ей навстречу и схватила Лизу за шиворот.

— А ну постой!

Девушка от испуга вскрикнула. Из темноты выступило лицо Турунж. Лиза с облегчением вздохнула:

— Это ты! Как меня напугала!

И вдруг Турунж схватила Лизу за волосы и начала тащить из стороны в сторону, крича и плача. Гнев захлестнул истерзанную душу нашей бедной матери. Не жалости к себе она ждала. И от кого — от Бабаевых! Если бы Лиза обратилась к ней, как к врагу, возможно, ничего бы и не случилось. Турунж ждала очередной порции ненависти,

которая оправдывала бы ее ярость. Но тут к ней обратились с любовью, словно ничего не произошло. Не помня себя от обиды, Турунж схватила Лизу за воротник пальто и со всей силы стянула у нее на горле.

— Вы, Бабаевы, ломаете мне жизнь! Я знаю, хотите забрать у меня детей! Ты понимаешь, что значат дети для матери?! Это моя жизнь! За что вы мне делаете так больно! Да чтоб вам всем было так же больно, как мне!

С этими словами мать отпустила воротник и со всей силы вцепилась в Лизины волосы. Она опрокинула ее на землю и стала таскать из стороны в сторону.

— Чтоб тебе было больно так же, как и мне!!! — кричала она яростно.

Лиза упала, закричала от невыносимой боли. Измученной Турунж только того и надо было. Она слышала в крике невинной девушки отзвук своей боли. Она точно так же, невинная, страдала. В еще большем исступлении она принялась возить Лизу по земле. Напрасно та пыталась вырваться. Силы были слишком неравны. Крики одной жертвы только распаляли гнев другой жертвы, нашей матери. Лиза умоляла ее отпустить. И в ответ слышала только яростный крик нашей матери. Та кричала от боли, которую носила в себе.

Неожиданно Турунж отлетела в сторону, а Лиза без сил застыла на земле. Моя мама с ужасом посмотрела на свою руку и вдруг поняла, что держала в сжатой ладони клочок окровавленных волос. По лицу и шее Лизы ручьем текла кровь.

В отчаянии мама застонала, осознав, что сделала. Приглушенный крик вырвался у нее из груди. Она зажала рот рукой и побежала, не оглядываясь, в темноту, из которой пришла, к своему дому и своим кошмарам, а Лиза, обливаясь слезами, осталась лежать на земле, корчась от боли и рыданий.

— Почему? За что? — повторяла она.

Если бы она знала, что тот же вопрос каждую ночь давала наша мать, пытаясь понять, почему с ней случилось то, что случилось.

На крики Лизы сбежались люди. Ее подняли, отвели в дом к Исаю. Тот только вернулся с работы. Взглянув в лицо своей невесте, он испугался, а узнав, кто это сделал, рассвирепел.

— Да она сумасшедшая! Ей место в психбольнице! — закричал он.

Эти слова были переданы Хезгиё соседями. Мельке потрясло случившееся. Она понимала, что это происшествие означало окончательный разрыв с Бабаевыми.

Хезгиё молился, чтобы обе стороны образумились. Мельке жгла семисвечник, прося Бога, чтобы мудрость и молитва вернули членов ее семьи на путь истинный и страдания ее дочерей прекратились.

На следующий день Исай встретился со своим давним знакомым Алхазовым. После избиения Лизы он чувствовал себя участником всего происходящего и хотел знать, как продвигалось следствие по делу Раи и Турунж.

Алхазов, желая порадовать друга, огорошил Исая тем, что Турунж скорее всего избежит наказания.

— Как? — ахнул Исай.

— А вот так. Закон не позволит ее посадить из-за четверых детей.

— Неужели у нас такой гуманный закон?

— Справедливый, — поправил своего собеседника следователь.

— А если мать оказалась бы, к примеру, того... — Исай крутанул у виска. — Советский закон был бы к ней так же гуманен?

— Сумасшедшей? — переспросил Алхазов. — Сумасшедшим доверять детей нельзя. По закону у такого родителя детей отбирают.

— А как бы вы назвали поступок женщины, молодой матери, которая чуть не убила сестру своего мужа?

Алхазов задумался.

— Это ты про кого? Про Бабаеву? Турунж?

— Допустим, — уклончиво ответил Исай. — Да ты бы видел, что она сделала с младшей сестрой Эрзола! — вдруг с жаром выпалил он. — Чуть не изуродовала!!!

— Думаешь, Турунж действительно тронулась умом?

— Я этого не утверждаю, но признаки есть.

Алхазов задумался.

— А это может подтвердить экспертиза?

— Я не уверен насчет врачей, — смутился Исай. — Но она, безусловно, истеричка. Невыдержанная. Нормальный человек не будет просто так, без причины бросаться на другого! Уверен, ей нельзя доверять детей. Можно их как-то спасти? Ну посуди сам — мать под следствием, работы нет, специальности нет. Они же вырастут оборванцами!

— Слушай, давай сделаем так. Я схожу к своему знакомому, который ведет дело. Узнаю, что и как... потом тебе все расскажу.

— Хорошо. Только не тяни.

— Завтра ты будешь все знать, обещаю.

Друзья распрощались, и Алхазов направился к следователю Сергееву, с которым они были знакомы вот уже два года.

— Привет служивым!

— Здорово! С чем пожаловал?

— У меня дело к тебе есть.

— Что за дело?!

— Ты ведешь Турунж Бабаеву?

— Прокуратура будет просить назначить ей реальный срок, а суд скостит до условного, скорее всего. Поэтому как есть она, так и останется.

— А дети?! Ее дети.

— Как были с ней, так и останутся.

— Н-да.

— А что тебе до этой Бабаевой и ее детей?

— Да понимаешь, меня тут попросили... Она же туне-ядка, денег нет. В общем, ее муж хотел бы забрать детей себе.

— И зачем ему такой хомут?!

— Ну, ты сам подумай, грязные голодные оборванцы! Их спасти надо! Только как их забрать?!

— Да что ты, в самом деле, а?! Пусть договорятся. Хотя... настоящая мать детей добровольно никогда не отдаст.

— То-то и оно! И не договоришься с ней.

— Пытались?

— Да. Безрезультатно.

— Ну, пусть отец напишет заявление об опекунстве. Потом придется в суде это заявление завизировать — доказать, что есть надлежащие условия и средства для содержания детей. И с этим заявлением она уже ничего не сможет сделать. Суд постановит отдать детей отцу. И дело в шляпе, как в главке говорят.

— Думаешь, получится?

— Почему нет?

— Суды чаще всего встают на сторону матери...

— Это так, но Турунж подследственная. Спекулянтка. Ну и какой судья встанет на ее сторону. Сам подумай...

— И то верно. Только я и не видел этих заявлений об опекунстве. У кого спросить, а?

— Я дам тебе форму, скажу, что написать. Только подпись отца поставьте. Потом отдадите мне эту бумагу, я расскажу, что делать дальше, — сказал Сергеев и потянулся рукой к нижнему ящику своего стола. — А ты мне поможешь в одном деле за это, хорошо?

— Договорились!

В тот же вечер Алхазов передал разговор с Сергеевым.

— Вот такие дела, брат. А где их отец-то?

— В Минводах он. Работает.

— Если ему это опекунство нужно, то тебе придется его вызвать. Только ему отдадут детей. На два-три дня, но он должен сюда приехать.

— Понятно...

В тот же вечер Исай зашел в дом к Хаво и рассказал последние новости, которые узнал от своего друга Алхазова.

— Делайте, что хотите, Исай, что угодно можете писать. Мне это не важно. Сердце болит за детей! Бабаевы не допустят, чтобы их внуки воспитывались кем попало. Это позор! Детей никому не отдадим! Я сама стану им матерью!

Исай посмотрел на нее с изумлением.

— Да! — воскликнула Хаво. — Я сама их воспитаю, мать заменю.

Нахамьё слушал молча. Он свою роль исполнил и теперь лишь плыл по течению, наблюдая за всем происходившим со стороны. Ему надоели все эти дразги. Не по душе ему были скандалы.

Исай поспешил связаться по телефону с Эрзолом. Каких-то три часа, и он сквозь треск смог услышать знакомый голос своего друга:

— Слушаю!

— Эрзол, тебе надо скорее приехать в Махачкалу. Возьми отгулы на несколько дней, плюс выходные. Дней пять нам нужно.

— Но зачем?

— Хаво сказала, что тебе надо написать заявление об опекунстве над детьми!

Для Эрзола слово матери являлось не просто законом, это было чем-то абсолютно непререкаемым, не подлежа-

шим сомнению. Этого не объяснить на уровне разума. Это была слепая сыновняя любовь. Он боготворил ее и всегда поступал так, как она советовала. Вот и на этот раз... Уж если она сама взялась растить его детей... Деньги на их обеспечение он даст.

Эрзол вполуха слушал, что говорил Исай, резко прервал его и сказал:

— Хорошо, я приеду. Перед выездом дам телеграмму. Все!

И повесил трубку.

Тот страшный случай еще больше сблизил Исаю и Лизу. Она вдруг почувствовала, что рядом с ней надежный защитник, который не бросит в трудную минуту, будет находиться рядом, как бы тяжело ни пришлось.

Раны зажили, и со свадьбой решили не затягивать.

Бабаевы и Адамовы, каждый по-своему, готовились к большому событию. Хаво собирала приданое: перину, одеяло, подушку, пушистый ковер ручной работы. Исай занимался подготовкой дома. Свадьба состоялась, как предполагается: сначала в доме невесты, потом в доме жениха. Еврейский квартал Махачкалы сотрясся от криков и воплей. Во дворе на улице Сулеймана Стальского были расставлены столы, горели семисвечники. Казалось, небеса и те пришли на свадьбу к Исаю, чтобы поздравить его. Гуляли до позднего вечера...

Иногда Лиза поворачивала голову и смотрела на Исаю. Так вот что это такое: быть мужем и женой. Правильно Фира говорила: как будто на карусели летишь, аж дух захватывает.

Исай молча смотрел на свою любимую. О чем он думает? Как бы узнать?

Кто-то закричал: «Горько». И тут же, словно взрывы петард, со всех сторон пошло: «Горько, горько!» Гости об-

ступили молодоженов. Исай приблизил Лизу к себе. Так они и замерли, под крики гостей, прижавшись друг к другу, словно дети, застигнутые грозой.

Иногда Исай искоса смотрел на гостей, которые наперебой желали им долгих лет счастья, и думал, что вот теперь его жизнь безвозвратно поменялась. Он достиг, чего хотел. Теперь ему хотелось, чтобы про Лизу говорили: «Посмотрите, как ей повезло! Она стала женой Исая! Смотрите! А он-то! В гору идет!» И эти лукавые мысли наполняли его сердце азартом, давая пищу для ума, как воплотить эти фантазии в жизни, как сделать так, чтобы они действительно были самой завидной парой в Махачкале. Время покажет. Время все расставит по своим местам, говорил он сам себе, не подозревая, сколько в этом самом времени отведено и ему: его успехам, поражениям и снова будущим взлетам.

XXIX

Оставалось самое трудное — забрать детей у Турунж. Чтобы все прошло гладко, был придуман целый сценарий. В скором времени матери пришла повестка — явиться в милицию с детьми. Следователи хотели убедиться, что дети сыты, обуты, одеты — в общем, за ними следят и ухаживают, как и положено заботливым родителям. Хотели удостовериться в их возрасте, поскольку это могло смягчить наказание или помочь вообще избежать его.

Абрамовы, понимая серьезность этого визита, тщательно к нему готовились. Приготовили самую лучшую одежду для мальчиков: Славы, Игоря, и Гены, платьице для Элочки, которой исполнилось год и восемь месяцев. В милицию отправились почти все Абрамовы: Юсуф, Роза, Захар, Аня и Хезгиё с Мельке.

В назначенный час Турунж с детьми вошла в кабинет Сергеева. Она отметила про себя, что больше никого из Абрамовых в здание не пустили, сославшись, что их не

вызывали. Турунж пришлось одной вести трех мальчиков и Эллочку на второй этаж — в нужный кабинет. Родители и братья с сестрами остались стоять на улице, высматривая Турунж и детей в окнах.

Войдя в кабинет, она еще раз оправила рубашечки на мальчиках. На душе у нее было весело. Она чувствовала себя почти счастливой. Сейчас все закончится. Ее детей увидят, поймут, как она о них заботится, как любит. Может быть, примут к сведению, что из-за них она совершила то, в чем теперь ее обвиняли. Казалось, все самое страшное осталось позади. Она спасена. Последняя проверка, последнее свидание, и все, ее оставят в покое.

Турунж вздохнула с облегчением, ей хотелось поскорее покончить с формальностями. Она даже не стала присаживаться. Так и стояла, окруженная детьми, когда в кабинет вошел следователь Сергеев в сопровождении двух милиционеров и толстой милиционерши.

Следователь был немногословен, впрочем, как всегда. Турунж вытолкнула вперед Садуга, его все чаще называли на русский манер Славой. Вот, посмотрите, мол, мои дети. Красивые, чистые, ухоженные. Совсем малышки — им без нее никуда.

Дети с интересом оглядывались в незнакомой обстановке, украдкой посматривая на незнакомых людей в синей форме. Следователь оценивающе посмотрел на Турунж. Как будто к чему-то примеривался. Стоящие рядом с ним охранники тоже были напряжены. Их состояние передалось Турунж. Она инстинктивно притянула одной рукой мальчиков, другой покрепче ухватила Эллочку.

Следователь взял со стола какую-то бумагу. Уставился в нее. Откашлялся.

— Гражданка Бабаева?

— Да.

— Я должен зачитать вам постановление.

У Турунж как будто груз с плеч свалился. Значит, все! Все уже готово. Ее оправдали! Даже постановление заранее написали. Посмотрели на ее замечательных детей и сразу все решили.

Сергеев предложил Турунж посадить Эллочку на стул. Мол, тяжело держать. Но Турунж только мотнула головой. Что вы, своя ноша не тяжкая. Сергеев обменялся взглядами с толстой милиционершей, которая представилась инспектором детской комнаты милиции.

— Может, дадите ребенка мне? — спросила она.

— Нет-нет, — снова ответила Турунж. — Мне не тяжело.

— Это Славик. Это Игорек. Это Гена, — начала представлять Турунж.

Сергеев поморщился.

— Турунж... — Следователь запнулся, сверяясь с именем в постановлении. — Татьяна Хезгияевна, — немного смягчившись, произнес он, — послушайте, тут такое дело.

Турунж первый раз видела таким Сергеева. В нем как будто проснулось что-то человеческое. Проснулось и ушло. Навсегда.

Сергеев кивнул двум милиционерам. Те приблизились к Турунж. Она обеспокоенно посмотрела на них. Попробовала сосредоточиться на следователе, на том, что говорил он.

Тот поднес бумагу к самым очкам и начал читать:

— «На основании заявления отца ваших детей, Эрзола Бабаева и исходя из требований закона опекуном Садуга Бабаева, Одома Бабаева, Геннадия Бабаева и Эллы Бабаевой, по его просьбе и согласию, постановлением нарсуда назначается Эрзол Наумович Бабаев, их отец».

Турунж не поняла.

К чему это? При чем здесь опекун? Если есть она, их мать.

— ...Таким образом, — продолжал следователь, — откладывая бумагу в сторону, — обстоятельство, препятствующее заключить вас под стражу, исчерпано. Вы арестованы.

Еще не прозвучала последняя фраза, как два милиционера, стоявшие рядом с ней, тут же ухватили ее под локти, пытаясь удержать на месте.

Милиционерша из детской комнаты милиции попыталась забрать Эллочку.

Турунж дернулась, еще сильнее прижимая к себе ребенка, даже не замечая, что делала ей больно. Милиционеры ухватили ее за локти, стали выкручивать их, чтобы тетка из детской комнаты могла выдрать из объятий матери девочку. Все происходило, словно в кошмаре.

Турунж закричала! Тут же эхом заголосила Эллочка. Старшие дети, ничего не понимая, бросились к матери, ухватили за юбку и тоже начали плакать.

Турунж видела, как милиционерша оттаскивала от нее детей. Те упирались, кричали: «Мама!» От этого ее силы словно удесятерились. Она рванулась изо всех сил. На секунду стряхнула с себя двух мужиков. Ей хотелось только одного — вырваться с детьми из этого кабинета, спасти их, спрятать. Ну хоть кто-нибудь придите на помощь! Турунж со всей силы закричала: «Мама!.. Дети!..»

И этот ее крик услышала Мельке.

Она встрепелась, как раненая птица. Испуганно посмотрела вверх, на окна второго этажа. Послышалось, что ли? И тут совершенно отчетливо услышала крик Турунж: «Дети!.. Помогите!..»

Мельке бросилась к двери. Дорогу ей преградили охранники. Мельке обернулась к сыну. Закричала по-еврейски: «Спасай сестру!» Захар бросился к двери и был сбит с ног охранником.

— Стоять! — ошетинилось на него дуло винтовки.

— Турунж!!! — что было сил закричала Мельке. — Турунж! Где дети?!

Мельке забарабанила кулаками по входной двери, которая захлопнулась перед ее носом.

Турунж снова крикнула. Никто не пришел к ней на помощь! Одна!.. Она и дети, которых надо было спасти.

Милиционерша уже успела оттащить от нее троих мальчиков.

— Не забирайте моих детей! Детям больно не делайте! Меня рвите!

Турунж кричала во все горло. Эллочка голосила. На какое-то время охранники растерялись.

— Что вы стоите? — отчаянно крикнул Сергеев. Все пошло не так, как он предполагал. — Уводите быстрее детей. Нечего им это видеть.

Женщина в милицейской форме, схватив за руки упирающихся старших мальчиков, потащила их вон из комнаты.

Турунж вцепилась в Эллочку и не отдавала ее, даже не замечая, что девочка может задохнуться. Девочка пронзительно кричала.

— Давай же! — крикнул Сергеев одному из охранников.

Тот выскочил из кабинета. И почти тут же вернулся. Следом за ним вбежал врач. Было видно, что все происходившее ему не в новинку. В руке он держал готовый шприц с сильнодействующим успокоительным. Доктор подскочил к Турунж и, пока двое охранников удерживали ее, прямо через одежду сделал ей укол. Турунж стала затихать, помимо воли расслабилась, из рук ее тут же подхватили Эллочку и унесли.

Молодая женщина видела все, как в тумане. Ноги ее ослабели. Доктор подхватил ее под руки и усадил на стул.

Она почувствовала, как на ее руках защелкнули наручники, а потом ее подняли и куда-то увели.

Последнее, что она услышала, был голос Мельке.

— Наша дочь! Турунж! Где дети?!

Напрасно Абрамовы колотили в дверь. Напрасно кричали.

— Впустите.

— Что с ней делают?!

— Там наши внуки!

Охрана безучастно взирала на них. Потом прикладом отогнала прочь от двери. Задыхающаяся, растрепанная Мельке каким-то материнским чутьем скорее догадалась, чем услышала, что надо посмотреть вбок. И увидела то, чего не должна была видеть.

Слева от здания располагались металлические ворота, ведущие во двор. Послышалось урчание автомобильного мотора, ворота распахнулись, и оттуда быстрым шагом вышел Исай, увозя Славу и Игоря. Следом за ним Эрзол пронес Эллу и Гену. Они подошли к машине, которая ждала их неподалеку, и стали торопливо в нее садиться.

Понадобились секунды, чтобы Абрамовы поняли, что произошло. Бабаевы похитили их внуков! Их племянников! Первым опомнился Юсуф. Он бросился к машине с криком: «Убью!», но милиция задержала его. А через секунду, выпустив облако черного дыма, машина сорвалась с места и исчезла.

Несчастная Мельке металась между воротами и парадным крыльцом здания прокуратуры, крича, чтобы ее пустили к начальнику. Ее никто не слушал.

Потом Юсуф через решетку увидел и показал рукой, как отворилась дверь черного хода и оттуда вывели Турунж, погрузили в «воронок» и увезли в следственный изолятор.

Вот так все и закончилось.

Турунж арестовали. Ее детей украли. Роза, Мельке и Аня не переставая плакали. Потерянный Юсуф в сердцах грозился отомстить виновным. Только Хезгиё молчал. Но плечи его предательски вздрагивали.

Вечером Мельке и ее дочь Аня пошли к Бабаевым. Их пустили в дом. Малышей там не было! Напрасно женщины кричали и голосили, требуя, чтобы им вернули детей. Мельке била себя руками по голове и в слезах выкрикивала:

— За что мне такое горе! Как же такое может быть! Кто? За что сдали мою Турунж! Ой, доченька! Куда вы дели ее детей?!

Эрзол, который был уже на взводе из-за бесконечных криков, не выдержал, выбежал из своей комнаты и выпалил:

— Я это сделал. И доволен этим.

Мельке оторопела от такого признания. На секунду потеряла дар речи. И это говорит человек, которого она считала своим сыном. С ужасом она поняла, что с Бабаевыми бесполезно разговаривать. Ничего не исправишь. Мельке не оставалось ничего, кроме как обливаться слезами и просить Бога смириться над ее детьми и внуками.

Турунж в камере не спала, не ела и не пила несколько дней. Ее здоровье ухудшилось настолько, что руководству изолятора пришлось вызвать ей врача. Тот осмотрел пациентку и без особого сочувствия сообщил надзирателям:

— У нее нервный срыв, ее надо поместить в больницу. Иначе будет только хуже.

Прямо из камеры Турунж доставили в психиатрическую больницу. Никого из родных к ней не пускали. Разрешали только разговаривать с врачом. Пожилой профессор мог только констатировать:

— Нервное потрясение. Она адекватно реагирует на все происходящее, но сильно истощена. Сами понимаете,

долгий отказ от пищи плюс стресс. Мы оставим ее в больнице и проведем курс лечения.

Глубочайший нервный срыв пережила Турунж. Дети составляли смысл ее жизни. И разом, все вместе они были оторваны от нее. Смириться с этим, принять такое она не могла. Турунж была лишена возможности противостоять такой несправедливости. От своего бессилия, невозможности находиться с детьми рядом она впала в какое-то заторможенное состояние. Она испытывала самое мучительное горе, которое может только выпасть на долю матери.

В больнице Турунж провела два месяца, пока завершилось следствие. Наконец был назначен день суда.

XXX

Рано утром Турунж посадили в закрытый фургон и привезли в суд. Под конвоем ее ввели в зал, который был почти полон. Головы присутствовавших, как по команде, повернулись в ее сторону. Она выглядела измученной, потерянной, сильно исхудавшей.

Десятки взглядов знакомых, соседей, родственников сверлили ее, пробирали, словно озноб, до костей. Трудно представить больший стыд. Турунж опустила голову, мечтая об одном: раствориться, стать невидимой.

Она слышала, как за ее спиной дверь отворилась, это в зал вводили Раю.

На скамье подсудимых они сидели рядом. Рая устала в пол, лишь изредка поднимая голову, чтобы обменяться взглядом с Мельке, Хезгиё, родными. Турунж не сводила глаз с зала — в надежде, что хоть тут сможет увидеть своих детей. Но их не было.

Хезгий сидел ссутулившись, спрятав голову в плечи, не глядя по сторонам. Мельке находилась рядом, с прямой спиной, в черном платке на голове.

Бабаевы сидели по другую сторону прохода и в сторону Абрамовых старались не смотреть. Тут была вся семья, отсутствовал только Эрзол.

Посмотреть на происходящее пришло много знакомых и праздных зевак.

В газетах той поры часто разворачивались кампании против спекулянтов. Общественное мнение было к ним беспощадно. И на суды всегда приходили те, кто желал посмотреть, как выносили приговор торгашам. Казалось, что таким праздношатающимся сплетникам нравилась показушная справедливость. То, что на скамье подсудимых в этот раз находились две молодые красивые женщины, только усиливало их злорадство. Поделом им, не будут воровать. Зеваки, как наслаждения, ждали расправы. Но таких было немного.

Большинство собравшихся смотрело на сестер с состраданием. Абрамовых знали многие, и то, что с их дочерьми приключилось, не могло не вызывать сочувствия.

Турунж слышала, как какая-то толстая торговка, которую она не раз видела на рынке, сказала своей соседке:

— Исхудала как! Ее домой бы отпустить, а не судить.

Ей вторил другой женский голос:

— Да, по ним не скажешь, чтобы они жировали.

Сестры Абрамовы действительно совсем не были похожи на тех наглых и бойких на язык спекулянтов, о которых писали в газетах.

Хаво, увидев Турунж, стало даже жаль невестку. «Сама попалась, сестру забрали — как такой можно доверить детей?!» — подумала она. Эта мысль только подтвердила правильность ее решения растить детей самой.

Судебное заседание началось рутинным представлением всех участников процесса. Первое слово дали обвинению. Прокурор начал долго и нудно рассказывать о составе преступления, о том, когда, сколько и по каким ценам закупался товар со складов в Москве и привозился в Махачкалу.

Турунж слушала все это отстраненно, как будто рассказывали не про нее. После выступления прокурорский работник начал задавать вопросы, на которые сестрам не раз приходилось отвечать во время следствия.

Дело шло гладко и четко — иногда под сочувственный шумок знакомых Абрамовых, иногда под злые замечания зевак, пришедших в зал суда ради зрелища.

И судья-дагестанец, — с сильным акцентом, с маленьким безвольным подбородком, мужчина сорока с лишним лет, — был под стать «любителям правды». Он судил так, как понимал справедливость, — поверхностно и подло, невольно следуя жестким и демагогичным определениям того времени о борьбе со спекулянтами и тунеядцами, о которых взалхлеб трубили газетные передовицы. И говорил он теми же штампованными лозунгами и фразами, лишь слегка перекраивая их на свой убогий вкус.

Но самым ужасным было то, что он наслаждался своей властью над беззащитными сестрами, которые оказались в его руках и были перед ним абсолютно бесправны, а он чувствовал себя вершителем их судеб.

Когда сторона обвинения начала задавать вопросы Турунж, у Мельке засосало под ложечкой от жалости к своим дочерям. Но ничего поделать было уже нельзя. Маховик судебной машины раскручивался.

Обвинитель все больше говорил о «моральном облике» гражданок Бабаевой и Хануковой, их «аферах» со складами, попрании основ «социалистической собственности» — в общем, Мельке и Хезгиё осталось только слу-

шать, как их дочерей превращали в людей, недостойных жить в советском обществе.

Сердце Хезгиё вдруг дало сбой, в груди что-то защемило, зажгло. Он быстро, как-то стесняясь, положил руку за пазуху, стараясь унять боль, и еще сильнее сгорбился. Ему не было страшно, что он умрет, разве дело в том, что случится именно с ним — ужасно то, что станет с его дочерьми. Почему они повторяют его судьбу? Почему им дано пережить такое несчастье? Детей своих он обожал, и никакие силы не могли бы его заставить бросить их в беде. Он не мог представить себе, что они, такие беззащитные, будут сидеть в тюрьме.

Чем больше выступающие говорили дежурными фразами о том, что общество должно заклеймить позором сестер, оценить их как «тунеядок и трутней», «приспособленок» и «двурушников», тем страшнее и непоправимее выглядела ситуация, в которой оказались Турунж и Рая. Каждое слово для родителей и всех сочувствующих Абрамовым причиняло боль.

Родители оживились, когда суд предоставил слово Рае. Она встала и твердым голосом подтвердила свои признательные показания. Она сказала, что помогала сестре выжить, заработать на хлеб, помочь прокормить четверых детей. В зале загудели голоса — и одобрительные, и возмущенные. Судья потребовал соблюдать тишину. Было заметно, что он наслаждался своей принципиальностью, строгостью, словно являлся воплощением духа закона, безжалостного и справедливого.

Далее слово предоставили Турунж. Она смутилась, но тут же взяла себя в руки и, запинаясь, начала рассказывать:

— Да, все, что здесь говорили, — правда. Я это сделала, я привозила вещи из Москвы и продавала их. Но я действовала одна. Моя сестра ни в чем не виновата. Это

было нужно только мне. Здесь сидят Бабаевы, и это они вынудили меня пойти на это. У нас была семья, но их сын меня бил беременную! Я вынуждена была сбежать, чтобы сохранить свою жизнь и жизни детей! Они ничем не помогали, хотя я выносила и родила четверых детей! Я была вынуждена искать средства прокормить своих детей! Именно они меня поставили в такие условия и заставили искать способ заработать деньги! Никто, кроме меня, не виноват в том, в чем меня обвиняют.

Турунж говорила страстно, словно по писаному, как будто продумала свою речь бессонными ночами. В голосе ее слышалось великое чувство сожаления о том, что ни в чем не повинная родная душа, сестра Рая, была вынуждена оказаться из-за нее снова в тюрьме, разделить с ней горькую участь. В ее душе слышались крики сотен тысяч одиноких женщин. Она пыталась рассказать о детях, чтобы пробудить к себе сочувствие, вызвать сожаление у суда. В ее понимании традиции были сильнее бездушных законов. Она всю жизнь знала, что мать — неприкосновенна! Ей так хотелось, чтобы люди это поняли.

Зал всколыхнуло последнее слово Турунж. Это была не речь преступницы. Это была исповедь несчастной женщины. Люди начали перешептываться, поглядывать с укоризной на Бабаевых.

Судья почувствовал, что подсудимая уходит из-под его власти, что ее слова вызвали сострадание, и сердито застучал кулаком по столу, призывая к тишине. Но зал не хотел его слушать. Люди продолжали перешептываться, и их симпатии были на стороне подсудимых.

Турунж замолчала.

— Можете садиться, — буркнул судья.

Он что-то пометил себе в бумаге и обменялся взглядом с обвинителем. Тот попросил заслушать в качестве свидетеля отца подсудимых.

Хезгиё поначалу даже не мог нормально говорить. Было заметно, как он волновался. Он глубоко вдохнул и решительно выпалил:

— Я хочу, чтобы вы записали: все это делал я. Виноват я и больше никто.

В зале повисла недоуменная тишина.

— Я как глава семьи принял решение пойти на все это для того, чтобы найти средства к поддержанию семьи.

— Во дает! — раздалось из зала.

Судья с любопытством и недоумением слушал Хезгиё.

— Я уже в преклонном возрасте, — продолжал он, ободренный вниманием судьи, — и не могу ездить так далеко, поэтому за покупками посылал свою дочь. Она только перевозила вещи и следила за тем, чтобы их никто не украл. Турунж не делала того, в чем ее обвиняют. Она лишь растила детей и ездила тогда, когда я просил ее об этом.

Он замолчал.

— Это все, что вы хотели сказать? — спросил судья после недолгой паузы у Хезгиё.

— Да, — ответил старик.

— А вы знали о том, что тем самым толкали дочерей на преступление?

— Я лишь просил помочь мне. Самому мне было не под силу.

— Значит, вы говорили ей, что она должна ехать в Москву, покупать там вещи и привозить в Махачкалу? — Судья начал хитро улыбаться, заводя Хезгиё в только ему понятные дебри законов.

— Да.

— Значит, вы признаете, что вы тоже соучастник в этом деле? — неожиданно произнес судья.

— Какой соучастник? — ахнул Хезгиё. — Я делал все для того, чтобы прокормить семью!

— А вы можете предъявить суду доказательства невиновности вашей дочери? Вы продолжаете настаивать на том, что ваша дочь действовала по вашей просьбе?

Хезгиё промолчал. Мог ли он рассказать вот здесь, среди чужих людей, в переполненном зале суда, о том, как избитая Турунж прибежала к ним домой, как с ее лба капала кровь, как на следующее утро они пошли забирать детей, как Турунж выбивалась из сил, пытаясь заработать копейку, чтобы прокормить детей, их внуков. Как однажды мелькнула спасительная мысль: поехать в Москву, к Рае, и купить там простыни, наволочки, — все то барахло, которого в Махачкале не было и которое можно было перепродать здесь на базаре, ничего не украв, никому ничего не сделав плохого. Как он мог объяснить все это чужому человеку?

Хезгиё покачал головой.

— Может быть, вы тогда вспомните, кто первый предложил покупать товар в Москве и перепродавать его здесь, в Махачкале? — вкрадчивым голосом спросил судья.

— Я, — просто ответил Хезгиё.

— Мы вас выслушали... Можете садиться.

Он подозвал к себе государственного обвинителя, о чем-то с ним коротко посоветовался и после этого отчетливо произнес:

— Суд желает заслушать Мельке Абрамову.

Мельке встала. Поправила платок.

— Скажите, а вы знали, что делает ваша дочь? — обратился к ней судья.

— У нас четверо детей на руках. Мы должны их кормить, на это нужны были деньги. А откуда их взять? Пытались хоть как-то заработать.

— Вы помогали своей дочери?

— Да, я просила ее съездить в Москву за дефицитом, просила продать его на базаре. Я встречала дочь на вокза-

ле, чтобы помочь поднести вещи. Самой ей было не справиться.

— Но вы осознавали, что благодаря таким действиям стали соучастницей?

— Какой соучастницей? Это все я придумала с мужем. Наши дочери вообще ни при чем. Мы с мужем сами просили их это делать для нас. Турунж — младшая, лишь воспитывала детей и помогала нам. Во всем виноваты только мы.

Мельке посмотрела на Хезгиё. Правильно ли она сказала? Тот кивнул.

— Муж предложил попробовать, я согласилась. Другого выбора не было. Не дать же им умереть от голода.

— Суд понял, что вы хотели сказать. Можете садиться.

Мельке закивала и, успокоенная, села. Она сделала все правильно. Она защищала дочерей, как могла, но делала это так неумело, так бесхитростно, так необдуманно, что скорее могла навредить.

Старшая сестра Аня, пытаясь остановить родителей, которые с ней даже не посоветовались перед судом, вскочила, попросила дать слово и ей, но судья отказал. Аня села на свое место. Она чувствовала себя абсолютно беспомощной. Душу переполняла обида и страх за обеих сестер, с которыми была очень дружна и за которых бесконечно переживала. И осознание, что она не могла ничем им помочь, приводило ее в отчаяние. Ее душа ждала выхода гнева. Ей хотелось растерзать всех врагов Абрамовых. Между тем судилище подошло к поворотной точке.

— В зал вызывается свидетель Бабаев Эрзол, — произнес судья.

Открылась дверь, и в зал вошел мой отец. Когда он появился в проходе между рядами кресел, по аудитории пронесся шепоток. Турунж с болью и надеждой смотрела на него.

Вдруг он привел с собой детей, всех четверых? Но Эрзол был один.

Он шел к судейской кафедре между длинными рядами кресел. И тут среди негромкого ропота присутствовавших раздался пронзительный голос Ани Абрамовой:

— Мерзавец! Это все ты сделал, негодяй!

— Тишина в зале!!! — крикнул судья.

Все повернулись в сторону Абрамовых. Мельке схватила Аню за руку, та замолчала. Затих и зал. Эрзол с каменным лицом прошел к своему месту и встал напротив судьи. Все замерли, ожидая, что скажет главный свидетель.

— Вы знали, чем занимается ваша жена? — задал первый вопрос судья.

— Нет, я не знал. Я был в армии.

— Хорошо. Но вы не задавались вопросом, на какие средства она существует, пока вы как кормилец отсутствуете.

— Пока служил в армии, и жена и дети находились на попечении моих родителей. У них всего было в достатке.

— Вот как?

— Конечно, товарищ судья.

— Подсудимая Турунж Абрамова говорит, что вы ее избивали. Это так?

— Нет, что вы... Я пальцем до нее не дотронулся.

— А подсудимая утверждает, что вы все-таки ее били. Причем неоднократно. — Судья сделал эффектную паузу. — Как вы могли бить мать своих детей?

— Я ее не бил, клянусь вам. Это все наговор.

И тут раздался крик Турунж:

— Как ты можешь врать?! Лучше бы я тогда заявление написала! Пожалела! Мать моя тогда тебя пожалела! Уговорила шум не поднимать!

— Тишина, подсудимая, — ударил молотком по столу судья. — Если вы сейчас же не замолчите, я буду вынужден принять меры...

Бледная, с красными пятнами на лице, Турунж замолчала, тяжело дыша. Глаза ее горели огнем. Она не могла поверить в то, что слышала.

— Вы знали, что ваша жена испытывает материальные затруднения? — продолжил судья.

— Это неправда, товарищ судья! — воскликнул Эрзол. — У нее было все необходимое. Ей регулярно предлагали помощь и я, и мои родители. У нее не было причин воровать...

— Спекулировать, — поправил судья.

— Да, спекулировать. Она сама от всего отказывалась. Видимо, рассчитывая на какие-то посторонние заработки.

— Негодяй! — снова закричала Турунж. — Не было причин? А когда ты выгнал меня из дома, на какие шиши я могла кормить наших детей?

— Подсудимая, успокойтесь. Не надо истерик, — призвал судья. — Свидетель, ваша жена показала, что после развода вы не давали ей денег на содержание детей. Так ли это?

— Это ошибка, уважаемый товарищ судья. Неправда!

В зале зашумели, то ли возмущаясь, то ли соглашаясь.

Мельке слушала, что говорил ее зять, и по щекам ее текли слезы.

— Да как же?! — продолжал Эрзол. — Мы не раз предлагали ей помощь. Мы можем прокормить не только ее, но и всех детей. Я недавно написал заявление об опекунстве, и его удовлетворили. Суд удостоверился, что я имею средства на содержание детей. Все было бы нормально, если бы она приняла нашу помощь. Ей давно предлагали, но она всегда отказывалась.

В зале опять поднялся шум и гвалт. Судья застучал по столу. Гул голосов затих. Судья что-то написал на клочке бумаги. Передал секретарю. Та встала и торжественно произнесла:

— Суд удаляется для вынесения приговора.

Был объявлен перерыв.

Эрзол направился к выходу.

Вслед за ним, словно предчувствуя, что им тут больше делать нечего, поднялась и вся семья Бабаевых. Они торопливо продвигались по центральному проходу к выходу из зала суда.

Вскочила и Аня. Она стала пробираться к выходу вслед за Бабаевыми. Нахамье задержался в дверях, поднимая упавшую кепку. И в этот момент его настигла старшая дочь Хезгийё Анна. Рядом никого не было, когда она схватила его за рукав.

Нахамье изумленно оглянулся:

— Аня?

— Да что ж вы такое творите?! — закричала Аня. — Ты как мог?! Я тебе поверила... Я привела сестру в ваш дом, выдала ее за твоего подонка!!! Как мог допустить такое?! — С этими словами Аня плюнула ему в лицо и сама в ужасе замерла.

Нахамье ничего не сказал, молча утерся кепкой. Покачал головой, словно соглашаясь с обвинениями. Быстро развернулся и, словно во сне, спотыкаясь, как лунатик, поспешно вышел на улицу.

Он плохо видел, куда шел. В голове не укладывалось то, как повел себя на суде сын. Что теперь ожидало Турунж? Нахамье переполняло чувство стыда — за ту боль, которую они причинили Абрамовым.

Но... положив руку на сердце, он не видел в произошедшем своей вины. Несчастный случай. Женские характеры. Он сам не мог толком объяснить, почему произошло все именно так, нелепо и страшно.

Он не видел, что Аня какое-то время молча стояла на ступеньках суда, потом вернулась в зал.

Люди еще толпились в коридоре, обсуждая услышанное. Чем все закончится? Никто не понимал. Одна сестра

призналась. Свидетели, ее родители, сказали, что во всем виноваты они. Всем было жаль это несчастное еврейское семейство, в котором каждый пытался защитить остальных. Сочувствующие наделялись на слова адвоката, который призвал суд и заседателей войти в положение семьи, которая действовала под давлением внешних обстоятельств, связанных с необходимостью содержать детей.

Турунж тоже была уверена, что все обойдется. Во время суда она ловила на себе взгляды судебных заседателей. Ей показалось, что две женщины, что сидели справа и слева от судьи, слушали ее внимательно, и даже вопросы задавали сочувственно. «Они не могут не войти в мое положение», — подбадривала себя Турунж.

Раздался звонок, возвещающий окончание перерыва. Первой в зал вошла секретарь суда, следом — судья и судебные заседатели.

Все замолкли. Абрамовы, стоявшие вместе, невольно подались вперед.

— Дадут условно, должны дать, — еле слышно прошелестел чей-то шепот рядом с Мельке. Ее сердце радостно забилося. Она замерла, превратившись в слух.

Судья открыл папку, взял лист бумаги и начал читать:

— «На основании заключения следствия... обвинения, подтверждаемые неопровержимыми доказательствами вины подсудимых, учитывая показания свидетелей по делу... основываясь на показаниях подсудимых, — каждую фразу он выговаривал четко, — постановил... Турунж Бабаеву, 1929 года рождения, беспартийную, приговорить к пяти годам заключения, Раису Ханукову, ранее судимую, — к пяти годам...»

В зале раздался ропот и гул.

Мельке охнула. Аня зажала рот рукой.

Судья окриком и стуком кулака по столу призвал соблюдать тишину и продолжил:

— «А также, основываясь на показаниях свидетелей по делу Хезгиё и Мельке Абрамовых, постановил признать вышеупомянутых лиц, проходивших свидетелями по делу, причастными к организации преступной деятельности и по совокупности их деяний приговорить к пяти годам заключения каждого». Конвой, прошу пройти в зал!

Мельке и Хезгиё замерли!

Турунж вдруг закричала. Рая начала рыдать, причитая:

— Они же ни в чем не виноваты! За что стариков?!

Зал взорвался возмущенными голосами.

Конвоиры пробирались к Мельке и Хезгиё сквозь плотную толпу окруживших их соседей, сочувствующих.

Над всем этим столпотворением и паникой повис голос Тани.

— За что, за что нам все это?! Ну почему они так с нами обходятся?! Ублюдки!.. Что мы им сделали? — И ее, и Раю тут же вывели из зала под конвоем.

Все стояли, не расходясь, словно ожидая чего-то. Конвой, растолкав толпу, окружил Абрамовых-старших. Ничего не понимающим старикам велели следовать за стражей, и через минуту их уже уводили в ту же дверь, за которой минутой раньше исчезли Рая и Турунж.

Люди топтались на месте, обсуждая случившееся. Никто не расходился, словно могло произойти еще что-то столь же ужасное. Только одна скамья была совершенно пустая. Это были места, которые занимали Бабаевы.

И тогда среди гула голосов в набитом зале заседаний раздался надрывный голос Юсуфа Пановича, брата Раи и Турунж, адресованный в никуда, в небо, пустым скамейкам.

— Я убью его. — Потом в бессильной ярости, тыча костылем в сторону пустой скамьи Бабаевых, он закричал еще громче: — Я всю их семью вырежу!

В городе еще долго на все лады обсуждали трагедию, которая произошла с ними. Люди не могли взять в толк, как все это могло случиться? Наверное, мир сошел с ума, если отец, в силу своей молодости не понимая трагических последствий, сажает мать своих детей за решетку.

Люди пересказывали друг другу случившееся. Но никто не знал причин того, что произошло. Но и мы не знаем их. Это был крах семьи Абрамовых, в одночасье потерявших детей и внуков, крах Раи, угодившей опять за решетку, крах Турунж, лишившейся самого дорогого, что у нее было в жизни, — возможности быть рядом с нами, ее детьми. И самым ужасным было то, что родителей, пытавшихся спасти своих детей и оговоривших себя, посадили вместе с дочерьми.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жизнь распорядилась так, что мы называли матерью женщину, которая нас вырастила. Это была Хаво. Весь трагизм случившегося мы поймем значительно позже.

С этого дня мы, ее дети, были практически навсегда оторваны от родной матери. Родная моя мамочка!

Когда я писал эту книгу, ты согревала меня своим теплом и любовью.

Ты навсегда в моем сердце.

И я хочу сказать тебе:

И на коленях перед Богом
В своей спасительной мольбе
Я вновь благословлю дорогу,
Что душу привела к тебе.

**В работе над рукописью
мне помогали статьи и книги:**

История и культура горских евреев Кавказа / Ред. Л.А. Микдаш-Шамаилов. Иерусалим — Куба: Институт стратегических исследований Кавказа, 2009.

Ихиллов Михаил Мататович: ученый, воин, гражданин: Сб. ст. / Сост. Г.Б. Мусаханова. Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2004.

Горские евреи: история, этнография, культура. / Сост. и ред. В. Дымшиц; под общ. ред. И. Бегуна. М.: ДААТ / Знание, 1999.

Кавказские евреи-горцы / Анисимов И.Ш. М.: Тип. Е.Г. Потапова, 1888.

Куповецкий М.С. Социокультурный анализ формирования коллективной памяти и мифологем о происхождении евреев Восточного Кавказа до 80-х годов XIX в. // Этнографическое обозрение. 2009. № 6, С. 58—73.

Сосунов Г. Еврейские памятники Восточного Кавказа / Предисловие Ю.И. Мурзаханова и И.Г. Семенова; ст. И.Г. Семенова. Махачкала, 2007.

